

Г 20

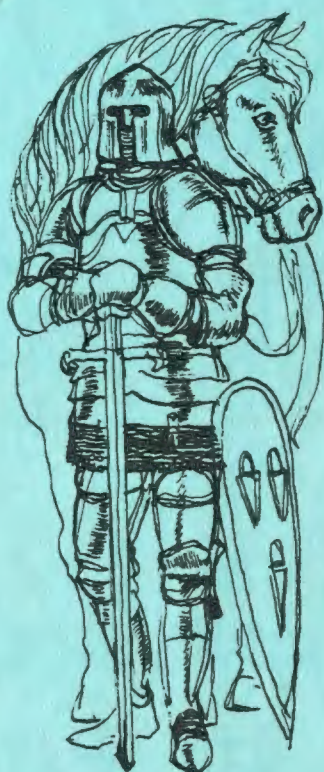
ЗАМОК
ИДУЩЕ

АЛАН ГАРНЕР

КАМЕНЬ ИЗ ОЖЕРЕЛЬЯ БРИСИНГОВ

ЗАМОК ЧУДЕС
Фантастические и сказочные
повести для детей

[Illegible text]

334

ЗАМОК ЧУДЕС

Алан Гарнер

КАМЕНЬ ИЗ ОЖЕРЕЛЬЯ
БРИСИНГОВ

Сказочная повесть

Перевод с английского
М. Бородицкой

Художник А. Куманьков

Москва АРМАДА
1996

Alan Garner
**THE WEIRDSTONE
OF BRISINGAMEN**

Кто бы мог предположить, что, едва приехав погостить на сельскую ферму у подножия Пеннинских гор, брат и сестра Колин и Сьюзен неожиданно-негаданно попадут в мир чудес и волшебства? Но мир этот полон опасностей и мрачных теней. Злобные тролли и сварты, коварные гоблины устремляются в погоню за ребятами, у которых оказался всемогущий волшебный камень Огнехлад. И несдобровать бы им в скитаниях по лабиринтам подземных пещер и заколдованным лесам и болотам, если бы не отважные гномы и добрый чародей Каделлин.

Прочитав сказочную повесть английского писателя Алана Гарнера, вы узнаете, чем закончилось жестокое противостояние юных искателей приключений и темных сил древности.

- © Перевод, Бородинская М. Я., 1996
- © Иллюстрации, Куманьков А. Е., 1996
- © Художественное оформление, АРМАДА, 1996

ЛЕГЕНДА ОБ ОЛДЕРЛИ

Однажды, в стародавние времена, ехал фермер из Мобберли ранним октябрьским утром на ярмарку в Мэклзфилд.

Утро было пасмурное, но не холодное. Вдоль дороги, что вела через холм Олдерли, стлался легкий туман. В окрестных лесах стояла тишина; день обещал быть ясным. На душе у фермера было легко, и он пустил свою белую кобылу шагом: пусть лошадка доберется до ярмарки свежей! Нынче вечером он воротится в Мобберли на своих двоих, да зато богачом.

И вот, в уме подсчитывая барыши, подъехал он к месту, что звалось Разбойничьей Пещерой. И тут его лошадь стала как вкопанная: хоть бей, хоть пришпоривай — все без толку! Ибо взгляд, пригвоздивший бедняжку к тропе, был сильнее, чем шпоры, и хлыст, и хозяйский окрик.

Посреди безлюдной дороги явился вдруг высокий старец с длинными волосами и бородой.

— Ты продаешь кобылу,— молвил он.— Я ее покупаю. Сколько?

Но фермеру не терпелось попасть на торг: там уж кто-нибудь даст подороже. И он весьма неучтиво приказал старику посторониться и пропустить его, не то он не успеет к началу ярмарки.

— Что ж, поезжай,— ответил тот.— Не найдется охотников на твой товар. Я буду ждать тебя на закате.

И старец пропал неведомо куда.

...На улице было тепло, в кабачке прохладно, и все кругом наперебой расхваливали белую кобылу. Великолепная лошадка, обойди хоть весь базар — лучше не сыщешь, гордость Чешира, настоящая королева — так в один голос твердили знатоки и зеваки. Но никто не пожелал купить ее. Когда же небо зарделось на западе, усталый и хмурый фермер пустился в обратный путь.

И вновь подъехал он к Разбойничьей Пещере, и вновь кобыла — ни с места. Ведь незнакомец был уже там!

На этот раз фермер оказался сговорчивей.

— Сколько дашь? — спросил он.

— Тебе хватит. Ступай за мной.

И пошли они мимо Семи Елей, мимо Золотого Камня, до Грозового Утеса и Седловины. И остановились перед огромным валуном, вросшим в склон холма. Поднял старец свой посох и дотронулся до скалы, и раскололась она с великим громом.

Тут взвилась на дыбы лошадка, скатился на землю фермер и на коленях запросил пощады. Пускай старик забирает себе кобылу, лишь бы отпустил его домой невредимым!

Но чародей — ибо старец тот был чародеем — приказал ему подняться.

— Ты останешься невредим,— сказал он.— И не страшись, хоть и узришь ты невиданные чудеса.

Внутри скалы оказались железные ворота. Открыл их старик и повел фермера с лошадкой по узкому длинному проходу в глубь холма. И вдоль всего пути мерцал им неяркий, чудесный свет.

Подземный ход привел их в пещеру, и фермер застыл, не веря своим глазам. Сто сорок рыцарей увидел он — прекрасных, недвижных рыцарей в серебристой броне! И сто тридцать девять белых кобыл: у всех по лошади, кроме одного.

— Здесь покоятся они в магическом сне,— молвил чародей,— пока не настанет предреченный день, когда Англия окажется на краю гибели и матери заплачут о сыновьях. Тогда суждено им выехать на равнину и в битве, трижды проигранной, трижды выигранной, сбросить вражью силу в море.

Сказавши так, отвел он дрожащего фермера в соседнюю пещеру, где сверкали груды золота, серебра и драгоценных камней.

— Возьми за лошадь — бери столько, сколько сможешь унести.

И когда фермер наполнил свои необъятные карманы сокровищами, да еще за пазуху насовал, да в обоих кулаках зажал по горсти, вывел его волшебник из холма и вытолкал за ворота. Споткнулся фермер, прокатился гром, и сомкнулась за ним скала, будто ничего и не было. Глянул по сторонам — пустынный склон да гладкий валун, рядом Грозовой Утес, и полная луна в небе светит.

И сколько ни старался он после отыскать то место, ничего у него не вышло, да и у других тоже. Правда, некая Нелл Бек божилась, что видела однажды ворота в скале, но ее объявили полоумной и, когда она умерла, схоронили под насыпью за лесом Бриндлоу, на краю поляны, что и по сей день носит ее имя.

Глава первая ВЕРХНИЙ РЕДМАНХЕЙ

В дверь купе постучал проводник.

— Через пятнадцать минут — Уилмслоу!

— Спасибо! — крикнул Колин.

Сьюзен принялась убирать скопившийся за дорогу мусор: апельсиновые корки, огрызки, обертки, прочитанные комиксы. Колин снял с полки багаж. Через три минуты они были готовы и нетерпеливо ерзали на сиденьях, как все на свете пассажиры в конце пути: сумки на коленях, плащи в руках, делать пока нечего, а прохладиться уже некогда. Последние мили — самые длинные.

На перроне в Уилмслоу было полно народу, но Колин и Сьюзен без труда узнали среди встречающих Гаутера Моссока. Как только схлынула людская волна, он замахал рукой и, широко ступая, направился к ребятам, одиноко стоявшим на дальнем краю платформы.

Он походил на старое дерево: не слишком высокий, но кряжистый, плотный, ширококостный, круглое лицо отполировано ветрами, голубые глаза с морщинками в уголках — под стать улыбчивому рту. Куртка из твида была ему тесновата; бриджи, заправленные в толстые шерстяные чулки, туго обтягивали крепкие ноги, чуть выгнутые, как просевшие от времени балки в старом доме. На голове у него красовалась поношенная фетровая шляпа неопределенной формы, подбитые гвоздями башмаки высекали искры из мостовой.

— День добрый! Вы, стало быть, Колин и Сьюзен.

Голос — будто осенний ветер: и резковатый, и теплый.

— Точно,— кивнул Колин.— А вы мистер Моссок?

— Он самый. Только никаких мистеров, зовите меня просто Гаутер. И поехали скорей, Бесс уже, поди, поджидает нас к ужину.

Он взял у ребят сумки, и все трое спустились на привокзальную площадь, где стояла зеленая повозка на высоких красных колесах, запряженная белой лошадкой с лохматой гривой.

— А ну, Прохвост, посторонись! — Гаутер закинул сумки в повозку, и пятнистый охотничий пес, дремавший на коврике, поднял морду и подозрительно уставился на ребят. Колин и Сьюзен забрались на сиденье, Гаутер уселся посередине, и они покатили. Путешествие приближалось к концу...

Деревенская улица осталась позади, и повозка выехала на проселок. По обочинам дороги высились деревья, слева и справа простирались поля.

Они уже вовсю болтали о разных разностях и даже успели подружиться с Прохвостом, который примостился поближе и просунул морду между Сьюзен и Гаутером. И вдруг...

— Ух ты, что это?! — подскочил Колин.

За поворотом, прямо у них на пути, вырос огромный, темный до черноты, продолговатый холм. Справа на гребне холма торчали в закатном небе какие-то башни и шпили. Они возвышались над лесом, который, будто мохнатый ковер, покрывал все склоны этой громады.

— Это Кряж,— пояснил Гаутер.— Шестьсот футов в высоту, три мили в длину. То-то будет вам где разгуляться! Чешир, он ведь всюду плоский что твой блин, да только не в наших краях.

Ближе и ближе придвигался Кряж, пока не закрыл полнеба. У самого подножья холма они свернули направо. С одной стороны дороги расстилались поля, с другой — набили крутые склоны Кряжа. Высокие темные буки, подступавшие чуть не вплотную к повозке, о чем-то перешептывались на ветру.

— Жутковато здесь, правда? — поежилась Сьюзен.

— Есть такие, что и побаиваются,— отозвался Гаутер.— Наслушались рассказней... Вы вот лучше глядите, сейчас будет Олдерли. Это не самый короткий путь, да мы с Принцем не любим больших дорог: больно шумно и дымно. Мы и деревню стороной объедем, вы на нее еще наглядитесь, как соберемся в пятницу за покупками... Ага, вот тут нам в горку!

На перекрестке Гаутер повернул налево, и дорога пошла вверх. Теперь с обеих сторон тянулись каменные ограды, а за ними — сады, разросшиеся позади больших домов на западном склоне холма.

Подъем был очень крутой, но Принц исправно тянул повозку, пока она вдруг не выехала на ровное место. Конек всхрапнул и ускорил шаг.

— Ужин свой почуял, верно, мальчик?

Теперь они были на самом гребне. В просветах между деревьями виднелись мерцавшие далеко внизу огоньки. Они свернули на узкую ухабистую дорожку и с последним отблеском дня подъехали к небольшому крестьянскому дому, прочно обосновавшемуся во впадине холма.

Дом был срублен из темного дуба; меж сучковатых бревен белела штукатурка. В окнах — желтый свет от лампы сквозь частые переплеты ромбиками, крыша из плитняка. И весь он казался частью холма, как будто сам тут вырос.

Путешествие закончилось: они прибыли в усадьбу Верхний Редманхей, где больше трех веков жили и крестьянствовали поколения Моссоков.

— Бегите в дом,— сказал Гаутер.— Пускай Бесс накрывает к ужину, я только задам Принцу овса.

Бесс Моссок, низенькая и полненькая, с румяными как яблоки щеками и широкой улыбкой, еще до замужества нянчила маму Колина и Сьюзен. И хотя они не виделись целых двенадцать лет, Бесс и ее бывшая воспитанница до сих пор писали друг другу письма, а

на Рождество обменивались подарками. И когда воспитаннице понадобилось на полгода уехать к мужу за границу, она обратилась к любимой нянюшке, и та с радостью предложила свою помощь.

— Да и в доме будет повеселей, давно у нас тут не бывало ребятишек!

Она встретила детей с распростертыми объятиями и после расспросов о здоровье мамы и отца отвела их наверх и показала приготовленные для них комнаты.

Когда вернулся Гаутер, все уселись вокруг стола в просторной низенькой кухне, и Бесс подала огромный чеширский пирог. От такой сытной еды и дорожной усталости ребята начали клевать носами прямо за столом. Они пожелали хозяевам спокойной ночи и отпра-

вились наверх, взяв с собой по свече, потому что электричества в Верхнем Редманхее не было.

— Ох, ну и устала же я!

— Ага, я тоже.

— А здесь ничего, правда?

— М-м.

— Хорошо, что мы сюда приехали, да?

— Да-а...

Колин и Сьюзен улеглись, задули свечки и заснули, едва коснувшись головами подушек.

Глава вторая

КРЯЖ

— Коли хотите,— сказал Гаутер за завтраком,— можем пока пройтись по усадьбе, а как Сэм придет — возьмемся за работу. Надо бы нынче убрать остаток сена: к вечеру, похоже, соберется гроза...

Сэм Харлбатт, худощавый молодой работник, на редкость ловко управлялся с вилами. В то утро он перекидал сена раза в три больше, чем Колин и Сьюзен вместе, и при этом вчетверо меньше устал. К одиннадцати часам стог был готов, и все разлеглись в его тени, с наслаждением попивая из глиняного кувшина свежий сидр.

Позже, за едой, Гаутер спросил у ребят, что они собираются делать после обеда.

— Вообще-то,— сказал Колин,— мы хотели погулять в лесу, поглядеть, что там интересного.

— Вот и ступайте. Мы с Сэмом без вас обойдемся, нам только стенку в свинарнике подправить. Гуляйте себе на здоровье, только чур — в пещеры не лазить, в ямы не проваливаться, глядеть под ноги! Тут когда-то был медный рудник, вот вся гора и перерыта. Упадете в какую-нибудь шахту — или насмерть убьетесь, или

еще хуже: станете плутать в потемках по подземным ходам да переходам, тут вам и конец.

— Не беспокойтесь,— сказал Колин,— мы осторожно.

— Полдник в пять,— напомнила Бесс.

— И подальше от ям! — еще раз крикнул им вслед Гаутер, когда они выходили за калитку.

Странно выглядела эта сельская гостиница на пустынной, заброшенной дороге. Каменная крыша, белевые стены — она, казалось, не одну сотню лет одиноко простояла среди окрестных лесов. Обычный деревенский трактир — только без деревни. Колин и Сьюзен набрали на это место, прошагав мили полторы по придорожной пыли и раскаленному гудрону. Трактир назывался «Чародей»: над входом висела большая раскрашенная вывеска. На ней был изображен человек в монашеской одежде, с длинными седыми волосами и бородой. Позади него нелепая фигурка в старомодном крестьянском платье с трудом удерживала за поводья белую лошадь, вставшую на дыбы. Вокруг темнели высокие деревья.

— Интересно, что же это такое? — пробормотала Сьюзен.— Надо спросить у Гаутера, он уж, верно, знает.

Они свернули с пропеченной солнцем дороги в зеленую прохладу леса. Трактир остался позади, и навстречу потянулись ели и сосны, ясени и дубы, серебристые березы, замелькали пышные папоротники и теплые травяные пригорки. Красота и тишина обступали их со всех сторон...

Но вот под ногами заскрипел песок, и ребята вынырнули из лесного сумрака на открытую каменистую площадку. Здесь, как над горячей плитой, дрожало знойное марево. Склон круто уходил вниз, и к северу

от них желто-зеленым лоскутным одеялом расстилась равнина Чешира, кое-где усеянная игрушечными домиками. А справа под ними долина собиралась в складки, вздыбливалась все круче, чтобы через восемь миль слиться с темневшими сквозь дымку Пеннинскими горами.

Несколько минут они стояли молча, затаив дыхание... Сьюзен первая опустила глаза.

— Гляди-ка! — воскликнула она. — Это что, старая шахта?

Прямо под ногами был узкий ров, уходивший в глубь скалы.

— Пошли! — скомандовал Колин. — Мы недалеко, только докуда свет проникает.

Они осторожно спустились в ров, который вскоре привел их в небольшую, почти круглую пещерку. Там было сыро и холодно. И никаких шахт или подземных коридоров — ничего интересного, только круглое отверстие в потолке, около метра в диаметре, неплотно прикрытое снаружи продолговатым камнем.

— Ха, — фыркнул Колин, — здесь-то уж точно не опасно!

Все оставшееся до полдника время они бродили и лазили по лесистым склонам и впадинам Кряжа. Иногда встречались им высокие буковые рощи без всякого подлеска. Земля под деревьями была устлана толстым ковром опавшей листвы. И ни звука вокруг, ни травинки под ногами, только серо-зеленые застывшие буки, словно тут стояла вечная зима. Выбраться из такого леса было все равно что выскочить из темного погреба в цветущий сад!

Попадались им и пещеры, и подозрительные расселины; некоторые они даже обследовали, но не дальше, чем проникал дневной свет.

Они уже собирались домой, как вдруг, одолев очередной подъем, наткнулись на каменное корытце; из

нависшего над ним утеса стекала струйка воды, а сверху на скале кто-то высек изображение бородатого старика и надпись:

ПУТНИК, ЖАЖДУ УТОЛИ,
БЬЕТ ВОДА ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ.
БЬЕТ ИСТОЧНИК НЕ СКУДЕЯ
ПО ВЕЛЕНЬЮ ЧАРОДЕЯ.

— Опять этот чародей! — воскликнула Сьюзен.—
Надо сейчас же узнать у Гаутера, что это за история.
Пошли скорей, не то опоздаем к чаю.

До фермы оставалось меньше ста шагов, когда их обогнал большой зеленый автомобиль. Машина резко затормозила, из нее вышла женщина и остановилась, поджидая ребят. Это была крупная дама (по словам Сьюзен — «толстая тетка») лет сорока пяти, с круглой головой на широких плечах — и как будто совсем без шеи. От носа к углам ее тонкогубого рта тянулись глубокие морщины, а глаза казались слишком маленькими. Ноги у нее почему-то были тощие, длинные, и вся она — опять же по словам Сьюзен — напоминала большого откормленного воробья.

Незнакомка внимательно разглядывала ребят, пока они с ней не поравнялись.

— Это дорога на Мэкзфилд? — спросила она.

— Мы, к сожалению, не знаем,— вежливо сказал Колин,— мы только что приехали.

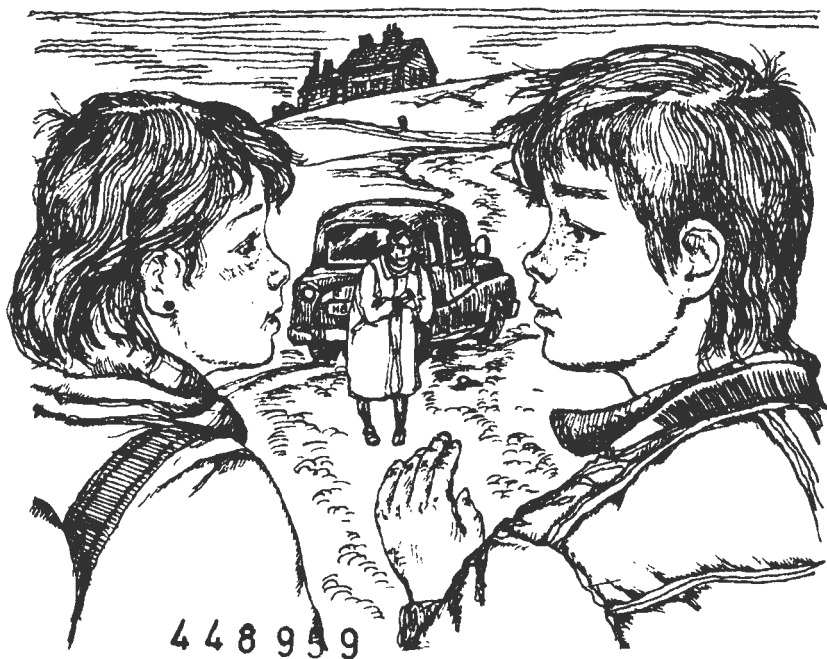
— Вот как? Ну, тогда я вас подвезу. Садитесь!

— Спасибо,— покачал головой Колин,— но мы живем рядом, вон на той ферме.

— Садитесь на заднее сиденье.

— Нет, правда. Тут совсем близко.

— *Садитесь!*

— Но мы...

Незнакомка вспыхнула и сердито сверкнула глазами.

— Вы — немедленно — сядете — в машину!

— Честное слово, не стоит, мы же вас только задержим!

Женщина стиснула зубы и зашипела. Глаза ее закатились, только белая полоска виднелась из-под опущенных век. И она зловеще забормотала себе под нос.

Колину было ужасно неловко. Конечно, они не могли просто уйти и бросить эту чудную тетеньку посреди дороги. Но она так странно себя вела, что ему хотелось скорее убраться прочь, только никак не удавалось сдвинуться с места.

— *Омпитатор*, — сказала незнакомка.

— Простите... как это?

— *Лapidатор*.

— Извините, я...

— *Сомниатор.*

— А вы...

— *Кви либертар опера фацитис...*

— Я не очень-то понимаю по-латыни...

Колин хотел бежать. Она, должно быть, сумасшедшая. Ему с ней не справиться. На лбу у него выступил холодный пот, по рукам и ногам забегали невидимые иголки, все тело онемело.

Где-то поблизости громко залаял пес. Женщина сдавленно вскрикнула и обернулась. Колин очнулся и обнаружил, что пальцы его сжимают ручку задней дверцы автомобиля — и дверца наполовину открыта.

— Потихе, Прохвост! — крикнул Гаутер.

Он шел к ним навстречу, а забежавший вперед Прохвост стоял неподалеку от машины и грозно рычал.

— Назад! Ко мне!

Пес неохотно вернулся к хозяину, а тот замахал ребятам рукой, подзывая их к дому.

— В-вон мистер Моссок, — с трудом выговорил Колин. — Он вам п-покажет дорогу на Мэкзфилд.

— Не сомневаюсь! — огрызнулась незнакомка.

И, бросив на него злобный взгляд, она прыгнула в машину и укатила.

— Ну и ну, — пробормотал Колин. — Ненормальная какая-то... Что это с ней было — припадок, что ли?

Сьюзен пожала плечами и через силу улыбнулась. Заговорила она, только когда они уже входили в калитку.

— Знаешь, может, это от жары, и вообще мы так далеко ходили... но пока ты с ней разговаривал, я чуть в обморок не упала. И самое странное — смотри! — Слезинка совсем затуманилась.

Сьюзен очень любила свою Слезинку — кусочек горного хрусталя в форме капли, мамин подарок. Он

был в оправе, прикрепленной к серебряной цепочке-браслету, которую Сьюзен всегда носила на запястье. Камешек был совершенно прозрачный, но Сьюзен еще малышкой обнаружила, что, если рассматривать его на свет, поворачивая то так, то этак, там, в глубине кристалла, появлялся живой, пляшущий язычок огня: голубой, далекий и очень красивый.

Когда Бесс Моссокс увидела браслет, она в восторге захлопала в ладоши: «Да это ж Невестин Камень! И сколько же лет я его не видала!»

И она объяснила удивленной Сьюзен, что сама когда-то получила «эту хорошенькую росинку» от своей матушки, а та — от своей, и так далее... и теперь уж никто и не помнит, откуда у них в семье этот камешек и почему он так зовется. А Бесс его подарила их маме, когда та была девочкой, «потому как детишки всегда любили с ним забавляться, ну и ваша матушка тоже».

При этих словах Сьюзен помрачнела.

«Раз так,— сказала она,— я должна вам его вернуть, ведь это фамильная ценность, и вообще...»

«Да что ты, что ты, детка! — замахала руками Бесс.— Носи на здоровье. Своих-то детей у меня нет, и ваша матушка мне все равно что родная дочка, так кому ж его и носить, как не тебе!»

Так Слезинка осталась у Сьюзен и продолжала весело поблескивать на запястье. И только после встречи с хозяйкой зеленого автомобиля она вдруг стала мутной, как сыворотка.

— Ну пошли же, Сью! — обернулся к ней Колин.— Вот поешь хорошенько, и все пройдет. Пошли, догоним Гаутера.

— Но, Колин, посмотри...— начала было Сьюзен, поднимая руку с браслетом.

И осеклась, потому что камешек был снова чист и прозрачен — будто ничего и не было.

Глава третья ПОДКОЛОДНАЯ НЕЧИСТЬ

— И чего же от вас хотела старая Селина Плейс? — поинтересовался за чаем Гаутер.

— Селина Плейс? — переспросил Колин.— А кто это?

— Да вы же с ней толковали давеча на дороге; обычно-то она не больно разговорчива.

— А вы с ней знакомы? Я думал, она приезжая, она ведь спрашивала дорогу на Мэклзфилд.

— Дорогу? Она что, рехнулась? Да она живет в Олдерли! Сколько я себя помню, она всегда там жила.

— Правда?!

— Ну да, у нее дом на той стороне, над самым обрывом, большая такая развалюха, вроде сарая. Живет она одна, держит трех собак, а по мне, так эти твари больше смахивают на волков. Видеть-то я их не видел: она их со двора не выпускает,— зато зимой, в потемках, слышал однажды, как они выли. Ну и музыка — до сих пор мороз по коже! Так она, стало быть, спросила дорогу на Мэклзфилд? И больше ничего?

— Ничего. Да, она еще хотела нас подвезти, потому что мы недавно приехали, а как вас увидела — прыг в машину и удрала. По-моему, у нее не все дома.

Бесс посмотрела на Гаутера:

— Не нравится мне вся эта история. Ты бы с ней потолковал — что она такое затеяла?

— Нашла о чем беспокоиться! Дик Торникрофт всегда говорил, что эта Селина малость тронутая. Похоже, так оно и есть. Держитесь-ка вы от нее подальше, да и в чужие машины садиться незачем. А побродили вы, видать, на славу. Вас послушать, так вы много чего успели. Давайте-ка разбираться, только по порядку, чтоб нам не заплутать. То место на обрыве, откуда вид на все стороны,— это Грозовой Утес, а пе-

щера с дыркой в потолке — Чертова Могила. Обежишь вокруг нее трижды против солнца — говорят, явится сам Старый Ник и утащит тебя в преисподнюю...

До конца полдника Гаутер отвечал на расспросы ребят обо всем, что они сегодня повидали. Обо всем, кроме чародея!

Наконец с едой было покончено, и он сказал:

— Это долгая история, вот я и приберег ее напоследок. Чай мы допили, теперь ничто не мешает мне рассказывать, а вам — слушать.

И они услышали легенду об Олдерли.

— Говорят, в стародавние времена жил в Мобберли фермер и была у него белая кобыла...

— ...и с того разу,— закончил Гаутер,— никто и никогда не видал больше тех волшебных ворот.

— Это что, *быль*? — спросил Колин.

— Кое-кто верит, что так оно и было. Да с тех пор столько воды утекло, все уж и думать забыли, что за скала и в какой она стороне. Я вам так скажу: это просто-напросто легенда, из тех, что приятно послушать после еды.

— Да, но все-таки...— вздохнула Сьюзен.— Папа всегда говорит, что не бывает дыма без огня.

— Что верно, то верно! — усмехнулся Гаутер.

После чая он понес корзину яиц старушке-вдове, что жила в крошечном домике за дальней изгородью фермы. Ребята отправились с ним. На обратном пути, спускаясь под уклон через Корчевье (так назывался покатый луг позади усадьбы), они заметили большую черную птицу, кружившую над скотным двором.

— Эй, гляньте-ка! — воскликнул Гаутер.— Что эта негодяйка ворона там высматривает? Коли сама не

уберется прочь, надо будет ее подстрелить. Как бы они к нам не повадились, когда овцы начнут ягниться.

Было еще не поздно, и Колин, у которого из головы не выходила легенда о чародее, спросил, нельзя ли им еще прогуляться и поискать волшебные ворота.

— Ну-ну, желаю удачи,— улыбнулся Гаутер.— Не вы первые, не вы последние.

— Пальтишки с собой возьмите,— сказала Бесс,— вечерами-то на горе прохладно.

Колин и Сьюзен облазили весь Грозовой Утес вдоль и поперек. Но вокруг было столько подходящих с виду валунов, что им скоро надоело вопить «Абракадабра!» и «Сезам, откройся!» и они улеглись отдохнуть на травянистом склоне под самым гребнем холма и смотрели, как солнце садится за край равнины.

— Пора идти,— сказала Сьюзен, когда солнце почти исчезло за горизонтом.— Пока светло, надо выбраться на дорогу, а то еще заблудимся.

— Ладно, только назад пойдем по другой стороне, мы там еще не были.

Колин повернулся и начал карабкаться вверх по склону. Сьюзен поднималась за ним.

Перевалив через гребень холма, они очутились в ложине, заросшей папоротником и усеянной валунами. С обеих сторон торчали скалистые выступы, все в трещинах, расселинах и каких-то норах, а впереди круто спускался под гору темный, сводчатый буковый лес. Воздух тут был тяжелый, неподвижный, как перед грозой, в густой тишине зудели комары и стоял приторный запах папоротника.

— Не нравится мне это место,— прошептала Сьюзен.— Я... мне кажется, за нами кто-то следит.

В другое время Колин посмеялся бы над ней, но сейчас он и сам чувствовал неприятный холодок между лопатками. И мерещилось, что там, под скалами, кто-то прячется, скользит зловещей тенью в густую-

щих сумерках, стараясь не попасться на глаза... И он с готовностью повернул назад, к тропе, ведущей на вершину холма.

Они не прошли и двух шагов, как мальчик вновь остановился.

— Смотри,— засмеялся он.— Вот кто за нами следит!

Прямо перед ними на высоком валуне сидела черная птица. Она застыла, вытянув шею, и глядела на них не мигая.

— Ворона! — вскрикнула Сьюзен.— Помнишь, она летала над фермой?

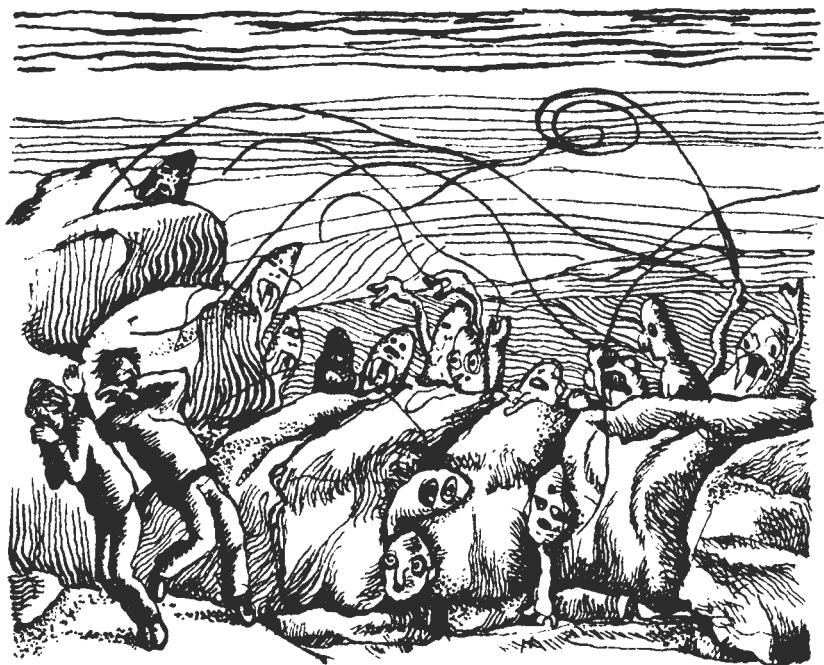
— Глупости, с чего ты взяла, что это та же самая? Их тут, может, сотни!

Но ему и самому не понравилось, как эта ворона расселась тут у них на пути, нахохлившись и словно выжидая. Он шагнул вперед, замахал руками и крикнул «Кыш!» неожиданно тонким и совсем не грозным голосом.

Ворона даже не шелохнулась.

Дети медленно двинулись вперед. Им хотелось побежать, но ворона как будто удерживала их своим жутким взглядом. Они поднялись уже до середины лощины, когда она громко, отрывисто каркнула. И тотчас между скал разнесся пронзительный клич, и со всех сторон, из всех щелей полезли невиданные твари.

С виду они напоминали человечков ростом не больше трех футов, с тощими, жилистыми телами и широкими, плоскими ступнями и ладонями. Головы у них были большие, уши острые, глаза круглые как блюдца, рты широко разинуты, зубы как ножи. У одних были короткие приплюснутые носы, у других — длинные хоботки, свисавшие до подбородков. Все они безволосы, кожа почти у всех бледная, точно рыба без чешуи, но попадались и чернокожие. Некоторые держали в руках мотки тонкой темной веревки, а из ближайшей пеще-

ры показалась целая компания с веревочной сетью, похожей на огромную паутину.

На миг ребята застыли в ужасе. Но только на миг! Инстинкт взял свое, и, повернувшись, они помчались вниз через лощину, к буковой роще. Костлявые пальцы тянулись им вслед, черные веревки свистели в воздухе как змеи, но они уже неслись меж стволов — только ворохи сухой листвы летели из-под ног.

— Стой, Сью! — завопил Колин.

Он понял, что спастись они могут, только выбежав на открытое место, на тропу, что ведет от Грозового Утеса к большой дороге. Ноги у них длинней, чем у этой нечисти, — может, на дороге им повезет.

— Остановись... не надо вниз... к Утесу... бежим к Утесу!

Он лихорадочно оглядывался по сторонам в поисках какой-нибудь приметы, потому что от страха

и наступавшей темноты совсем запутался и помнил только, что бежать им надо не вниз, а вверх.

Вдруг он увидел то, что искал. Справа, где-то в сотне футов над ними, в просвете между деревьями чернел знакомый валун, похожий на острый зуб. Колин заметил его, еще когда они шли сюда... шли *по тропе от Грозового Утеса!*

— Вон тот камень! Беги к тому камню!

Сьюзен оглянулась и кивнула.

Они торопливо полезли вверх, спотыкаясь, падая на четвереньки, по колено увязая в опавших листьях. Пока бежали вниз, они пересекли склон наискосок и теперь, поднимаясь, удалялись в сторону от гиблой лощины. Это их и спасло.

Их преследователи так легко и быстро катились вниз по лиственному ковру, что им не сразу удалось притормозить и поменять направление. Теперь они бросились наперерез.

Колин и Сьюзен прибавили ходу. Вот они уже на одной высоте с бегущими тварями... вот поднялись чуть-чуть выше, теперь их уже не отрезать от тропы. Но разрыв между ними и погоней был всего каких-нибудь десять шагов и быстро сокращался. И тут Колин, цепляясь за склон в поисках опоры, нащупал под листьями что-то твердое.

Это была увесистая коряга, вся в острых сучках. Мальчик выдернул ее из-под листвы и с размаху швырнул в подбегавшую нечисть. Передние с воплями повалились на задних, кувыряясь и путаясь в сетях и веревках.

Ребятам удалось выиграть драгоценные секунды. Но кошмар не кончался: ноги оскальзывались на ветках и сучьях, по колено утопали в рыхлой листве, сердце колотилось, в груди хрипело и клокотало... Наконец, подтянувшись из последних сил, они выбрались на тропу.

— Давай, Сью, давай,— задышался Колин,— поднажмем... они уже близко!

Страх придавал им прыти, и они со всех ног понеслись по тропе. Где-то наверху трижды прокричала птица, и в ту же секунду воздух наполнился быстрыми, тревожными ударами гонга. Они доносились, казалось, издалека и в то же время звучали повсюду: и под ногами, и над головой!

Деревья расступились, и дети выбежали на Грозовой Утес. Отсюда рукой подать до проезжей дороги... Но не тут-то было! До сих пор за ними гнались десятка два диковинных тварей, теперь же целые сотни хлынули им навстречу из Чертовой Могилы.

Колин и Сьюзен застыли в отчаянии. Все пропало! Впереди путь закрыт, сзади погоня, слева — зловещий буковый лес, а справа поросший соснами склон почти отвесно спускается в овраг. Выбора не было, и ребята бросились туда. Скользя и спотыкаясь, они скатились по песчаной тропке на дно оврага — и провалились по

колени в густую черную топь. Болото! Сверху его не было видно.

Они зашлепали было вперед, подгоняемые криками несущейся по пятам оравы, но тут Сьюзен пошатнулась и рухнула без сил на поваленный ствол.

— Не могу больше,— зарыдала она,— у меня ноги не идут!

— Ну пожалуйста, Сью! Еще немножко!

Колин уже заметил большой валун, торчавший из болота неподалеку. Может, если они доберутся до него, то смогут хоть как-то защищаться. Он схватил сестру за руку и потащил через хлюпающую грязь к подножью камня.

— Залезай!

И пока Сьюзен из последних сил карабкалась на плоскую верхушку валуна, он прижался к камню спиной и, как загнанный зверь, обернулся лицом к погоне.

Края болота уже кишели мерзкими существами. Свет восходящей луны падал на их безволосые шкуры, отражался в выпученных глазах. Не торопясь они окружали валун. Спешить было незачем, добыча у них в руках.

Колин забрался на камень следом за сестрой. Все мышцы у него болели, каждая жилка дрожала от изнеможения.

Круг сомкнулся и начал сжиматься. Существа приближались, легко шагая по болоту на плоских, разлапистых ступнях. Наконец все пространство у камня заполнилось ухмыляющимися рожами.

В воздухе зазмеились бесчисленные веревки: легче шелка, крепче стали, они обвивались вокруг жертвы и прилипали, будто смазанные клеем. Дети и пальцем не успели шевельнуть, как их уже облепила злорадная толпа, дергая, толкая, норовя ущипнуть — и обматывая, обертывая, опутывая, пока не уложила их рядком

на скале, как два беспомощных кокона: только головы наружу.

Их уже взвалили на плечи, чтобы тащить куда-то, как вдруг произошло чудо. Вспыхнул ослепительный свет — и все вокруг охватило голубым пламенем. Дети не почувствовали жара, но веревки обуглились и рассыпались в пепел, а их мучители, шипя и плюясь, отступили в болото и подняли там адский вой.

И тут откуда-то сверху, из мрака, раздался звучный голос:

— С каких это пор человеческие отроки обладают таким могуществом, что против двоих надобны сотни? Прочь отсюда, подколодная нечисть, могильные черви Имира¹, прочь, пока терпение мое не истощилось!

При первых же звуках этого голоса шумная орава притихла. Теперь они попятились, свирепо скаля зубы и шурясь от яркого огня, повернулись и бросились наутек. Словно во сне ребята слышали удаляющийся топот ног, шорох камней на склоне; и все смолкло. Холодное пламя вокруг валуна замигало и погасло. Только луна освещала мирную долину.

И в бледном свете луны, приглядевшись, они увидели стоявшего на выступе старика, очень высокого и худого. На нем была длинная белая мантия, волосы и борода тоже белые, а в руке — белый посох. Когда ребята приподнялись и кое-как уселись на камне, он снова заговорил, только голос был совсем не сердитый:

— Ступайте за мной, дети, пока не встретился вам кто-нибудь похуже свартов. Недобрая нынче ночь! Поторопитесь: меня вам незачем страшиться.

¹ И м и р — сказочный великан из германских мифов, первое живое существо в мире, из тела которого боги сделали землю. А из могильных червяков, которые в нем завелись, они сделали маленьких человечков: черных эльфов подземного царства — Свартальвхейма.

Он улыбнулся и протянул к ним руку. Колин и Сьюзен слезли с валуна и зашлепали к нему по болотной жиже. Обоих колотила дрожь, не спасали даже плащи.

— Держитесь ко мне поближе. Сегодня, по крайней мере, вы в безопасности, но все же лучше не рисковать.

И он коснулся посохом скалы. Послышался глухой рокот, и в камне появилась трещина, сквозь которую пробивался тонкий лучик света. Трещина расширилась, и показался высокий, узкий коридор, уходивший в глубь земли. Он освещался каким-то мягким светом, похожим на тот, что распугал зловредных тварей.

Старик пропустил ребят вперед, и как только сам он переступил порог, отверстие в скале закрылось. Ночь со всеми ее страхами осталась позади.

Проход скоро кончился, и они остановились перед тяжелой дубовой дверью, обитой железными гвоздями. Дети отступили в сторону, пока старик возился с замком.

— Крепкий дуб, затвор железный,— бормотал он,— и заклятья бесполезны... А, наконец-то! Теперь входите и подкрепитесь.

Глава четвертая ХРАНИЛИЩЕ

Они оказались в просторной пещере, небогато, но удобно обставленной. Посередке стоял длинный деревянный стол и несколько резных кресел, в углу — груда мягких звериных шкур. От стены к стене бежал говорливый ручеек, проложивший себе русло в каменном полу. Там, где он вытекал из пещеры, в углублении под стеной образовалось небольшое озерцо; из него-то старик и зачерпнул воды в две бронзовые чаши и протянул их Колину и Сьюзен.

— Передохните,— он показал на шкуры в углу,— и утолите жажду.

Дети опустились на мягкое ложе, потягивая прозрачную ледяную воду. С первым же глотком усталости как не бывало: по всему телу разлилось тепло, в голове прояснилось, на душе полегчало.

— Ой! — воскликнула Сьюзен, словно в первый раз оглядываясь по сторонам.— Не может быть... Это все понарошке! Колин, мы, наверно, спим!

Но Колин не отвечал: он не отрываясь глядел на старика. На седого старца с телом прямым и сильным, как у юноши, с острым взглядом серых глаз, полных мудрости и печали, с твердым и добрым ртом, который умел смеяться.

— Легенда...— вспомнил Колин.— Значит, в ней все правда?

— Правда,— кивнул волшебник.— И очень жаль, что не выдумка. В тот день удача отвернулась от меня! Но довольно о моих бедах. Надобно прежде взять в толк, чего от вас хотели сварт-альфары. Их обычно не привлекают людские чада.

— Простите, пожалуйста,— вмешалась Сьюзен,— но я вообще ничего не понимаю! Может, вы нам сначала объясните, *что* это было и кто они такие, ну как их там, в болоте? Мы и про вас ничего не знаем — хотя вы, наверно, тот самый чародей?

— Не взыщите,— улыбнулся старик.— Я тревожился за вас и совсем позабыл, что многое вам еще неведомо. Кто я такой? В разные времена по-разному прозывали меня среди людей. Одни имена теперь запретны, иные трудны для вашего языка... Но пути наши пересеклись не даром, и пока они вновь не разошлись, называйте меня Каделлин: это имя дали мне люди Эльтана.

Твари, что напали на вас нынче,— из породы гоблинов; сами они зовут себя *сварт-альфары*. Народец они трусливый, ночной, солнышка не выносят, из нор своих днем почти не вылазят, норовят наскочить в темноте да придушить потихоньку. Они не владеют волшебством и для меня не опасны, но вам бы худо пришлось, не услышь я сквозь подземные своды их боевой сигнал.

А теперь ваш черед рассказывать: кто вы такие и чем навлекли на себя беду?

Колин и Сьюзен объяснили все по порядку: и как они оказались в Олдерли и что делали с самого своего приезда.

— А сегодня днем,— закончил Колин,— мы лазили по Кряжу, потом вернулись на ферму, а вечером, примерно в полседьмого, опять пришли сюда. И хоть убейте, не знаю, что мы такого успели натворить и кому вообще понадобились!

— Гм-м.— Каделлин задумался.— Пока и впрямь никаких причин... Расскажите-ка подробно, что произошло нынче вечером.

Выслушав, как за ними охотились и в конце концов поймали, он снова помолчал.

— Загадочная история,— вздохнул он наконец.— Ворона была прислана с распоряжением захватить вас, это ясно. Кто ее послал, для меня не секрет. Но зачем эта нежить вознамерилась вас заполучить? Вот чего я не знаю, а должен бы знать — ради вашей, да и своей сохранности, ибо они жаждут моей гибели; вы же, сами того не ведая, можете сослужить им службу... Что ж! Посмотрим, как они поступят после нынешней ночи: может, дело и прояснится. Я тем временем возьму вас под свою защиту, и в здешних лесах найдутся у вас друзья.

— Но вы-то почему в опасности? — спросила Сьюзен.— И что это за... нежить такая?

— Увы! Рассказывать об этом долго, а вспоминать — стыдно. Но вам, пожалуй, следует это знать. Идемте со мной, если силы к вам уже возвратились, и я вам кое-что покажу.

Каделлин вывел ребят из пещеры и повел по длинному извилистому проходу к самой сердцевине холма. Воздух становился все холодней, а голубой свет — все ярче и белее; и вот они очутились в невысоком, но длинном подземном зале. Здесь, под сводами, словно морской прибой, вздымалось размеренное дыхание. И десятки прекрасных рыцарей в серебристой броне лежали здесь, погруженные в сон,— точь-в-точь как расписывал Гаутер! Возле каждого застыла во сне белая лошадь. Языки холодного, снежного пламени плясали вокруг недвижных фигур.

Посреди пещеры, будто надгробная плита, возвышалось продолговатое каменное ложе. На нем покоился самый красивый рыцарь. Под головой у него был

шлем, украшенный золотом и драгоценными камнями, с гребнем в виде дракона. Рядом лежал обнаженный меч с двумя золотыми змейками на клинке. Лезвие сверкало так ярко, словно из каждой змеиной пасти вырывался столбик огня.

— Давным-давно, в незапамятные времена,— так начал Каделлин свой рассказ,— Настронд, Великий Дух Тьмы, пришел с войною в эти края. Но против него выступил могучий король, и Настронд пал. Он сбросил свою земную оболочку и скрылся в бездонной пропасти Рагнарок. Народ ликовал, полагая, что со злом навсегда покончено, но король-победитель знал, что это не так.

И вот он созвал мудрецов и магов и спросил их совета: что делать ему, если враг объявится вновь? И было предсказано, что людям не выиграть новой битвы, ибо не останется среди них к тому времени чистых сердцем: в каждую душу вложит Настронд частицу Великой Тьмы. Уже начал он, сидя в своем бездонном логове, вливать по капле черные помыслы в людские умы. И не будет этому конца, пока самые здоровые души не поддадутся заразе и к любому из смертных не подберет он свой ключ.

Но оставалась еще надежда. Мир может быть спасен, сказали мудрецы, если отряд бесстрашных воинов, чистых душою, бросит вызов неприятелю в час его торжества и загонит его обратно в Бездну. Не числом возьмут они верх, но чистотой и отвагой... И вот какой тогда зародился план.

Король отобрал достойнейших рыцарей и сам отправился с ними в Хранилище, древнюю сокровищницу гномов. Там их всех погрузили в магический сон, и самые искусные волшебники, что сыскались в ту пору на земле, день и ночь творили над ними свои заклинания. День и ночь не спали они и не ели, оплетая Хранилище прочнейшей сетью невидимых чар — так, что

ни старость, ни хворь и никакое на свете зло не могли теперь коснуться спящих.

Главный же источник волшебства, его живая сила заключалась в особом кристалле по имени Огнехлад, или Камень Брисингов¹, который, вместе со спящими рыцарями, был оставлен на мое попечение. Здесь должен я находиться безотлучно, пока не наступит время пробудить их ото сна для решающей битвы с Духом Тьмы.

— Но, Каделлин,— возразила Сьюзен,— разве могут в наше время какие-то сто сорок всадников выиграть целую войну?

— Что ж,— отозвался волшебник,— ведь и час торжества Настронда еще не настал. Предсказанное случится, а покада колесо еще крутится — кто его знает, как оно обернется?

И пока Сьюзен соображала, что же он, собственно, имел в виду, Каделлин продолжил свой рассказ:

— Случилось так, что, когда Хранилище закрывали, на сто сорок всадников приходилось ровно сто тридцать девять чисто-белых, молодых и сильных кобыл: больше взять было негде. Я должен был подыскать и купить недостающую лошадь; но если б я только знал, как дорого она мне обойдется!

Но оставим это; вернемся теперь к Настронду. Весть о сотворенном нами волшебстве вскоре дошла до него, и он был напуган и разгневан. Но черная магия оказалась бессильна против нашей твердыни. Тогда и у него зародился план.

В особой пещере по соседству со Спящими у нас была устроена кладовая. Самоцветные камни и драгоценные металлы дожидались там своего часа, чтобы король, случись ему победить Настронда, с их по-

¹ Ожерелье Брисингов, или Брисингамен,— сказочное сокровище скандинавской богини Фрейи.

мощью исправил причиненное зло. Пока действуют наведенные на Хранилище чары, сокровища эти неприкосновенны. И хотя Настронду они были не нужны, больше всего на свете он жаждал разрушить чары. Тогда бы Спящие пробудились от сна и, как самые обычные люди, потихоньку состарились бы и умерли. Умерли за многие сотни лет до его возвращения, ибо никакое на свете волшебство уже не сумело бы вернуть им вечную молодость!

И вот он созвал колдунов, ведьм и всякую нежить, а также сварт-альфаров и прочих своих приспешников и, разжигая в них алчность, посулил им несметные богатства, до которых надо лишь добраться... С тех пор кто только не пытался разрушить чары! Сначала мне было нечего опасаться, ибо ни могущество черных колдунов, ни подкопы неугомонных свартов не привели ни к чему. Но в день, когда я приобрел последнюю кобылу, случилось непоправимое.

Этот свет вокруг нас, это холодное пламя и есть та магия, что отпугивает сторонников Тьмы; а источник ее, как вы уже знаете, заключен в кристалле, который зовется Огнехлад. Пока этот камень цел и невредим и Хранилище наполнено светом — Спящие в безопасности. Но каждый день я с ужасом ожидаю, что огонь померкнет и во мраке послышатся сонные голоса и ржание лошадей. Ибо я потерял его — потерял талисман Брисингов!

Голос Каделлина задрожал от стыда и гнева, и он сердито ударил посохом в каменный пол.

— Потеряли? — воскликнула Сьюзен. — Не может быть! То есть это ведь не обычный камень — его же, наверно, легко отличить... если он где-нибудь тут лежит.

Волшебник мрачно усмехнулся:

— Но его здесь *нет*. Уж в этом-то я уверен. Идемте и сами убедитесь.

Он поманил ребят за собой к небольшому отверстию в стене. Там оказался еще один коридор — шагов десять, не больше. Каделлин задержался возле маленькой полукруглой ниши в метре от пола.

— Это трон Огнехлада: видите, он пуст!

Они вошли в соседнюю пещеру — и онемели от изумления.

Груды золота, серебра, разноцветных камней простирались перед ними, теряясь вдаль, как барханы в пустыне.

— Ах, какая красота! — вырвалось у Сьюзен. — А камушки как переливаются!

— Вам бы они давно разонравились, — проворчал Каделлин, — если б вы, как я, перебрали собственными руками каждый алмаз, изумруд, рубин, топаз, аметист, опал, жемчужину, сапфир — каждый камешек в этой более чем вместительной пещере в поисках одного-единственного кристалла, которого здесь нет!

Пять лет ушло у меня на сокровищницу и еще пять недель — на то, чтобы обшарить каждый закоулок в Хранилище. И все напрасно! Кто бы мог подумать, что этот проклятый фермер, ненасытная деревенщина, окажется еще и ловким воришкой. Должно быть, шел за мной к выходу с полной пазухой сокровищ, глядь — необычный камень, лежит в особом месте, ну и прихватил его потихоньку. Подумал: вот, мол, хорошенькая безделушка... а может, он еще раньше, пока набивал карманы, заметил, как я достаю талисман из ниши, чтобы погрузить его кобылу в сон.

Я не сразу обнаружил пропажу: только лет через сто мне снова что-то понадобилось в этой части подземелья. Сперва я искал здесь, на месте. Потом отправился на поиски фермера или его родни. Но сам он, разумеется, уже умер, потомки куда-то поразъехали; и хотя я был очень осторожен, о моей пропаже все-таки прослышала нежить. Они прочесали всю равнину

и даже пустынные взгорья на востоке, до самой пропасти Рагнарок. Да и сварты шныряли повсюду, вынюхивая добычу, точно хорьки. Но никто ничего не обнаружил, в том числе и я.

Попади Огnehлад в руки Настронда — плохо мое дело. Против магии, заключенной в камне, Дух Тьмы бессилен. Но стоит ему уничтожить сам талисман — и чарам придет конец.

Правда, Огnehлад не так-то легко уничтожить. Еще прежде, чем в него заключили источник магии, это был древний и могучий талисман. И пока горит в подземелье волшебный свет, я знаю: он жив, он где-то есть — а значит, есть и надежда.

Вот вам все мои злоключения, а заодно и ответы на ваши вопросы. А теперь — в обратный путь, ибо час поздний, друзья ваши в тревоге, да и сам я за вас не спокоен, пока нынешний случай остается загадкой.

Они прошли сквозь пещеру спящих рыцарей и стали подниматься вверх по коридорам и просторным подземным залам. Наконец путь им преградили железные ворота, за которыми виднелась глухая каменная стена. Каделлин коснулся посохом ворот, и они медленно распахнулись.

— Их когда-то выковали гномы, оберегая свои сокровища от вороватых свартов. Теперь сюда рвутся воры пострашней, и без магии не обойтись.

Сказав так, Каделлин приложил ладонь к стене, и в синеватом камне появилось отверстие. Оттуда потянуло холодом и ночной росой.

Снаружи было темно, а в Хранилище светло и безопасно, и ребятам страх как не хотелось уходить. Стараясь держаться поближе к волшебнику, они пролезли в расширившееся отверстие — и оказались под деревьями на склоне холма.

С грохотом закрылась за ними скала, и, когда глаза привыкли к лунному свету, ребята обнаружили, что

стоят перед валуном, похожим на острый зуб. Это к нему бежали они, задыхаясь, через буковый лес, когда сварты своими клешнями уже хватали их за пятки...

Слева виднелся гребень холма над знакомой лощиной.

— Вон там они на нас напали,— показал Колин.

— И немудрено,— засмеялся волшебник.— Седловина всегда кишела свартами. Нашли же вы откуда любоваться закатом!

Они поднялись по тропе к Грозовому Утесу. Все было тихо; лишь луна освещала недвижные серые камни. Проходя мимо Чертовой Могилы, ребята невольно прижались к своему спутнику; но ничто не шелохнулось в узком черном провале.

— А в старых шахтах водятся сварты? — спросила Сьюзен.

— А как же! У них есть и свои норы, но когда люди начали здесь копать, эти твари явились следом, разнюхивая путь к Хранилищу. А когда рудник закрылся, они тут расплодились без помех. Так что держитесь подальше от заброшенных шахт!

От Грозового Утеса Каделлин повел их по широкой тропе, что бежала напрямик через лес на открытое место. Там она круто поворачивала и тянулась вдоль кромки луга, огибая лесистые склоны холма. Дорогу эту, объяснил их спутник, когда-то проложили эльфы, и она еще хранит частицу древнего волшебства. Сварты обходят ее за версту, и даже ведьмы и колдуны без крайней нужды на нее не ступят. Вот по ней-то, сказал Каделлин, пусть ребята и ходят, если им надо будет с ним повидаться. И ни шагу в сторону: здесь полно опасностей! Самое лучшее для них — вообще не приближаться к лесу и ни в коем случае не показываться из дому после захода солнца.

Тропа кончалась за углом трактира «Чародей». Дальше они зашагали по дороге — и почти сразу услышали стук копыт. Из-за поворота показалась повозка с двумя керосиновыми фонарями спереди.

— Это Гаутер!

— Обо мне ни слова,— предупредил Каделлин.

— Да, но как же...— начала Сьюзен, но рядом уже никого не было.

— Тпрру! — Гаутер осадил Принца и наклонился, вглядываясь в темноту.

— Эй, вы, там! Не поздновато ли гоняться за чародеями? Уже одиннадцать пробило!

— Простите, пожалуйста, мы не нарочно,— Колин выступил вперед,— мы заблудились и застряли в болоте, а потом никак не могли выйти на дорогу.

Почти похоже на правду, подумал он. Так им скорей поверят, да и Каделлин не хотел, чтобы о нем узнали.

— Ну-ну,— проворчал Гаутер,— коли так, то уж ладно. В другой раз будьте осторожней, не то Бесс, пожалуй, поднимет на ноги полицию да пожарную команду. Она думала, вы в шахту провалились! Полезайте-ка сюда, и поехали. Коли вас и впрямь занесло в Холивеллское болото, так хорошая ванна вам не повредит...

Дома Колин и Сьюзен мигом стащили грязную одежду и с наслаждением забрались в горячую воду. Из ванны они прямиком отправились в постель, и Бесс, хлопотавшая над ними, как наседка над цыплятами, принесла им полные миски горячего молока с хлебом и солью.

Сытые, отмытые и согретые, они лежали, проваливаясь в сон, не в силах ни думать, ни разговаривать. Глаза слипались, мысли путались. У Колина в голове мелькали какие-то поезда, черные птицы, опавшие листья, подземные коридоры, лошади, папоротники...

— Ну и ну,— пробормотал он, зевая,— куда это мы попали? Волшебники, гоблины... или мы еще дома? Спросить у Сью... насчет этих... рыцарей... лучше у мамы... никаких фермеров... не бывает... то есть колдунов... м-м...

Он тихо засопел.

Над уснувшей усадьбой, на верхнем краю Корчевья, темнел в прозрачном свете луны высокий, тощий силуэт. На плече у него сидела черная птица.

Глава пятая БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Утро выдалось дождливое, и ребята проспали допоздна. Был уже десятый час, когда они спустились к завтраку.

— Я нарочно дала вам отоспаться,— сказала Бесс.— Вчера-то вы совсем утомились, да и сейчас еще вон какие бледненькие! Посидели бы нынче дома, не все же по лесу шастать.

— Да, пожалуй, в лесу мы уже нагулялись,— согласилась Сьюзен.— Можно и отдохнуть денек-другой.

Они едва успели позавтракать, когда к дому подъехал грузовик. Это прибыли со станции их велосипеды и остальной багаж. Ребята сразу же принялись распаковывать чемоданы.

— Как по-твоему,— спросила Сьюзен, когда они остались одни,— это *правда* было или нам почудилось? Я про вчерашнее.

— Сам не пойму,— отозвался Колин.— Но не могло же почудиться обоим сразу! Бедный волшебник, здорово он влип, не позавидуешь. Все один да один, да еще стереги подземелье от всяких там свартов!

— Есть и *похуже* свартов — помнишь, он говорил? Уж не знаю, что может быть хуже! Пальцы липкие,

глазища рыбы, ноги шлеп-шлеп... Бр-р! Я бы тоже с ним не поменялась.

Вспоминать, как они бежали от свартов, было все еще страшно и тошно. Они говорили о волшебнике, обо всем, что успели от него услышать, и до самого полдника не спеша разбирали вещи.

Когда они спустились к чаю, Гаутер уже сидел за столом и что-то рассказывал Бесс.

— Чертовщина какая-то,— продолжал он.— Захожу я после обеда в амбар за мешками, а там полным-полно сов. Расселись и спят себе на стропилах. Дюжины две, не меньше, и всё здоровенные! Мышей у нас, что ли, вздумали ловить? Первый раз такое вижу!

А вслед за этим, часу не прошло,— опять оказия. За воротами подходит ко мне какой-то малый: нет ли, мол, для него работы? И до того он мне не понравился! Настоящий карлик с бородой, волосы длинные, черные, кожа дубленая. Говорит как-то не по-нашему, не иначе цыган. И одежда с чужого плеча, а уж мятая — будто он в ней спал!

Не нужен мне, говорю, работник. Тут он давай несчастным прикидываться — жаловаться, значит, на судьбу. Ну, а я ему — от ворот поворот. Он ничего, повернулся да пошел, а сам ух и обозлился! Ты, говорит, об этом скоро пожалеешь... Так что на ночь надо бы пустить Прохвоста в курятник, пусть на всякий случай посторожит.

Волшебник велел ребятам даже в самые душные ночи держать окна в спальне закрытыми. Но сегодня ночь была прохладная, и спалось им неплохо.

А вот Гаутеру не повезло. В три часа ночи его разбудил яростный лай Прохвоста. Это не было обычное ворчливое погавкивание в ответ на голоса других собак, на шум ветра или птичий гам. Пес заливался без передышки на одной и той же высокой ноте: так он лаял только на чужих. Гаутер поспешно оделся, схва-

тил приготовленные с вечера ружье и фонарь и бросился к двери.

— Так я и знал! Этот недомерок к моим курочкам подбирается! Ну, я ему покажу!

— На рожон-то не лезь,— окликнула его Бесс.— Ты большой, в тебя и попасть легче.

— Ничего, он у меня получит! — Гаутер протопал по лестнице и выскочил во двор.

Ночь была безветренная, луна пряталась в тучах. Слышны были только лай да сонное хлопанье крыльев в курятнике.

Гаутер посветил туда фонарем. Проволока на клетках цела, дверца на запоре. В проходе ошетинился пес. Шерсть на нем стояла дыбом, уши были прижаты к голове, глаза горели желтым огнем. Он то рычал, то срывался на визг, то вновь захлебывался лаем, поминутно вздрагивая и царапая земляной пол. Гаутер распахнул дверь.

— Хватай его, мальчик! Куда он побежал?

Пес выскочил из курятника — и, обнажив клыки, почему-то затоптался на месте.

— Ты что это? — не понял Гаутер.— Хватай, уйдет!

Прохвост побегал немного взад-вперед, не прекращая лаять, а потом, рыча, понесся в сторону поля и пропал в темноте. В следующую секунду рычание перешло в визг, и скулящий пес вновь очутился у ног хозяина. Он весь дрожал. Только сейчас Гаутер понял, что собака не просто в ярости, а еще и до смерти напугана.

— Что с тобой, мальчик? Ты чего испугался? — Гаутер опустился на корточки и приласкал пса. Потом он выпрямился, взвел курок и зашагал к калитке, выходящей в поле.

Он остановился и поднял фонарь. Ничего необычного; но Прохвост все еще тяжело дышал и жался к ногам. Ничего такого, и все же... как будто... он при-

нюхался... погоди-ка... вот оно!!! Ледяное, липкое дуновение коснулось его лица. Дохнуло мертвенным запахом, таким чужим и зловещим, что в животе похолодело от страха. Пахло стоячей водой и болотной гнилью. Тяжелый дух забивал ноздри, просачивался в горло, и на мгновение Гаутеру почудилось, будто его с головой засасывает черная, гибельная трясина. Он рванулся, задыхаясь, вытаращив глаза, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом... Но все уже прошло, и ночной воздух был чист и прозрачен.

— Вот ведь пакость. И каким ее только ветром принесло? Пойдем-ка глянем, как там скотина.

Первым делом он отправился в конюшню. Принц был весь в поту и возбужденно бил копытом.

— Ну-ну, малыш, все в порядке.— Гаутер тихонько оглаживал дрожащего коня.— Дай-ка я тебя вытру.

Пока Принца обтирали сухой мешковиной, он понемногу успокаивался. Да и Прохвост как будто повеселел. Он расправил плечи и лишь время от времени глухо рычал, точно никогда и не думал трусить, а только страшно сердился.

Да уж, подумал Гаутер, что-то здесь не так. Сроду этот пес никого не боялся!

Коровы тоже не спали и шумно пофыркивали, хотя и не так беспокоились, как Принц.

— Ну, старина, тут все в порядке, зайдем теперь в амбар.

Они обошли все постройки на скотном дворе; все было как всегда, нигде ничего не пропало.

— Кажись, всё на месте,— пожал плечами Гаутер.— Обойдем-ка еще вокруг дома да заварим чайку, а там, глядишь, и доить пора. Охо-хо, нету грешнику покоя...

Небо на востоке начинало бледнеть: скоро наступит утро и прогонит ночные страхи. Гаутер уже немного стыдился своего испуга. Хорошо хоть, никто не видел!

Он усмехнулся про себя и покачал головой: «Чего только не примерещится...» И в тот же миг застыл как вкопанный, а Прохвост опять заскулил у ног.

Откуда-то с неба, из черноты над головой, донесся резкий, пронзительный вскрик — не человеческий, но и не звериный.

Второй раз за ночь у Гаутера кровь застыла в жилах. Он глубоко вздохнул и, не глядя ни вверх, ни под ноги, ни по сторонам, решительно зашагал к дому. Пес бежал по пятам. В одно мгновение Гаутер поднял щеколду, шагнул через порог, захлопнул дверь и задвинул засов. Потом медленно повернулся и посмотрел на Прохвоста.

— Ты как знаешь, приятель, а я выпью крепкого чаю.

Он зажег керосиновую лампу, поставил чайник на плиту и, пока закипала вода, обошел на всякий случай все комнаты в доме. Везде было тихо, только Сьюзен, когда он к ней заглянул, сонным голосом спросила, который час и отчего Прохвост так расшумелся. Гаутер сказал, что в курятник забралась лиса, а пес ее спугнул. То же самое он сообщил и Бесс.

— ...и никак, бедняга, не мог успокоиться, все гавкал на собственную тень.

— Да ну! А ты-то отчего весь мокрый? — недоверчиво спросила Бесс.

— Я-то? — смутился Гаутер.— Э-э... нелегко в мои годы бродить по ночам... Вот чайку покрепче я бы выпил. Я и тебе принесу чашечку — чайник, поди, закипел!

Гаутер поспешно удрал на кухню. От Бесс ничего не скроешь, слишком она хорошо его знает. Но что он мог ей сказать? Что его, деревенского жителя, напугал болотный запах и крик ночной птицы? Да это курам на смех!

Когда он заварил чай, умылся и переоделся, за окном уже рассвело и коровы ждали утренней дойки. Выглянуло солнце, и Гаутер совсем приободрился.

Только выйдя на середину двора, он заметил разбросанные по булыжнику длинные черные перья.

Глава шестая В КАМЕННОМ КОЛЬЦЕ

Четверг в усадьбе был трудным днем. Кроме обычной работы, нужно было еще подготовиться к завтрашней поездке. Каждую пятницу Гаутер отправлялся в деревню Олдерли за покупками, а заодно отвозил своим друзьям и постоянным покупателям яйца, овощи и другие продукты с фермы. Все это полагалось перебрать, почистить и упаковать накануне.

Когда все было готово, ребята поехали с Гаутером в поселок Моттрем Сент-Эндрю: там, в мастерской, им поменяли спицу в колесе. Вернулись они только к полднику, а после чая Гаутер предложил сходить на озеро Рэднор, что в Нижнем Олдерли, и наловить к ужину рыбы.

Они спустились с холма, пересекли поле и вскоре подошли к лесу. Здесь подлесок был гуще, чем на Кряже. То и дело попадались колючие заросли куманики — хорошо, что Сьюзен была в брюках. Повсюду росли высокие кусты диких рододендронов. И еще здесь было полно птиц! Они пели на деревьях, шуршали в кустарнике, купались в дождевых лужах.

— Вот оно что! — воскликнул Колин. — Мне все время казалось, что на Кряже чего-то не хватает, а теперь я понял. Там нету...

— ...птиц,— подхватил Гаутер.— Их у нас днем с огнем не сыщешь. Мух — сколько угодно, а птиц раз два — и обчелся. Сроду их там не было, а почему —

кто их знает. Вроде и деревья наши не хуже, а вот поди ж ты, здесь их полон лес, а у нас аж до самой Даниловой горки и дрозда не услышишь. Полдня, бывало, ходишь по лесу, да по какой чаще, а встретишь разве что пару соек. Тут и вправду что-то не так!

Тропа — если это можно было назвать тропой — завела их в настоящие рододендроновые джунгли. Под ногами то чавкала грязь, то хрустел валежник; приходилось подныривать под ветки и перелезать через поваленные стволы. Но Гаутер, похоже, знал дорогу: он даже ни разу не зацепился удочкой за куст.

На миг Сьюзен представила, как было бы неприятно бежать по такому лесу.

— Гаутер,— спросила она,— а тут заброшенные шахты есть?

— Чего нет, того нет. Мы ведь уже почти на равнине, а рудник был по ту сторону холма. А что?

— Ничего, просто интересно.

Кустарник наконец расступился, и перед ними заблестело озеро: примерно полмили в длину, четверть в ширину.

— Ну вот,— сказал Гаутер, присаживаясь на толстое поваленное дерево, повисшее над самой водой.— Этот берег малость заболочен, зато до нас не так легко добраться, а то еще скажут, что здесь частные владения... Дайте-ка сюда жестянку с червями, вон она в корзине. И устраивайтесь поудобней.

Он прошел вперед по стволу, забросил удочку, снова уселся, привалившись спиной к вывороченным корням, и закурил трубку. Колин и Сьюзен растянулись на шершавом бревне и уставились на воду. Золотое вечернее солнце ласкало им спины.

Спустя два часа на крючок попало уже три окуня. Рыболовы собрали свои снасти и поспели домой задолго до сумерек.

Утром все поехали в Олдерли. Там Сьюзен и Бесс отправились по магазинам, а Колин остался помочь Гаутеру с овощами. В полдень они все вместе перекусили, а потом забрались в повозку и принялись объезжать покупателей.

День был жаркий, и часам к четырем ребята устали и захотели пить. Бесс предложила им сойти и подкрепиться мороженым и лимонадом.

— Вы куда посидите в холодке,— сказала она,— а мы за полчаса обернемся, нам только съездить на Мосс-лейн.

Ребята не заставили себя упрашивать и с удовольствием устроились в плетеных креслах за столиком деревенского кафе. Перед ними стояли стаканы с прохладительным. Сьюзен от нечего делать вертела свой браслет, стараясь повернуть Слезинку к свету — так, чтобы внутри заплескал синий огонек.

— Никогда сразу не поймашь,— бормотала она,— ага, вот... погоди-ка... вот он! А правда, похоже на тот огонь в Хранили...

Она запнулась и молча уставилась на брата. Колин тоже глазел на нее, разинув рот. Потом оба перевели взгляд на Слезинку, которая поблескивала как ни в чем не бывало.

— Не может быть,— прошептал Колин.— Или все-таки?..

— Не знаю... Но как?

И правда, как?

— Нет, ну конечно нет! — сообразил Колин.— Если б это был он, волшебник бы его сразу узнал!

— Уф! — Сьюзен с облегчением откинулась на спинку кресла. И тут же снова выпрямилась, дрожа от возбуждения.— Он его не видел! Я ведь была в плаще! Ой, Колин...

Колин, хоть и разволновался, был настроен весьма решительно. Что толку сидеть и гадать? Нужно немед-

ленно выяснить, тот ли это камень. Если тот — и если кто-нибудь его заприметил — тогда понятно, почему к ним пристали сварты. Хотя и непонятно, каким образом камень оказался у Сьюзен.

— Надо сейчас же найти Каделлина,— заявил он.— Потому что, если это и вправду Огнехлад, мы должны вернуть его как можно скорее!

Но тут подъехали Гаутер и Бесс: пора было возвращаться домой.

Ребята с трудом скрывали свое нетерпение. Им обоим казалось, что Принц еле тащится в гору.

— Бесс,— окликнула Сьюзен,— а вы еще что-нибудь помните про Невестин Камень? Вот бы узнать про него побольше.

— Да я, детка, больше ничего и не знаю. Матери моей достался он от бабки: так, стало быть, его и передавали неведомо с каких времен. Да еще слыхала я такое поверье, будто чужим его показывать нельзя — семь лет удачи не будет. Только матушка моя в приметы не верила: чего, мол, слушать бабью болтовню.

— А вы всегда жили в Олдерли?

— А то как же! Тут, на горке, родилась (у нее получилось: «на хорке»), тут и выросла. Матушка, та родом из Густри, а ее предки жили где-то в Мобберли.

— Да?!

Ребята переглянулись, не в силах больше сдерживаться.

— Гаутер,— сказал Колин,— мы сейчас домой не поедem. Нам надо на Грозовой Утес: как бы туда побыстрее добраться?

— До чаю? — ахнула Бесс.

— Да, прямо сейчас. Это очень срочное тайное дело.

— Уж не по шахтам ли лазить собрались? — настоялся Гаутер.

— Нет-нет, мы ненадолго. Но нам *очень* нужно. Подумаешь, обойдемся разок без полдника.

— Вам же хуже,— усмехнулся Гаутер.— Да смотрите, чтоб вас не пришлось разыскивать за полночь! Все-го лучше вам сойти у сторожки лесника, там широкая тропа до старой каменоломни. Дальше будет развилка, так вы берите влево — и выйдете напрямиком на Утес.

Они проехали с четверть мили по гребню холма, и Гаутер остановил Принца на опушке леса: там, где виднелся чистенький домик из красного песчаника. Сбоку от него, под прямым углом к дороге, меж деревьями светлела просека.

Дети соскочили с повозки и, дав еще раз честное-пречестное слово не задерживаться допоздна, бегом припустили по тропе. А Гаутер и Бесс поехали дальше, рассуждая о том, какая славная штука молодость.

— Может, лучше бы пойти по *той* дороге? Помнишь, Каделлин про нее говорил, что это единственный безопасный путь.

— Некогда нам ходить в обход! — отрезал Колин.— Надо срочно показать ему Слезинку. А так мы попадем прямо на Утес — слышала, что Гаутер сказал? И потом, сейчас светло, днем-то с нами ничего не случится.

— А как мы его там найдем?

— Ну... подойдем к воротам да позовем, он и услышит. Он же все-таки волшебник.

Все дальше в лес уводила их тропа; наконец они оказались посреди ровной поляны, пестрой от солнечных бликов и поросшей не папоротником, а сочной зеленой травой. И в этом живописном месте пришлось им убедиться — увы, слишком поздно! — что волшебники зря не болтают, а умело расставленные ловушки не выпускают добычу.

Прямо из-под земли, со всех сторон, вырвались вдруг языки густого тумана. Белый водоворот закру-

жился вокруг колен, помедлил секунду и взметнулся ввысь. Небо, солнце, зелень — все исчезло.

Сюзен первая не выдержала. Прочь отсюда, прочь — куда угодно, только бы вырваться из этого холодного облака, ослепившего, облепившего ее с головы до ног! Она бросилась бежать, споткнулась — и растянулась во весь рост на траве.

Она не расшиблась; от удара в голове даже немного прояснилось. От удара — и от чего-то еще...

Падая, она машинально выставила перед собой руки и теперь, постепенно приходя в себя, ощутила под пальцами пустоту. Она лежала, боясь пошевелиться.

— Сью, ты где? — тихонько позвал Колин.— У тебя все в порядке?

— Я тут. Осторожно, я, кажется, лежу на краю обрыва.

— Тогда не двигайся, я ползу к тебе.

Он и правда пополз на голос, но чуть не заблудился, и прошло несколько минут, прежде чем он отыскал сестру и осторожно вытянулся рядом.

Перед самым его носом лужайка обрывалась: дальше клубилась бескрайняя серая мгла. Колин нащупал камешек, бросил его в пропасть и успел сосчитать до трех, пока он долетел до дна.

— Вовремя ты споткнулась,— пробормотал он.— Там глубоко! Это, наверно, и есть каменоломня. Ну-ка тише — давай послушаем.

Они замерли, прислушиваясь... Нигде ни звука! Как будто они остались одни на свете.

— Надо вернуться на просеку,— сказал Колин.— И как можно тише, нас наверняка подслушивают. Кто-то же напустил этого туману! Не найдем тропу — так и будем тут кружить до вечера, если раньше не поймают.

— Давай пока что отойдем от края. Глупо так рисковать.

Они осторожно поднялись и, взявшись за руки, медленно двинулись назад.

Через несколько минут Сьюзен забеспокоилась:

— Не могла я убежать так далеко. Я всего-то шагов десять пробежала и грохнулась. А мы уже, наверно, пять минут идем — и никакой тропы. Может, нам надо не туда?

— Может. Только я не знаю, куда нам надо. Давай пойдем все прямо и прямо, авось повезет и туман закончится.

Но туман не кончался. То ли впрямь он расплылся по всей округе, то ли — как вскоре заподозрили ребята — он просто двигался вместе с ними. Сами же они шли очень медленно, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Вокруг стояла холодная, зловещая тишина. Ничего не видя дальше вытянутой руки, они боялись провалиться в шахту или в ту же каменоломню, потому что уже и не представляли, в какую сторону идут.

Тропа как будто испарилась! На самом деле ребята уже пересекли ее, только в ту минуту плотный туман сгустился у ног и они ничего не заметили.

Прошло минут пятнадцать. От холода и сырости оба продрогли до костей. Один за другим из тумана вырастали сосновые стволы, и ребятам казалось, будто они бредут вдоль нескончаемой колоннады.

— Колин, мы, кажется, ходим по кругу. Давай повернем в другую сторону.

— Ладно, попробуем, все равно заблудились.

И тут им наконец повезло. Почти сразу они наткнулись на раскидистый дуб — а за ним другой, третий... Туман, правда, не поредел, но они хотя бы сдвинулись с места.

— Ох, вот бы Каделлин появился,— вздохнула Сьюзен.

— А это мысль! Давай позовем на помощь, вдруг он услышит.

— А вдруг еще кто-нибудь услышит?

— По-моему, это уже не важно. И вообще, попытка не пытка.

— Ну, давай.

— Раз, два, три: Ка-дел-лин! На по-мощь! Ка-дел-лин!

Это было все равно что кричать в подушку. Туман душил голоса, впитывал их, как серая вата.

— Ну и звук,— скривился Колин.— Давай-ка еще: раз, два, три. На по-мощь! Ка-дел-лин! Сю-да!

— Ничего не выйдет,— сказала Сьюзен.— Он не услышит. Придется выбирать самим.

— А что, и выберемся. Главное — не спешить. Если б эта штука — ну, та, что напустила туману,— хотела на нас напасть, то она бы уже напала, верно? Значит, нас просто решили напугать, чтоб мы сами со страху куда-нибудь сверзились. А мы пойдем себе потихоньку, и ничего.

Он ошибался. Но выбора у них не было.

Несколько минут они двигались молча. Сьюзен внимательно смотрела под ноги, Колин — по сторонам, и оба напряженно прислушивались.

Вдруг Сьюзен замерла:

— Это еще что такое?

Перед ними темнели два грубо обтесанных валуна. Рядом, по обе стороны, из тумана выступали контуры таких же камней.

— Похоже, их тут нарочно поставили. Как ты думаешь, зачем?

— Какая разница,— буркнул Колин.— Пошли, нам некогда.

Они прошли между камнями, сделали еще несколько шагов — и остановились, охваченные ледяным отчаянием.

Сьюзен получила ответ на свой вопрос. Они оказались в каменном кольце. Со всех сторон, куда ни глянь, тянулся, пропадая в тумане, бесконечный хоровод застывших глыб.

Два самых крупных валуна торчали прямо перед ними, и на одном из них сидела призрачная фигура, при виде которой у любого смельчака душа ушла бы в пятки.

Всего на три секунды ребята оцепенели, не в силах ни двигаться, ни соображать. И в эти роковые секунды западня захлопнулась. Трава внутри круга, повинуясь могучему колдовству, ожила и зазмеилась, оплетая им ноги крепчайшей сетью побегов и корней.

Словно в кошмарном сне, Колин и Сьюзен заматались, пытаясь вырваться из живого капкана. Но где там! Они увязли, как осы в меду.

Призрак медленно поднялся и направился к ним. Облик его напоминал человеческий, и все же было ясно, что это не человек. Высоченного роста — не меньше восьми футов! — он был закутан с головы до ног в зеленый влажный балахон, под которым угадывалось костлявое, сильное паучье тело. Лицо скрывал надвинутый капюшон, на руках болтались кожаные рукавицы. От него исходил тяжелый запах болотной гнили.

Страшная тень остановилась напротив. Сьюзен и молча, властно протянула руку.

— Нет! — выдохнула Сьюзен. — Ты его не получишь!

— Оставь ее в покое! — завопил Колин. — Если тронешь, Каделлин тебя *убьет*!

Призрак медленно повернулся к нему. Колин уставился в темный провал капюшона. Ноги у него подкопились, и последняя храбрость улетучилась.

Призрак снова протянул к ним руки — и вдруг ухватил обоих за плечи.

Сопротивляться было невозможно. От прикосновения этих рук тела их мгновенно окоченели, крик застыл в горле, они даже пальцем не могли пошевелить.

Еще миг — и все было кончено. С неподвижной руки Сьюзен молча сняли браслет. Мрачная тень повернулась и зашагала прочь. Туман закружился вокруг нее, стусился в одно скользящее облако и пропал за деревьями.

Яркое солнце осветило каменный хоровод и две застывшие фигурки посередине. Теплые лучи вливали жизнь в их одеревенелые тела, и они потихоньку зашевелились. Вот поднялась рука — дергаясь, будто кукольная, вот повернулась голова, согнулись ноги... Ледяное оцепенение понемногу прошло, трава ослабила хватку — и ребята повалились на четвереньки, дрожа и задыхаясь, чувствуя, как кровь бежит по жилам и больно стучит в висках.

— Скорей — из круга! — прохрипел Колин.

Спотыкаясь, они бросились в сторону и кубарем скатились с небольшого пригорка прямо на тропу.

— Найти... Каделлина... может, он догонит... этого. Кажется... дорога на Утес...

Ноги у них затекли, все кости болели, но они торопились изо всех сил и через несколько минут в самом деле выбрались на Грозовой Утес.

Облегченно вздохнув, они помчались по камням, добежали до скалы, в которой прятались железные ворота, и забарабанили по ней кулаками, громко призывая волшебника. Но они только в кровь расшибли костяшки пальцев: скала не открывалась, ворота не показывались.

Колин вконец обезумел. Поднатужившись, он выковырнул из земли тяжеленный камень величиной с соб-

ственную голову и, держа его обеими руками, принялся лупить в неподатливую стену, крича во все горло:

— Откройте! Откройте! Откройте! Откройте!

И тут откуда-то сверху раздался спокойный голос:

— Вот необычная манера наносить визиты волшебникам!

Глава седьмая

ФЕНОДИРИ

Колин и Сьюзен задрали головы. Вот еще неожиданность! Голос вроде бы дружелюбный, но кто его знает?

С верхушки валуна свисали чьи-то ноги. Прямо на ребят глядели блестящие как вишни глаза. Темное обветренное лицо, борода, кустистые брови...

— Такие уж они упрямы, эти старые камни. Появились тут, когда нас еще не было, и останутся, когда нас уже не будет. Времени у них сколько угодно, и они не выносят спешки.

Едва отзвучала эта речь, как странная физиономия скрылась из виду. Следом исчезли ноги, потом послышался шорох, пыхтение, глухой удар — и наконец из-за камня вышел человек ростом с восьмилетнего ребенка. На нем была серая, перехваченная поясом туника с вышитым зелеными завитками подолом, остроносые башмаки и штаны до колен с кожаной шнуровкой. Черные волосы спадали до плеч, на лбу поблескивал золотой обруч.

— Вы... вы, наверное, гном? — спросила Сьюзен.

— Ваша правда, — человек низко поклонился. — Мое имя — Фенодири, а для непочтительных друзей — Куций Нос или Бурдюк. Выбирайте сами.

Он выпрямился и смерил ребят внимательным взглядом. Была в его немолодом лице какая-то мудрая

сила — та же, что у Каделлина. А еще было видно, что у него веселый и легкий нрав.

— Ой, ну пожалуйста,— взмолилась Сьюзен,— отведите нас поскорей к волшебнику. Случилось что-то ужасное, и он должен об этом узнать — если еще не поздно.

— Не поздно для чего? — поллюбопытствовал Фенодири.— Впрочем, не стану докучать вам расспросами: вижу, что дело не терпит отлагательств.

Он ласково провел ладонью по шероховатому камню, будто оглаживая любимого коня. Валун тяжело заворочался и раскрылся посередине. Перед ними оказались железные ворота, освещенные голубоватым светом Хранилища.

— Теперь ворота,— деловито сказал Фенодири.— Их смастерил мой отец, и они меня слышат, хоть я и не обладаю могуществом чародеев.

Он прижал руку к железу, и ворота распахнулись.

— Не отставайте, не то заблудитесь.

И он пустился резвой трусой вниз по наклонному проходу. Ребята побежали следом. Камень и железо сомкнулись за спиной, отгородив их от привычного мира.

По извилистым коридорам они спустились в самую глубь холма и попали наконец в ту пещеру, где отдыхали в прошлый раз. Здесь они и нашли Каделлина. Он сидел за столом и читал, но при виде гостей поднялся им навстречу.

— Привет тебе, Каделлин Сребровласый,— сказал Фенодири.

— Тебе тоже, Бурдюк. Итак, дети, что за дурные вести вы мне принесли? Я так и знал, что стряслась беда, только не ведал какая.

— Каделлин! — с порога закричала Сьюзен.— Моя Слезинка... это, оказывается, был Огнехлад, а ее только что украли!

— Чья... слезинка?

— Моя! Ну, которую мне мама подарила, а ей подарила Бесс Моссокс.

И, перескакивая с пятого на десятое, ребята рассказывали ему всё.

Волшебник постарел на глазах. На сером лице резко обозначились морщины, и он без сил опустился в кресло.

— Это он. Да, это он. Нет на свете второго такого кристалла с огненной сердцевинкой. Он был здесь, он зывал ко мне — и я ничего не слышал!

Глаза его затуманились, и он устало сгорбился в кресле, как самый обыкновенный старик.

Но вот в нем вспыхнул гнев — и забушевал как пламя. Помолодевший от ярости, он вскочил на ноги, грозно выпрямился во весь рост и словно заполнил собой пещеру.

— Гримнир! — вскричал он. — Неужто впрямь тебе суждено погубить меня? В погоню, скорей! Захватим его на открытом месте, пока он не добрался до озера. Я убью его своей рукой!

— Опомнись, Каделлин, — покачал головой Фенодир. — Что проку пороть горячку? Вот уже час, как Безликий направился к своим болотам. Он давно в безопасности — там, куда и ты не смеешь за ним следовать! Или ты хочешь, дружище, чтобы он посмеялся над тобой?

— Посмеялся надо мной? А детишки — для чего, по-твоему, он оставил их невредимыми? Из милосердия? Как бы не так! Кто же еще столь быстро принес бы мне весть о его торжестве? Да он смеется надо мной в эту самую минуту!

Но ты прав: теперь ничего не поделаешь. Камень у него, и нам остается только ждать и быть начеку. И, боюсь, добром это всё не кончится...

Он повернулся к детям, понуро стоявшим посреди комнаты:

— Колин, Сьюзен, на ваших глазах в историю мира вписана черная глава. Никому не ведомо, какие беды повлечет она за собой. Но не казните, вашей вины в том нет! Даже дорога эльфов не защитила бы вас от Гримнира Безликого.

— Но кто он — или *что* он такое? — спросила Сьюзен, бледнея при мысли о призраке.

— Он человек: вернее, был когда-то человеком. Он обучался у великих мудрецов и овладел многими науками. Но в своей ненасытной страсти к знаниям он нарушил запрет и стал заниматься черной магией. Она опустошила его душу и превратила его в чудовище. Тогда он оставил свет ради тьмы и, как древнее страшилище Грендел, устроил себе логово под темными водами Ллин-Дху — Черного озера. Там он плетет свои злые чары, уступая в могуществе разве лишь тем отродьям ночи, что прислуживают своему властелину в бездонной пропасти Рагнарк. Он мой заклятый враг: вот с кем вы нынче повстречались!

— Никто никогда не видел его лица и не слышал его голоса, — добавил Фенодири. — Старые гномы рассказывают, что он прячется от стыда: будто совесть жалит его хуже овода, напоминая, кто он такой и кем мог бы стать. Возможно, это всего лишь предание, бабушкины сказки, и сейчас не ко времени...

— Сейчас вообще не время для сказок! — вмешался Каделлин. — Нужно действовать, и как можно скорее. Вспомните хорошенько: кто и когда видел талисман и мог его узнать?

— Вроде бы никто, — сказал Колин.

— Селина Плейс! — закричала Сьюзен. — Селина Плейс! Помнишь, как Слезинка затуманилась? Она

его, наверно, у меня увидела и остановила нас, чтоб рассмотреть как следует.

— Ха,— горько усмехнулся Фенодири.— Старуха-оборотень опять за свое! Знали б мы, что она тут замешана,— могли бы и раньше догадаться, что дело нешуточное.

— Но почему,— вскричал волшебник,— почему вы мне раньше об этом не сказали?

— Я забыл,— мрачно признался Колин.— Я же не знал, что это так важно. Думал, она просто ненормальная.

— Не важно? Ненормальная? О, что он говорит! Да знаете ли вы, что эта особа, известная вам как Селина Плейс, на самом деле верховная ведьма, предводительница всей нежити? И хуже того, она Морригана — древнее проклятие Логрии!¹

Казалось, еще чуть-чуть — и он взорвется. Но он перевел дух и покачал головой:

— Теперь это и впрямь не важно.

Сьюзен чуть не плакала. Нестерпимо было видеть старика в таком расстройстве. И она в этом виновата!

— Неужели мы ничего не можем сделать?

Волшебник взглянул на нее, и губы его тронула усталая улыбка.

— Сделать? Дитя мое, мы и сами теперь мало что можем сделать. И уж конечно, грядущая война — не место для ребятишек. Придется вам отправиться домой и позабыть все, что вы здесь видели. Камня у вас больше нет, и вам ничего не грозит.

— Но как же так?! — закричал Колин.— Мы ведь хотим помочь!

— Знаю. Но здесь вам больше делать нечего. Высокая магия либо низкое коварство — вот каким оружи-

¹ Так называлась Британия в легендах о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

ем будут сражаться в этой битве, и доблесть отважных отроков пропадет впустую. Вы можете помочь лишь одним: будьте благоразумны, чтобы я за вас не тревожился.

И, не слушая больше возражений, он взял ребят за руки и повел к выходу. Они шли молча, покорные и несчастные, и вскоре очутились на выступе скалы, над самым болотом — там, где три дня тому назад они впервые увидели Каделлина.

— Мы что, *насовсем* расстаемся? — спросил Колин. Никогда еще ему не было так горько.

— Поверьте, это необходимо. Мне самому больно разлучаться с друзьями, и я понимаю, как вам должно быть обидно, едва заглянувши в мир чудес и волшебства, тотчас оказаться за дверью. Но этот мир полон опасностей и мрачных теней, и скоро, боюсь, мне тоже придется войти во мрак. Я не могу взять вас с собой. Возвращайтесь в свой собственный мир, там вы будете в безопасности. Если даже мы потерпим поражение, с вами ничего не случится: еще не при вашей жизни придет Настронд. Теперь ступайте. Фенодири выведет вас на дорогу.

С этими словами он повернулся и, не простившись с ними ни жестом, ни взглядом, вошел в подземный коридор. Скала сомкнулась; он исчез.

Колин и Сьюзен обреченно смотрели в стену. Оба с трудом сдерживали слезы, и даже Фенодири, погруженному в собственные невеселые мысли, стало жаль их.

— Это он не со зла, — мягко сказал гном. — Ему нанесли сокрушительный удар, иной бы не вынес. Теперь он должен собраться с духом и ради Камня взглянуть в лицо смерти — а может, и чему-нибудь похуже. Сам я пойду за ним до конца, и, боюсь, впереди ждет мрак. Потому он и распрощался с вами, что знал: не будет

больше дружеских встреч по эту сторону бездны Раг-нарок.

— Но это же все из-за нас! — взмолился Колин.— Мы *должны* ему помочь!

— Хотите помочь — поступайте, как вам велено. Держитесь подальше от всяких опасных дел, а стало быть, и от нас.

— И для него так будет лучше? — спросила Сьюзен.

— Несомненно.

— Тогда, я думаю, придется послушаться. Только это очень трудно.

— А разве ему легко?

Фенодири повел их по тропе, огибавшей склон холма и полого поднимавшейся на гребень.

— Ну вот,— сказал он наконец,— теперь вас никто не тронет. Но ежели я вам понадобится, сообщите совам, что несут дозор в амбаре у Моссока. Они поймут вашу речь и поспешат ко мне, только не забудьте: совы — ночные стражи, днем же они летают хуже пьяных эльфов!

— Значит, это вы их к нам прислали? — спросил Колин.

— Так уж повелось: мой народ хорошо понимает птиц. Мы обходимся с ними как с братьями, и они отвечают нам добром. Две ночи тому назад от них пришло известие, что за вами охотится злая нечисть. Некая тварь в обличье птицы появилась над фермой, наполнив их неведомым ужасом и чуть не поплатившись за это жизнью. Теперь-то я догадался: это дело рук Безликого... а вот и Башня — отсюда видно его логово.

Они вышли на плоскую верхушку скалы, козырьком выступавшую над обрывом, и словно повисли в воздухе, глядя вниз на лоскутную равнину. Позади было поле и крутая дорога «в горку», по которой они ехали с

Гаутером. На площадке стояла грубая каменная скамья; на ней они и уселись.

— Так я и думал,— сказал Фенодири.— Черный хозяин у себя в берлоге. Вон там, видите,— Ллин-Дху, а вокруг одни болота да худые домишки.

Колин и Сьюзен проследили за его рукой: там, на равнине, в двух или трех милях от Кряжа, сквозь деревья просвечивала серая вода.

— Люди пробовали осушить болото и поселиться в тех краях, но злотворный дух, что там обитает, проник в их сердца и жилища. Дома у них вышли хмурые, безотрадные, кругом расползается топь, а сумрачное озеро порождает холодные, темные помыслы, такие же унылые, как все вокруг... А! — воскликнул он.— Вот кто нам расскажет, что стало с нашим талисманом.

В небе над равниной плавало крошечное черное пятнышко. Фенодири показал на него и пронзительно свистнул:

— Эгей, Ветерок! Ко мне!

Пятнышко застыло на месте — и вдруг устремилось к ним, рассекая воздух, как падающая звезда, и увеличиваясь с каждой секундой. И вот, громко хлопая крыльями и гордо посверкивая глазами, на протянутую руку Фенодири уселась пустельга — красивый маленький сокол.

— Странное общество для гнома, не правда ли? Но их так долго преследовали колдуны и ведьмы, что они сделались мудры не по годам... Здесь проходил Гримнир. Куда он направился — к озеру?

Сокол посмотрел в лицо Фенодири и гортанно заклекотал. Гном дослушал его и понимающе кивнул.

— Да, я так и думал. Туман пересек равнину со скоростью бегущего коня и погрузился в воды Ллин-Дху... Ну что ж! Будь что будет, а мне пора назад, к Каделлину, совещаться и строить планы. Прощайте, друзья мои. Вон дорога: ступайте по ней. Пожелайте нам удачи — и помните о нас, хоть волшебник и наказал вас забыть.

— До свидания.

Больше ребята не могли выговорить ни слова: у обоих ком стоял в горле. Ясно, что Каделлин и Фенодири не нарочно и не со зла торопились от них избавиться... но знать, что сами они во всем виноваты, было просто невыносимо.

Без звука, с тяжелым сердцем зашагали они прочь и ни разу не оглянулись, пока не вышли на дорогу. Фенодири стоял на скамье, уверенно расставив ноги; у него на запястье устроился Ветерок. Оба четко вырисовывались на фоне вечернего неба. Гном приветственно поднял руку, и в неподвижном воздухе далеко разнесся его голос:

— Прощайте, друзья!

Они молча помахали в ответ.

Он помедлил еще мгновение, потом спрыгнул со скамьи, сбежал на тропу, что вела к Хранилищу, и пропал из виду. И перед глазами у ребят словно опустился занавес.

Глава восьмая

ТУМАН НАД ЧЕРНЫМ ОЗЕРОМ

Наступила осень. В сентябре Колин и Сьюзен пошли в школу. На ферме тоже хватало работы, и они редко выбирались на Кряж. Разве что по выходным, но тогда в лесу хозяйничали понаехавшие «на природу» городские жители. Громкие голоса, треск веток, пустые бутылки и обертки на траве — в общем, при них все было уже не то. Прямо у входа в Хранилище — ребята сами видели! — расположилось однажды целое семейство. Прислонившись к валуну, в котором прятались железные ворота, сидел папаша в красных подтяжках и, багровый от натуги, пытался перекричать орущий приемник. Он скликал своих отпрысков к чаю, а те играли в войну на Чертовой Могиле.

Все стало чужим, неузнаваемым. Там, где царили красота и жуть, неразделимые как стороны одной монеты, была теперь площадка для шумных игр. Из этих мест как будто вынули душу — или она затаилась до поры. Словно и не было никаких свартов, гномов, волшебников: остались только совы в амбаре да ощущение пустоты на запястье.

Из-за потерянного браслета вышла-таки в усадьбе размолвка. Бесс первая хватилась Невестиного Камня, и Сьюзен, не зная, чем объяснить пропажу, просто выложила все как было. Бедняжка Бесс только руками развела. Ее опечалила потеря, а еще больше — то, что девочка из страха перед взрослыми нагородила столь-

ко вранья. Зато Гаутер вовсе не был так уверен, что все рассказанное — сплошные выдумки. Он, правда, помалкивал, но кое-что в этих небылицах слишком уж напоминало его собственные ночные приключения. Во всяком случае, прошло время, и вся история не то чтобы забылась — о ней перестали говорить.

Незадолго до Рождества из амбара исчезли совы. Несколько дней ребята не находили себе места, гадая, что бы это значило.

— Или Камень снова у Каделлина, или они проиграли войну,— твердил Колин.

— А может, он просто уверен, что нас и так никто не тронет, или, может... нет, глупости... ох, если б только *знать!*

Два дня подряд, с обеда и до ужина, они прочесывали окрестные леса, но не нашли никаких следов недавнего сражения. Если здесь и впрямь разыгралась жестокая битва, она прошла незаметно для людских глаз.

Погода стояла ясная. По ночам в безоблачном небе морозным серебром сверкали звезды, а днем обманчивое солнце пригревало совсем по-весеннему. В один из первых январских дней, незадолго до сумерек, ребята возвращались из Олдерли. Они медленно тащились в гору. Подъем был крутой, особенно в конце, не так-то легко одолеть его пешком, да еще катить велосипеды. Зато дальше можно садиться и ехать.

Но едва они покатали по ровной дороге, Колин резко затормозил, чуть не слетев с велосипеда. Сьюзен повалилась прямо на него.

— Вон там, гляди! — задохнулся он.— Да вон же...

Каделлин! Его четкий силуэт с посохом в руке темнел на площадке Башни. Он смотрел вниз, на равнину.

Бросив велосипеды, ребята помчались к нему. Все запреты вылетели у них из головы.

— Каделлин! Каделлин!

Волшебник резко обернулся и зашагал было прочь, но передумал и, помедлив, опустился на скамью.

— Ох, Каделлин, мы думали, с вами что-нибудь случилось! — плача от радости, проговорила Сьюзен.

— Со мною много чего случилось, но я, как видите, жив и здоров.

Он все еще хмурился, но глаза уже оттаяли.

— Но мы правда беспокоились, — сказал Колин. — Когда совы вдруг пропали, мы подумали, что вы... что вас...

— Вот оно что! — засмеялся Каделлин. — Ну, ну, всё не так уж страшно. Просто мы отозвали птиц, когда убедились, что нежить оставила вас в покое.

— Ну да, мы сперва так и подумали,— вздохнул Колин,— но потом подумали, а вдруг это не потому...

— А про эту нежить вы что-нибудь знаете? — перебила его Сьюзен.— Моя Слезинка еще у них?

— И да, и нет,— ответил волшебник.— Вся надежда теперь на их алчность. Камень у Гримнира. Он давно бы должен отдать его Настронду, но ведьмы и колдуны порешили владеть им сами. Должно быть, они надеются подчинить себе мощь Огнехлада. Ничего у них не выйдет!

Это — явный заговор; но есть еще и тайный. Ходят толки, будто Гримнир и Морригана сговорились поделить все сокровища между собой, одурочив прочую нежить, а также и свартов. Таковы слухи. Но я слишком хорошо знаю Гримнира. Он ни с кем не поделится властью, и старуха-оборотень, при всем ее коварстве, ему не ровня. Все они готовы предать друг друга — и, быть может, в их вероломстве наше спасение. Мы следим за ними и терпеливо ждем. Камень еще не в руках Настронда, и на том спасибо.

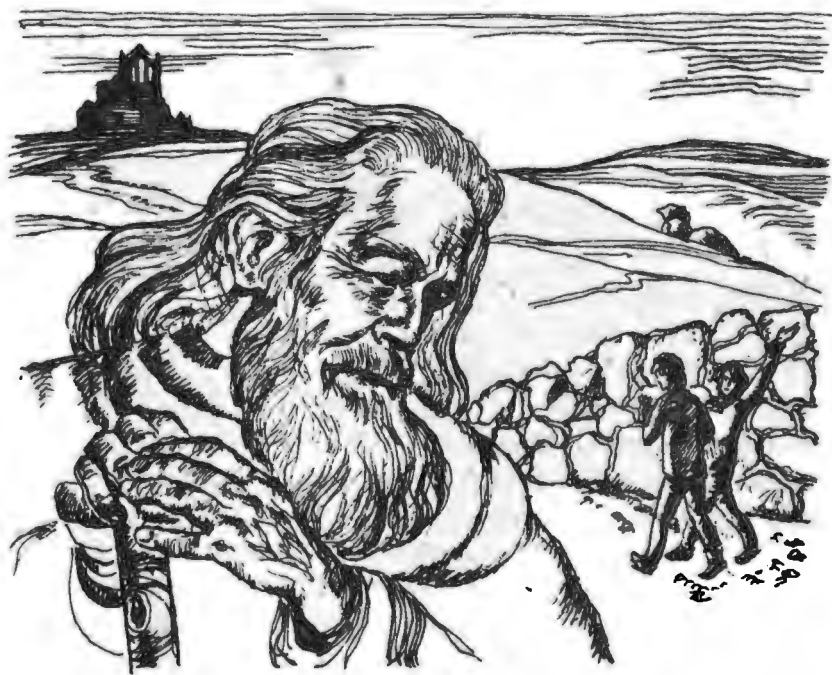
Ну вот: теперь вы все знаете, и дороги наши расходятся вновь.

У ребят будто гора с плеч свалилась. Главное, Каделлин был жив и невредим, и даже разлука с ним не казалась больше невыносимой.

— И мы все еще ничем не можем помочь? — спросила Сьюзен.

— Всю осень вы держались молодцами (нынешний случай не в счет!): вот и впредь поступайте так же. Худая нам будет помощь, ежели вы опять попадетесь этому.

Он указал посохом на равнину. На месте Черного озера клубился густой туман! Ни облачка, ни дымки в закатном небе, а на Ллин-Дху словно опустилась туча.

— Уже больше недели, как это началось,— пояснил Каделлин.— Что он затеял, мне неизвестно, но думаю, он пытается обнести талисман магическим кругом, дабы мощь его не достигла Хранилища. Это ему не удастся, уничтожить Огнехлад он также бессилен, но и я не в силах отобрать его. Нашла коса на камень.

Каделлин проводил ребят до проезжей дороги, и там они простились. Давно уже не было у них так легко на душе.

К утру туман над озером не рассеялся. Было воскресенье, и ребята отправились покататься на велосипедах по окрестностям. Но по дороге Колин предложил свернуть к Башне и поглядеть еще разок. Теперь они сидели на скамье, глядя сверху на странное облако.

Колин первым высказал вслух то, что было на уме у обоих.

— Вот бы посмотреть поближе...

— Но мы же обещали... А может, если просто посмотреть — это не считается?

— Ну, мы ведь уже смотрим, и ничего. Какая разница, откуда или *оттуда*?

Это был решающий довод. Только как добраться до озера, не зная дороги? Если ехать в Уилмслоу, а оттуда повернуть налево, это будет *приблизительно* верное направление. И, не теряя времени, они спустились в Олдерли, купили бутылку лимонада — запивать взятые из дому бутерброды, с почты отправили маме с папой открытку (вид на Грозовой Утес) и покатали дальше. Через полчаса они уже были в центре Уилмслоу и озирались по сторонам: а теперь куда?

— Ага, вот кого мы спросим,— обрадовался Колин.

Неподалеку от них затормозил крошечный, похожий на жука автомобильчик, и из него, сложившись чуть не пополам, вылез огромный, в три обхвата, сержант полиции. Непонятно, как он вообще там помещался. Ребята подъехали поближе.

— Простите, пожалуйста,— вежливо сказал Колин.— Как нам проехать к Ллин-Дху?

— Куда? — Полицейский был явно удивлен.

— Ллин-Дху, Черное озеро. Оно где-то здесь, недалеко.

Здоровяк ухмыльнулся:

— А вы меня не разыгрываете?

— Нет, что вы,— воскликнула Сьюзен,— честное слово!

— Ну, значит, это *вас* кто-то разыграл. Я десятый год здесь работаю, а про такое озеро никогда не слышал. Судя по названию, это где-нибудь в Уэльсе.

Колин и Сьюзен не верили собственным ушам.

— Но мы же его сами видели! — Сьюзен чуть не плакала от досады.— Только что, с холма! Ну, не то

чтобы *видели*, там был туман, но не могло же оно исчезнуть!

— Туман, говоришь? А-а, вот оно что. В Линдоу который уж день туман, и озеро там есть, одно на всю округу. Может, вам туда и надо?

Ллин-Дху: Линдоу. Ну конечно!

— Да, кажется, туда,— сказал Колин.— Мы, наверное, перепутали название. А это далеко?

Они внимательно выслушали объяснения сержанта и, проехав еще милю, остановились перед обширной пустошью, покрытой вереском, чахлыми кустами и невысыхающими лужами. Табличка на обочине гласила, что эта земля принадлежит общине Линдоу и въезд на велосипедах запрещен. А посреди пустоши поблескивало черной торфяной водой длинное озеро.

Ребята постояли на скользком берегу. Воздух был сырой, пейзаж угрюмый, и обоих пробирала дрожь. По краям пустоши расползлись унылые кирпичные домики: такие теперь оседают грязно-розовой накипью на окраинах многих поселков и городов.

«А вокруг одни болота да худые домишки», — вспомнились им слова Фенодири. Вид и вправду безрадостный. И к тому же что-то здесь было не так. Если перед ними Ллин-Дху, значит, за какой-нибудь час от густого тумана, поглотившего озеро на целых десять дней, не осталось ни клочка, ни следа!

— Может, мы не туда попали? — спросил Колин.

— Очень даже туда, бр-р! Это местечко ни с чем не спутаешь, и вода тут черная. Но что же все-таки случилось?

— Да ну, поехали отсюда! У меня уже мороз по коже. Поглядели — и ладно, придумаем что-нибудь получше.

Выпив по чашке кофе в Уилмслоу, повеселевшие ребята покатали обратно. Никаких особых планов у

них не было, но солнышко пригревало вовсю, и еще добрых шесть часов оставалось до вечера.

...Они увидели его, подъезжая к Олдерли. Дул легкий северо-восточный ветерок, и по небу над деревней плавно стелился дым из труб. А на ближнем склоне Кряжа, прямо посередке, белел огромный, будто приклеенный туманный ком. Из тумана торчали каминные трубы и несуразные башенки Сент-Мэри-Клифф — дома над обрывом, где обитала Селина Плейс.

Глава девятая ДОМ У ОБРЫВА

Комната была длинная, с высоким потолком, выкрашенным в черный цвет. Стены и окна задрапированы черным бархатом, деревянный пол густо запан красным. На столе — раздвоенный прут и блюдо с горкой красного порошка. Рядом, на пюпитре, — громоздкая старинная книга с пергаментными страницами; по другую сторону стола — жаровня с раскаленными углями. И больше никакой мебели здесь не было.

Гримнир с недовольным видом наблюдал за старухиними приготовлениями. Ему не нравилось долгое, древнее колдовство: все эти неповоротливые духи, медленно сгущающаяся ненависть... То ли дело молниеносный ужас, рожденный в глубинах сознания.

И все же в этой допотопной ворожке таилась немалая сила. Она вздымалась постепенно, волна за волной, и настигала жертву с убийственной неотвратимостью. Если бы только побыстрее! Настронд уже заподозрил неладное, еще немного — и... При этой мысли Гримнира охватил страх. О, пусть только покорится ему талисман — и он покажет Настронду, кто из них истинный Дух Тьмы! Что ему тогда Рагнарок? Яма,

кишащая мелкими тварями, через которую можно переступить, их не заметив!

Но как подчинить своей воле строптивый Камень? Он отражает все удары и однажды чуть не уничтожил его самого. Вся надежда теперь на ведьмины зелья и чары, а за ней нужен глаз да глаз: как бы не заставила камень служить одной себе. Она ему не доверяет, и немудрено; позже он сумеет от нее избавиться. Но сейчас она нужна: все ближе зловещая тень Настронда и спасти их может лишь быстрый успех.

Струйкой черного песка из кожаной фляги колдунья рисовала на полу затейливый узорчатый круг. Она часто останавливалась, что-то бормотала себе под нос, чертила в воздухе какие-то знаки, приседала в реверансе и двигалась дальше. На ней был черный балахон, подпоясанный алым шнуром, и остроносые туфли.

Морригана так была поглощена своим занятием, а Гримнир — своими размышлениями, что ни один из них не заметил, как за окошком промелькнули две быстрые тени...

Круг на полу замкнулся. Колдунья подошла к столу и взяла прут.

— Час теперь неподходящий, чтобы вызвать моих помощников,— сказала она,— но если в том, что ты слышал, есть хоть малая доля правды, то нужно начинать не мешкая. И все-таки лучше бы ты был поосторожней! — Она кивнула на окно, за которым серой стеною стоял туман.— Это может привлечь к нам внимание.

И словно в ответ на ее опасения с дальней стороны дома донесся резкий заливистый лай.

— Вот видишь! Они что-то учуяли. Надо бы их спустить: сами не справятся, так хоть нас предупредят. И уж если Рагнарок и Хранилище не обрушатся

нынче на наши головы — так и знай, это не твоя заслуга!

Тяжело ступая, она вышла из дома и направилась за угол, к пристройке, откуда слышался лай. Селина Плейс была не в духе. Ну и глупец этот Гримнир, даром что он искусный маг! Разве можно так рисковать? Прийти по *такому* делу среди бела дня! Нет, не по зубам ему талисман Брисингов, здесь нужны иные чары. Она усмехнулась: доброе старое колдовство, уж мы-то с тобой сумеем приручить непокорный Камень. Даже Гримниру это ясно, зря он только время теряет.

— Иду, иду! Тихо вы, не ломайте дверь!

Две легкие тени бесшумно проскользнули у нее за спиной и скрылись в доме.

— А теперь куда? — прошептала Сьюзен.

В тесную прихожую выходили три двери. Одна была приоткрыта: за ней висела какая-то рухлядь.

— Спрячемся там и посмотрим, куда она пойдет.

Раздумывать было некогда: из тумана уже слышались грузные шаги Селины Плейс.

— Придется поспешить, — сказала она Гримниру. — Может, наши страхи и напрасны, но, пока талисман не усмирен, покоя нам не будет. Давай-ка его сюда.

Гримнир развязал кожаный мешочек на поясе и достал оттуда браслет Сьюзен. На цепочке по-прежнему висел Огнехлад, но его прозрачная глубина подернулась молочной дымкой.

Морригана положила браслет на пол, в самый центр черного круга. Она задернула портьеры на дверях и окнах и подошла к жаровне. Угольки тускло алели во мраке. Она зачерпнула с блюда пригоршню порошка и, высыпав его на жаровню, громко прокричала:

— Деморизэль, Карнефизэль, Каспизэль, Аменадиэль!

Огонь зашипел и взметнулся ввысь, озарив комнату рубиновым светом.

— *Вос омнес ит министри одеи эт деструктионес эт сераторес дискорде...*

— Про что это она? — шепотом спросила Сьюзен.

— Не знаю, только у меня от нее мурашки.

— *...эо квод эст ноце вос кониуразе идео вос конниро эт депрекур...*

— Колин, я...

— Ш-ш! Тихо!

— *...эт одид фиат миер альве...*

В дальних углах комнаты, в складках черного бархата медленно сгущались тени.

Ребята уже полчаса стояли неподвижно в своем укрытии. Их решимость давно улетучилась. Они проникли сюда, повинуясь внезапному порыву и не думая об опасности. Но теперь было самое время поразмыслить... Лучше бы выбраться отсюда потихоньку и бежать разыскивать Каделлина; но их останавливало зловещее сопение псов под окошком гардеробной.

Морригана меж тем то бормотала нараспев свои заклинания, то резко и повелительно выкрикивала:

— Приди, Габорим! Приди, Габорим! Приди, Габорим!

Внезапно ребята ощутили сухой покалывающий жар. Он тяжело навалился откуда-то сверху, обжигал, не давал дышать. В висках у них застучало, комната поплыла перед глазами...

— Приди, Оробас! Приди, Оробас! Приди, Оробас!

Почудилось им или нет? По дощатому полу прогремывали копыта, и под самую крышу взлетело дикое, пронзительное ржание.

— Приди, Намрод! Приди, Намрод! Приди, Намрод!

Налетевший вихрь крепко вцепился в стены, будто выдирая их из фундамента. С шумом пронеслись по

дому могучие незримые крылья, и в опустевших комнатах заплескался растревоженный воздух. Только туман за окнами висел неподвижно.

— *Кониуро эт конфирмо супер вос потэнтес ин номи фортис, метуендиссими, инфанди...*

Через несколько минут прямо за дверью гардеробной раздался голос Селины Плейс. Она сильно запыхалась.

— Говорю тебе... никуда этот Камень... не денется. В дом... никто не войдет... Идем отсюда... опасно... если выкипит... нам конец. Скорей... сила нарастает... лучше не смотреть!

Гримнир нехотя последовал за ней, то и дело подозрительно оборачиваясь. Они вошли в дверь напротив и скрылись где-то в глубине дома.

— Ну и влипли же мы,— сказал Колин.— Похоже, придется ждать, пока она отзовет этих зверюг. Она еще, чего доброго, опять возьмется за свои штучки, а с меня уже хватит. Как бы нам отсюда выбраться?

— Колин, мы не можем так уйти! Там моя Слезинка, и другого случая не будет!

В доме было уже не жарко и совершенно тихо. И где-то внутри Сьюзен вновь ощутила то странное, настойчивое подталкивание, которое заставило ее позабыть все обещания и всякую осторожность, когда, подъезжая к Олдерли, они увидели белый ком на склоне холма.

— Ты что, не слышала? Старуха Плейс сказала, что там опасно. Уж если она перетруссила...

— Все равно я должна попытаться. Ты идешь? А то я одна!

— Ох... ну ладно. Сама же потом пожалеешь.

Они на цыпочках вышли в прихожую и осторожно приоткрыли соседнюю дверь. В комнату просочился слабый свет, и они разглядели письменный стол, книгу на подставке и круглую черную колонну посередине.

— Никого! — шепнула Сьюзен.

Они проскользнули в комнату, закрыли за собой дверь и подождали, пока глаза привыкнут к темноте. И тогда они увидели...

Колонна была живая! Черный круг, начертанный Селиной Плейс, превратился в столб маслянистого дыма, и там, в дыму, клубились какие-то тени. Они расплывались перед глазами, но ребята и не вглядывались: им уже хотелось оказаться подальше от этого места.

Но бежать было поздно. Дым сгустился плотней, закружился, как черный смерч, все быстрее, быстрее, и вот уже пол задрожал у них под ногами, а в ушах зазвучали заунывные голоса, долетавшие из какого-то страшного далека. Ключочки мрака, точно жирные мухи, с жужжанием вылетали из черных портьер и втягивались в гигантское дымное веретено...

И вдруг основание колонны засветилось голубым. Жужжание перешло в безумный вой — и смолкло. Бешено вращающийся столб вздрогнул, заскрежетал, будто кто-то резко нажал на тормоза, потом замер и накренился, как подрубленное могучее дерево. В дыму засверкали серебряные молнии, черная колонна зашаталась и рухнула, поглощенная сияющим огненным шаром. Последний жалобный вскрик пронесся по комнате и растаял за дверью. Голубое сияние померкло, и на полу, среди разбросанных черных загогулин, остался невидимый Огнехлад.

Дети застыли как вкопанные. Медленно, не отрывая глаз от камня, словно боясь, что он исчезнет, Сьюзен подошла, наклонилась и подняла его. Молча, все еще не веря в происходящее, она расстегнула браслет, надела и вновь застегнула его на запястье. Столько раз за последние месяцы она проделывала это во сне — и так горько было просыпаться!

В маленькой комнатке под самой крышей ждали Гримнир и Селина Плейс. У обоих напряжение достигло предела. Слишком хорошо они знали цену неудачи. За тысячу лет это был первый случай, когда кто-то из их племени ослушался приказа Настронда. Приходилось им бывать и в наружных чертогах крепости Рагнарок и заглядывать сверху в бездонную пропасть. Так Настронд умел подчинять своей воле черную нежить.

— Теперь уже недолго,— сказала Морригана.— Через пять минут камень должен...

Из-под двери выползла тонкая струйка дыма, и в комнате послышался тихий плач. Морригана вскочила со стула; глаза ее дико засверкали, на лбу выступил холодный пот.

— *Нон лицет абире!* — Она раскинула руки, преграждая путь.— *Кониуро эт конфирмо супер...*

Но струйка обогнула ее, подплыла к камину и унеслась в дымоход. Вздохнул за окошком ветер — и все затихло.

— Нет... нет! — ошеломленно забормотала ведьма, на шаривая дверь. Но Гримнир первым распахнул ее и помчался по коридору. Он уже спускался по лестнице, когда раздался грохот, звон стекла и в окне наверху появилась темная фигура. Испуганно вскрикнула Морригана, Гримнир резко обернулся, изговорясь к нападению, точно голодный паук.

Шум вывел ребят из оцепенения. Где-то наверху снова взвизгнула Морригана.

— Пошли отсюда.— Колин схватил сестру за руку и потащил в прихожую.— Как выскочим за дверь, беги во весь дух! Не оглядывайся, я не отстану.

В доме поднялся такой тарарам, что опасность, подстерегавшая их снаружи, не так уж и пугала. Но едва Колин приоткрыл дверь, как из тумана с рычанием высунулась свирепая красная пасть. Ребята в ужасе отступили в глубь прихожей. Они не успели захлопнуть дверь, и один из Морриганиных псов предстал перед ними во всей своей жути.

С виду он напоминал бультерьера, только огромного, голова и туловище белые, лишь на ушах жесткая рыжая шерсть. Но самое главное: от острых ушей до оскаленной пасти морда его оказалась пустой и гладкой. Глаз не было.

Зверь помедлил, поводя своей клиновидной башкой и раздувая влажные ноздри. Потом он учуял ребят и уверенно, как зрячий, двинулся к ним. Колин и Сьюзен нырнули в ближайшую дверь и очутились в кухне. Отсюда вела еще одна дверь; больше спрятаться было негде.

— Придется рискнуть,— сказала Сьюзен,— оно сейчас ворвется!

Хлипкая задвижка, которую они успели закрыть, уже дребезжала под ударами могучих лап. Но и за другой дверью вдруг слышались быстрые шаги: сюда кто-то шел! И тут задвижка подалась: пес провалился в кухню.

Колин схватил табуретку.

— Встань за мной,— прошептал он.

Услышав шепот, чудовище застыло на месте — и тотчас направились в их сторону.

— До окна не добраться? — спросил Колин, не сводя глаз с приближающегося пса.

— Нет.

— И больше никак отсюда не выйти?

— Нет.

Пес уже наскакивал, щелкая зубами. Колин отбивался тяжелым табуретом, руки у него сводило.

— Тут сзади меня какой-то чулан, и дверь не закрыта.

— Ну, и что толку?

— Не знаю, может, Гримнир нас не заметит, или эта зверюга на него бросится, или... ох, ну мало ли что!

— А мы там поместимся?

— Он высокий, до потолка.

— Ладно, полезай!

Сьюзен юркнула в чулан и встала у двери, держа ее открытой для Колина, который пятился следом. Пес хватал зубами ножки табурета, лапами старался выбить его из рук. Дерево трещало, сыпались щепки, но Колин был уже у цели. Он швырнул табурет в собаку и повалился на спину, прямо в чулан. Совсем близко мелькнула оскаленная пасть с вываленным красным языком и белыми клыками, но Сьюзен уже захлопнула дверь. В тот же миг она услышала, как другая дверь — та, что куда-то вела из кухни, — с силой распахнулась. И она потеряла сознание.

По крайней мере, так ей показалось. В животе у нее что-то оборвалось, голова закружилась, и она полетела вниз, в бездонную пропасть... Может, она в обмороке? Рядом Колин: вот он пытается встать на ноги. В спину ей вжимается задняя стенка чулана. Сьюзен ущипнула себя: нет, никакой это не обморок.

Ребята стояли неподвижно, прижавшись друг к другу и готовясь к худшему. Вот-вот распахнется дверь... Но из кухни почему-то не доносилось ни звука.

— Что там такое? — прошептал Колин. — Как-то уж больно тихо.

— Ш-ш!

— Ты не видишь, где тут замочная скважина?.. *Ай!*

Колин пошарил было рукой по стене и так завопил от боли и неожиданности, что Сьюзен и правда чуть не потеряла сознание.

— Сью! Дверь исчезла!

— К-как?

— Нету двери! Там стена, сплошной камень, и она едет вверх, да так быстро — я всю руку ободрал. Это лифт, понимаешь? То-то у меня уши заложило!

В ту же секунду пол как будто вдавился в подошвы и в лица им повеяло влажным холодным воздухом. Тишина была такая, что, казалось, они слышат биение собственных сердец.

— Где это мы приземлились? — пробормотал Колин.

— Скажи лучше: *подземлились!*

Сьюзен опустилась на колени и протянула руку вперед, где была дверь чулана. Пустота! Она перегнулась через порог и пошарила рукой. Мокрый камень.

— Тут есть пол, это уже кое-что. Давай вытащим фонари и оглядимся.

Они порылись в рюкзаках и среди бутербродов и лимонада отыскали два велосипедных фонарика.

Перед ними был подземный коридор, уходивший в темноту.

— Что будем делать?

— Назад все равно не попасть, правда?

— Правда, но и вперед как-то не хочется.

— Мне тоже, но больше деваться некуда. Пошли!

Они надели рюкзаки и зашагали по коридору. Спустя мгновение сзади послышался шум. Ребята обернулись, и душа у них ушла в пятки.

— Ну все! — сказал Колин, глядя вверх, на исчезающий в шахте чулан. — Сейчас они заявятся сюда.

Глава десятая

МОСТИК НАД БЕЗДНОЙ

Они то шли, то бежали по темному коридору, спотыкаясь на неровном полу, ушибаясь о стены. Воздух был затхлый, и через минуту ребята уже запыхались так, словно пробежали целую милю. Но страх и нетерпение гнали их вперед: нужно было спастись от погони и поскорей разыскать Каделлина или Фенодири. Вот бы этот проход привел их в Хранилище!

Подземный ход извивался, петлял, и, когда Сьюзен внезапно остановилась, Колин с разбегу налетел на нее и оба повалились на пол, к счастью не выпустив из рук фонарей.

Коридор завел их в тупик. Впереди была шахта, такая глубокая, что дно не высвечивалось. С краю торчал толстый металлический штырь, и с него свисала веревочная лестница — мокрая, кое-где поросшая бледной плесенью, но, кажется, достаточно прочная. Страх погони пересилил, раздумывать было некогда. Ребята засунули фонари под куртки, чтобы освободить руки, и начали спускаться в темноте.

Веревка была скользкая, и требовалась немалая поддержка, чтобы двигаться ритмично и не раскачивать лестницу. «Ра-аз — два — три — четыре...» — командовал Колин. Он спускался вторым, на десять перекладин выше сестры, и ему ужасно хотелось ускорить темп. Вот-вот наверху появится Гримнир, и что тогда? Лучше не думать...

— Сто сорок один — два — три — четыре...

— Я уже внизу! — крикнула Сьюзен. — Тут мокро!

Дно шахты представляло собой песчаный островок на перекрестье четырех подземных коридоров. Вид у них был не очень-то заманчивой: два прохода чуть не доверху заросли илом, в двух других стояла вода. Ко-

лин выбрал тот, где воды было поменьше и на поверхность выступали крупные камни.

Они запрыгали было с камня на камень, продвигаясь медленно, зато почти посуху; и тут Колин, обернувшись, чтобы протянуть руку Сьюзен, увидел, как задержался нижний конец веревочной лестницы. Кто-то спускался следом за ними!

Ребята бросились бежать прямо по воде, скользя и спотыкаясь, до потолка разбрызгивая бурю жижу. Хорошо, что проход поднимался вверх и вскоре они мчались уже по сухому песку. Но песка становилось все больше и больше: им пришлось бежать, согнувшись в три погибели, а потом и вовсе ползти на четвереньках.

Что, если пол и потолок вообще сомкнутся, подумала Сьюзен, и нам придется возвращаться... или ждать?

Пот заливал ей глаза, от влажной духоты больно было дышать, под одежду и в волосы набился песок. Но Слезинка снова была с ней: уж теперь-то Сьюзен не отдаст ее никаким колдунам и ведьмам!

Но если впереди тупик...

Еще мгновение — и страхи ее рассеялись: луч фонарика нащупал впереди свободное пространство.

— Слава Богу! — прохрипела Сьюзен, когда они выползли из прохода и без сил опустились на мягкий песок. Несколько минут они стояли на четвереньках, свесив головы и шумно, как загнанные псы, глотая холодный воздух. В узком проходе каждый звук отзывался гулким эхом, здесь же собственное дыхание доносилось до них как будто издалека. Похоже, они попали в пещеру... Ребята кое-как встали на ноги и огляделись.

Размером и формой эта пещера напоминала ту, где спали заколдованные рыцари, только здесь царил непроглядный мрак. На желтоватых стенах проступали разноцветные полосы — черные и коричневые, красные, синие и зеленые: жилы разных минералов, следы,

оставленные ветром и водой двадцать миллионов лет назад.

Колин прислушался: не бежит ли кто по коридору?

— Ничего не слышно,— сказал он,— но давай-ка двигаться дальше.

Уйти от преследования здесь было легче легкого. Кругом бесчисленные пещеры, соединенные между собой всевозможными шахтами, ходами и переходами. Попадались огромные подземные залы с высокими сводчатыми потолками, как в соборе. Луч фонарика не достигал до стен, и порой ребятам чудилось, будто они бредут по песчаному пляжу в душную беззвездную ночь. Рыхлый песок заглушал шаги, но тишина была гнетущей, тревожной, ноги увязали, и, проплутав минут десять в этом лабиринте, ребята устали и вспотели, как после целого часа быстрой ходьбы.

Из пещеры в пещеру вели бесконечные подземные коридоры. Они петляли, кружили, поворачивали, разветвлялись, поднимались и опускались и часто упирались в тупик. Выйдя из такого коридора, можно было вдруг очутиться на узком карнизе под самым потолком пещеры и потом спуститься вниз по едва заметным выступам в стене. Иногда и выступов не было. И повсюду зияли квадратные пасти колодцев и шахт. Одни просматривались насквозь, до нижних коридоров, другие уходили куда-то в бездонную мглу.

Здесь никак нельзя было поддаваться панике. Опасность подстерегала за каждым углом, приходилось то и дело останавливаться и осматриваться. Хуже всего были пещеры. По ним ребята старались продвигаться короткими перебежками, спеша нырнуть в ближайший проход и надеясь, что он не окажется обитаемым. В проходах и коридорах, по крайней мере, видишь, куда идешь: вот стены, вот потолок, луч фонарика разгоняет тьму. А в громадных пещерах они чувствовали себя маленькими и затерянными. Чахлый свет, казалось, лишь выдавал их тем неведомым тварям, что пялились из мрака и черных дыр. Кто-то выслеживал их в подземном лабиринте, и это ощущалось особенно остро, когда они выскакивали на открытое место и, задыхаясь, бежали по глубокому песку.

Долго ли они так блуждали и далеко ли зашли, они не знали. Время и пространство словно перестали существовать. В конце концов они поняли, что дальше идти не могут, и, забравшись в узкий тупичок с полузасыпанным входом, без сил растянулись на полу. Их мучила жажда, обоим не терпелось добраться до лимонада. Бутылка была в рюкзаке у Колина, и скоро во мраке послышалось бульканье, хлюпанье и причмокивание.

— Оставим немного на потом,— сказал Колин.

— Ладно, только я бы целое море выпила!

Они погасили фонари, чтобы зря не расходовать батарейки, и переговаривались шепотом.

— Главное,— сказал Колин,— это выбраться отсюда и чтобы нас не поймали. Что это за место, в общем-то, ясно: тот самый медный рудник. Тут непременно должен быть выход на поверхность, и не один! Только вот как их найти?

Оба задумались: задачка была не из легких.

— Есть же какой-то...— пробормотала Сьюзен.— Постой-ка... Ну да! Если мы в шахтах, значит, выход где-то над нами, верно? Ведь рудник-то был на вершине Кряжа?

— Ну, допустим.

— Тогда, если все время идти по тем проходам, что ведут наверх, то рано или поздно мы отсюда выйдем! Может, это и глупо, но все же лучше, чем бродить просто так, пока не наткнемся на Гримнира и Селину Плейс.

— Ладно бы только Гримнир да старуха... Видела, как песок разворочен? Он слишком мягкий, следов не видно, но похоже, не такие уж они заброшенные, эти шахты. Помнишь, Каделлин говорил: тут полно свартов.

Да, теперь она вспомнила. Легче от этого не стало, никакой другой план все равно не приходил в голову; осталось лишь собраться с духом и, включив фонари, шагнуть из укрытия в темноту.

Их ожидало разочарование. Из всех перепробованных коридоров ни один не вел все время наверх: за подъемом неизменно следовал спуск. Через час они совсем отчаялись и окончательно заблудились. И тут, кажется, дело пошло на лад.

Они ползли по гребню песчаной дюны, образовавшейся на широком карнизе под самыми сводами огромной, усеянной валунами пещеры. Песок под ними как будто колыхался, с шорохом осыпаясь во тьму. На

другом конце карниза их ждал очередной коридор, с твердым каменным полом, которому ребята обрадовались почти как вольному воздуху. И вообще, этот проход был шире, длинней и ровнее других.

— Кажется, нам наконец повезло,— прошептала Сьюзен, шедшая впереди.

— Кажется, да...

— Ой!

— Что там, тупик?

— Нет, но...

Колин поравнялся с ней и заглянул через плечо:

— Нда-а.

Путь преграждала шахта: такие широкие им еще не попадались. Через нее был перекинут мостик — узкая полусгнившая доска, едва достававшая до другого края.

— Придется возвращаться,— сказал Колин.

— Ну нет! Этот коридор куда-то ведет, а иначе и доски бы не было. Я пошла!

И Сьюзен ступила на мостик.

Колин не отрываясь глядел на сестру. Такой он ее еще не видел! Всегда она шла у него на поводу и не любила рискованных затей. Но вот уже в третий раз за сегодняшний день она сама идет навстречу опасности, да так хладнокровно, что к уязвленной гордости мальчика примешалось невольное восхищение.

Сьюзен прошла уже две трети пути, как вдруг доска под ней накренилась. Колина прошиб холодный пот, но Сьюзен только чуть помедлила, удерживая равновесие,— и вот она уже на той стороне.

— И вовсе не страшно! Посередке немножко вихляет, а так ничего. Только вниз не смотри.

— Ладно, без тебя знаю.

Колин шагнул вперед. Ничего страшного, доска прочная, вот уже и середина, теперь будет небольшой крен... И все же доска покачнулась неожиданно, он зашатался, взмахнул руками, пробежал еще шаг-другой, теряя опору, и понял, что сейчас сорвется в бездну. Тогда он прыгнул.

— ...Ушибся?

Колин с трудом приподнялся и сел, потирая голову:

— Нет... Спасибо тебе, Сью.

Его мутило. Всего какую-то секунду — а может, целую вечность — он висел на краю пропасти, одной ногой уже там, в шахте, не в силах подтянуться и выскочить. И тут Сьюзен ухватила его за волосы, рванула на себя, и он ничком повалился на пол.

— Может, передохнем?

— Да уж, не мешало бы — перед тем, как идти обратно.

— Что-о?

— Посмотри сам.

Колин посветил фонариком в глубь коридора и застонал. Дальше опять начинался спуск: проход полого шел под уклон.

— Вниз, вниз, все время вниз! — в отчаянии воскликнула Сьюзен.— Так мы и солнышка никогда не увидим!

— Попробуем пойти дальше,— предложил Колин.— Кто знает, может, там и есть выход.

(Все, что угодно, только не эта проклятая доска!)

Спуск становился все круче. Под ногами была ровная, твердая красноватая глина, и один раз Сьюзен, поскользнувшись, проехала далеко вперед. После этого они пошли медленней.

Вниз, вниз, все время вниз: так глубоко они еще не забирались. И вдруг проход резко повернул влево, запетлял и вывел их на крутой обрыв над пустотой и мраком. Колин лег на живот и посветил фонарем.

— Что ж... мы боролись до последнего.

Внизу было озеро. Шоколадного цвета, с островками желтоватой пены. В нескольких шагах от берега виднелась песчаная отмель, дальше — сплошная вода.

— Ладно, пошли назад! — вздохнул Колин.

Всю дорогу наверх он с ужасом думал про чертову деревяшку. И вот она снова перед ним.

— Ну как, справишься? — повернулась к нему Сьюзен.

— Ясное дело!

Стиснув зубы, Колин шагнул вперед. В ушах у него шумело, сердце колотилось, ноги подкашивались... еще миг, и все позади.

— Порядок! — Он приподнял фонарь, освещая дорогу Сьюзен.

— Ага... назад даже легче, тот край чуть выше этого.— Она дошла до середины и остановилась.— Интересно, тут глубоко?

— Не надо, Сью! Не смотри вниз, голова закружится! Иди скорей!

— Все нормально, я только погляжу, есть там дно или нет.

И она посветила фонариком в шахту.

Мокрые, ребристые каменные стены уходили в бездонную мглу. И еще... Сьюзен взвизгнула и выронила фонарь. Он полетел вниз и летел бесконечно долго, со звоном ударяясь о стены. Сьюзен пошатнулась и упала прямо на мостик, вцепившись в него обеими руками, так что доска заходила ходуном. Она стояла на четвереньках и, поскуливая от страха, вглядывалась в черный провал.

— Сью! Вставай сейчас же! Что с тобой? Сью!

— Глаза! Там глаза! Они на меня смотрят!

Конец доски угрожающе заерзал. Колин кое-как придержал его, но тянуть на себя не посмел: он боялся, что другой конец соскочит с опоры.

— Ползи ко мне, Сью! Не смотри вниз, просто ползи, тут всего-то несколько шагов!

— Не могу. Я упаду.

— Не упадешь! Смотри все время на меня. Ну давай же, Сью!

— Не могу. Я упаду.

Доска уже съехала пальца на два.

— Подними голову, Сью! *Подними голову!* Вот умница. Теперь смотри на меня и ползи вперед.

Сьюзен закусила губу и сдвинулась было с места, но доска под ней задрожала хуже прежнего.

— Я не могу! Честное слово, не могу.

— Ладно, не шевелись, я иду к тебе.

И, не колеблясь ни секунды, он зашагал по мостику к ней навстречу.

— Ну вот, давай руку. Встать можешь?

Он нагнулся к ней, стараясь не глядеть вниз. Она вцепилась в протянутую руку, а другой рукой обхватила его колени. Доска зашаталась, Сьюзен опять потеряла равновесие, и Колин с трудом удержал ее. Наконец ей удалось подняться на ноги и встать лицом к брату, ухватив его за плечи. Она вся дрожала.

— Теперь пошли. Нет, погоди, давай по команде. Ну-ка вместе: ра-аз, два...

Осторожно, медленно, шажок за шажком, Колин пятился над зияющей бездной.

Глава одиннадцатая ДЮРАТРОР, СЫН ГОНДЕМАРА

— Сама не знаю, что это было,— вздохнула Сьюзен.— Сперва-то я ничуть не боялась, меня будто что-то вело.

Они отдыхали, усевшись подальше от страшной шахты и прислонясь к стене коридора.

— Я почему-то была так уверена, что мы идем правильно! И когда снова начался спуск, мне даже плакать захотелось. А потом, когда вышли к озеру, я чуть не прыгнула в воду.

— Этого еще не хватало!

— Знаю, только мне ужасно хотелось. И по доске идти было проще простого. Я *точно знала*, что не упаду. Но как увидела там четыре пары глаз, у меня будто с головой что-то сделалось. И доска вдруг стала гнилая да узкая, и шахта вот-вот проглотит, а глаза эти только того и ждут.

— Ну откуда ты знаешь, что это были глаза? Может, просто битые стекляшки блестели или эти белые штуки, вроде грибов.

— Да нет же! Они моргали и двигались. Я сроду никого так не пугалась, даже Гримнира. А когда фонарь уронила, еще хуже перетрусилась. А теперь,— продолжала Сьюзен,— мне ничуть не страшно. Как доска закончилась, у меня все и прошло. Странно, да? Тут, я думаю, дело не в высоте: просто меня оттуда, снизу, кто-то *нарочно* пугал, чтоб я свалилась. Как по-твоему, это сварты?

— Кто их знает! По-моему, лучше здесь не задерживаться. Ты готова?

Они зашагали назад по коридору и вскоре наткнулись на отверстие в стене. Ступеньки, выбитые в камне, вели куда-то вниз.

— Ну что, спускаемся?

— Ага, все-таки что-то новенькое.

Но впереди оказалась уже знакомая пещера. Они стояли у подножья крутого утеса и, задрав головы, смотрели вверх, на засыпанный песком карниз.

— Знать бы раньше,— проворчал Колин,— что в тот коридор можно просто подняться по лесенке...

Они уже начали привыкать к подземелью. Нужно только все время двигаться, тогда не так тяжело и

страшно. Но с одним фонарем идти приходилось медленней. В пещерах Колин освещал путь и вел Сьюзен за руку, в проходах же он отдавал фонарь сестре и шел позади, почти на ощупь, в предательской полутьме. Все чаще они останавливались передохнуть, всякий раз выключая фонарик. Батарейка была не новая, ни спичек, ни свечей у них не было, а без света не будет и надежды на спасение.

Они все еще пытались найти дорогу наверх, но запутанные проходы то поднимались, то опускались, кружа и петляя, точно американские горки.

— Когда опять остановимся,— сказала Сьюзен,— давай перекусим.

— Ладно, только еду и питье нужно экономить. Мы и так почти весь лимонад сдуру выдули, а из этих луж не очень-то напьешься.

— Бр-р, еще бы!

— Как только найдем подходящий закоулок, сделаем привал и распределим запасы. Следим по одному бутерброду, а пить пока не будем.

— Ой, Колин, мне так жарко! В горле совсем пересохло, а во рту будто клеим намазано.

— У меня тоже. Но если мы хотим отсюда выбраться, надо терпеть.

Больше всего Колина беспокоил фонарь. Рано или поздно яркий белый луч пожелтеет, замигает и совсем угаснет. Сьюзен он ничего не говорил, но она и сама думала о том же.

— Ага,— прошептал Колин,— вот, кажется, то, что надо.

Местечко и впрямь было укромное. Узенький тупик, вход наполовину засыпан песком... Они не сразу поняли, что это то самое место, где они отдыхали в первый раз. Столько сил потрачено зря!

— А я-то думал, мы понемножку поднимаемся! — воскликнул Колин.— А мы знай себе кружим, как белки в колесе. Да пропади оно всё пропадом!

Они достали сверток с бутербродами.

— На вот, ешь,— сказал Колин,— добавки не будет.

— А может, мы и правда немножко поднялись,— предположила Сьюзен.— Почему ты знаешь, может, мы вообще у самой поверхности?

Колин только хмыкнул. Не нужны ему утешения!

Сьюзен поперхнулась в темноте и как-то странно охнула.

— Ты что, подавилась? Вот что значит жадничать! Теперь, конечно, пить запросишь, вечно ты...

Он зажег фонарь. Сьюзен не было.

— Сью!!!

Он торопливо обшарил весь тупик: никого.

— Сью!!!

Исчезла вместе с рюкзаком.

Колин вылез из укрытия и посветил вокруг фонариком. Никого. Он бросился бежать — наугад, вслепую. Пещеры, коридоры, камень и песок...

— Сью! Сью!

Он вдруг обессилел. Ноги увязли в песке, он споткнулся и упал.

— Сью!.. Нет, так ничего не выйдет. Ну-ка тише. Надо подумать. Свет не нужен, вот так... Найти Сью. А вдруг я найду выход? Нет, сначала найти Сью. Отдохнуть минутку... только одну минутку...

Силы понемногу возвращались к нему. Он приподнялся на локтях и включил фонарик.

Сварты! Их было двое. Они приближались ползком и попали прямо в луч света.

Колин вскочил на ноги, но бояться было нечего. Напасть в темноте, захватить врасплох, придушить и утащить — вот чего они хотели. Но яркий свет ослепил их, и они попятились назад, шипя и квакая от боли, закрывая руками свои глаза-блюдца и шаря по стене в поисках укрытия. Отпихивая друг дружку, они

нырнули в ближайший проход, и их безволосые белые спины пропали во мраке.

Все произошло так быстро — Колин и опомниться не успел. Но этим дело не кончилось! Из прохода послышался сдавленный вскрик, шорох бегущих ног, и в тот же миг оттуда вылетел сварт. Он отшатнулся от света и помчался в другой конец пещеры. Следом появился второй: он заметался, помедлил... что-то сверкнуло в воздухе, он взвизгнул и рухнул на песок. Из спины у него торчал широкий двуручный меч.

Колин так и застыл разинув рот: прямо у него на глазах убитый сварт как-то съежился, точно опавший лист, и рассыпался в прах — только облачко пыли осело на полу. Меч постоял секунду в пустоте и со стуком упал наземь.

— Хо! Добрый мой Дирнуин, не по вкусу им твое острие! Клянусь отцовской бородой, тут нам с тобой не поразмяться!

Голос был гулкий, басовитый, а следом в пещеру ворвался удивительный гном — точь-в-точь маленький викинг. Соломенные волосы ниже плеч, раздвоенная борода до пояса, крылатый шлем и короткая кольчуга из металлических пластин. А за спиной — плащ из белых орлиных перьев.

— Дракон подери! — взревел незнакомец, заслоняясь рукой от света.— Не затем я спустился в эту зловонную дыру, чтоб меня здесь ослепили!

— П-простите,— пробормотал Колин, отводя фонарь.

— Еще немного — и некого было бы прощать. Впрочем я тебя разыскал.— Он подобрал меч.— А теперь поспешим, не то мой родич без меня перебьет всех свартов.

— Но кто вы такой? И как вы меня нашли?

— Я — Дюраторр, сын Гондемара, наследник северных недр и друг лиос-альфаров. Идем же: сейчас не время болтать.

Он ловко засунул меч в ножны и шагнул в темный коридор.

— Погодите! — закричал Колин. — Мне сестру искать надо, ее, наверно, утащили сварты.

— За нее не тревожься, она в безопасности. Идешь ли ты наконец — или тебя понести?

Колин едва поспевал за гномом: тот бежал легко и размеренно, не сбавляя темп на подъемах, не увязая в песке. Хорошо, что пробежка длилась недолго: за каким-то поворотом Дюраторр перешел на шаг, и они оказались в небольшой пещере с единственным входом. Там, на куче камней, преспокойно поедая бутерброды, сидели Сьюзен и Фенодири.

— Сью! Ты где была? Я уж думал, никогда тебя не увижу!

— Ой, Колин, какое счастье, что ты нашелся! Если б не Дюраторр и Фенодири — прямо не знаю, что бы с нами было!

— Зато я знаю,— проворчал Фенодири.— В самую пору мы вас догнали.

— Догнали? — переспросил Колин.— Как это?

Сьюзен рассмеялась.

— Это *они* за нами гонялись, представляешь? А вовсе не Гримнир и не Селина Плейс!

— Что-о? Значит... Не может быть!

— Истинно так,— подтвердил Фенодири.— И уж вы заставили нас побегать! Но Сьюзен поведала мне о том, как вы отстояли Камень, и скажу вам, хоть Каделлин стар и мудр, а все же он ошибался, полагая, что нам не по пути. Вы проявили нынче немалое мужество, и я бы взял вас с собой и, если на то пошло, позволил бы вам идти до конца.

— Братец Бурдюк,— перебил его Дюраторр,— верно о тебе говорят: язык без костей, хоть отрежь, а он всё мелет. Беседа — вещь приятная, но дело еще не сделано, и грудь моя стосковалась по вольному воздуху.

— Ну конечно! — Фенодири вскочил на ноги.— Прости меня, Дюраторр. Идемте скорей наверх: путь недолог, и часу не пройдет, как мы будем в Хранилище. А там уж наговоримся всласть.

— Хорошо бы так,— отозвался Дюраторр.— Но ты еще не все знаешь. Когда мне повстречался сей Юный Пес, к нему подбирались сварты. И один из них — увы! — все еще жив. Похоже, нас ждет веселая прогулка.

— Живей! — вскричал Фенодири.— Нельзя терять ни минуты. За мной пойдет Сьюзен, за ней Колин, Дюраторр замыкающим. Не гляди так хмуро, Колин, он не хотел тебя обидеть. Таков смысл твоего имени

на нашем наречье, и это древнее и достославное имя. А теперь — в путь!

Уже на ходу Колин узнал у Сьюзен, что с ней произошло. Двое свартов набросились на нее сзади, чуть не задушив ее своими ручищами, и утащили в темноту. Она слышала удаляющиеся вопли Колина и совсем было отчаялась, как вдруг поблизости раздался громкий крик. Сварты бросили ее и пустились наутек. Кто-то перепрыгнул через нее и погнался за ними. Тут она сама подскочила от неожиданности, услышав рядом голос Фенодири, который спрашивал, как она себя чувствует. Где-то неподалеку взвизгнул сварт, за ним другой, потом в пещеру вернулся Дюраторр, и Фенодири их познакомил.

— Я одного не пойму,— сказала Сьюзен,— как они умудряются видеть в темноте?

— И как это орел умудряется летать, а рыба плавать? — оглянувшись через плечо, засмеялся Фенодири.

— Да, но как вы меня-то сразу нашли? — спросил Колин.— Просто повезло?

— Повезло! — расхохотался Дюраторр.— Да я только ухо к земле приложил и чуть не оглох от твоего крику. Просто чудо, что еще не все сварты к тебе сбегались.

— Ш-ш! — Фенодири поднял руку.— Теперь поосторожней.

Он тоже приложил ухо к земле и прислушался.

— Сварты движутся сюда, но они еще далеко.

Коридор вывел их на широкую галерею. Прямо перед ними возвышалась огромная скала в форме львиной головы. Потолка в этой пещере, кажется, вовсе не было: сюда выходило сразу несколько подземных этажей.

— Здесь собираются сварты на Большой Совет,— пояснил Фенодири.— Сюда нам с вами вход заказан.

Вдруг откуда-то издалека донеслись удары гонга. Прямо как в тот вечер, возле Чертовой Могилы, когда сварты загнали их в болото.

— Ха! — вскричал Дюраторр, и его чудесный меч запел в воздухе, описывая над головой сверкающую дугу.

— Только не сейчас,— остановил его Фенодири.— Это будет славная битва, но мы погибнем, и Камень пропадет. Мы должны уйти незамеченными.

Дюраторр скорчил презрительную гримасу и неохотно опустил меч.

— Клянусь короной Оргельмира,— прорычал он,— скверное ты принял решение. Ни один воин из рода Гондемара не отступил бы перед врагом — да еще перед этакой падалью! Как только доставим Камень в Хранилище, я вернусь и поквитаюсь с ними.

Бум-бум. Бум. Бум-бум. Бум. Бум-бум. Бум. Бум-бум. Бум.

— Быть может, рука твоя устанет еще до того, как мы выйдем на свет,— сказал Фенодири.— Слышишь? Свартов скликают на собрание. Надо спешить.

Он без труда вскарабкался на плечи каменного льва. Остальные полезли за ним. Оттуда они перебрались на стену и по едва заметным выступам поднялись на карниз, тянувшийся по краю верхней галереи, с которой видна была львиная макушка. По всем коридорам и переходам гудело эхо: все ближе слышался топот бегущих ног.

Фенодири свернул в боковой проход, ведущий наверх.

— Живей, живей! — торопил он.— Нужно хорошенько спрятаться, пока нас не заметили.

Проход вывел их на широкую площадку, откуда открывался вид на всю громадную пещеру. В задней стене была небольшая расщелина.

— Залезайте! — прошипел Фенодири.— И уберите свет.

Колин погасил фонарь. Сзади, стараясь протиснуться поглубже, напирали гномы. Сьюзен, прижатая к стенке, еле дышала.

Они спрятались вовремя! Еще миг — и на площадку высыпали сварты. Они катились мимо, словно шипящий, шлепающий прибой. Воздух наливался зловонием. Понемногу топот затих, доносилось лишь кваканье, шарканье, писк и визг: огромный зал заполнялся.

Вдруг, будто по команде, многоголосый гул умолк и воцарилась напряженная тишина. Большой Совет начался.

Глава двенадцатая СВАРТ-СОБРАНИЕ

— Не двигайтесь,— прошептал Фенодири.— Мы с Дюраторром сходим послушаем, что они замышляют.

И гномы исчезли без единого шороха.

В зале зазвучал чей-то резкий, дребезжащий голос. Он говорил на непонятном языке — отрывистом, гортанном и гнусавом. Оратор все больше взвинчивал и себя, и публику, откликавшуюся на его призывы сперва отдельными возгласами, а затем и дружным ревом.

Колин почувствовал, что его трогают за плечо.

— Пошли,— шепнул Фенодири.— Сейчас увидишь, что там творится. Только пригнись пониже.

Колин опустился на четвереньки и пополз. Вскоре он наткнулся на Дюратора: тот лежал на самом краю площадки и что-то бормотал себе в бороду. Потом к ним присоединилась Сьюзен. Шум в пещере не затихал ни на минуту.

— Они трусы,— пояснил Фенодири,— вот он их и доводит до иступления, чтоб не бежали от наших мечей. Он свое дело знает.

— Ха, я так и думал! А к свету их приучают драконьей кровью: вон он, хранитель чаши.

Истерические вопли сменились возбужденным гулом, и вдруг всё стихло.

— Спрячьте головы,— прошипел Фенодири.— Сейчас он снимет крышку!

Фонтан пламени взметнулся высоко над площадкой, высветив каменный свод.

— И-и — ах — хо-о! — взревели тысячи глоток.

Фонтан немного опал, превратившись в огненный столб футов двадцать высотой. От него исходило багровое сияние, того же оттенка, что угли на жаровне у Селины Плейс.

— Можете смотреть,— разрешил Фенодири.

Ребята подняли головы — и увиденное в тот миг запомнилось им навсегда.

Пол и стены пещеры были сплошь покрыты свартами: они кишели повсюду, гудя, точно пчелы в улье. Особенно много их было на двух нижних ярусах — хорошо, что Фенодири забрался так высоко. Единственным островком в этом бушующем море оставалась львиная голова да маленький пятачок перед нею. На макушке стояли двое свартов, черный и белый, оба ростом с человека.

— Это Клыкач и Змеюн, предводители сварт-альфаров. Змеюн хитер и коварен сверх всякой меры, но отдает приказы всегда Клыкач, и сердце у него чернее, чем шкура. А кровь огнедышащего дракона помогает им подготовить глаза к дневному свету. Вот уже они глядят на огонь не шурясь: ваши светильники им больше не страшны!

Пламя вырывалось из каменной чаши, в которой бурлила багровая жидкость. Чашу держал на редкость безобразный, сморщенный сварт, сидевший скрестив ноги на песке под самой львиной мордой. От старости

шкура его обвисла и сделалась пегой: не то бело-черной, не то черно-белой...

— Пора уходить,— сказал Фенодири.— Путь предстоит нелегкий. Ползи к проходу и, пока я не разрешу, не зажигай фонарь.

Алый отблеск огня остался позади. В зале все еще бесновались сварты.

— Сейчас свернем за угол,— шепнул Фенодири,— и можешь светить.

Он был мрачен и нещадно подгонял всю компанию. Зато Дюраторр заметно оживился и даже что-то напевал на бегу.

— Говорил я вам, что прогулка обещает быть веселой... Ха! Клянусь кровью Лодура, знатная будет потеха! Нас приказано выследить, не так ли? Устроить засаду возле мостика, а коли не выйдет, то у ворот. Поспешим же прямо к воротам, брат мой Куцый Нос, и устроим этим крысоедам такое побоище, о котором они сложат скорбные песни — если только будет кому их петь!

Фенодири вздохнул и покачал головой:

— Ты забываешь о долге, старый рубака. Огнехлад нам сейчас дороже славы, дороже самой жизни. Ради его сохранности придется стерпеть бесчестье и бежать от проклятых гоблинов. Путь к воротам для нас закрыт!

— Закрыт? А как же, скажи на милость, мы выберемся на волю? Другой дороги здесь нет!

— Есть, одна-единственная. И опасностей там еще побольше, чем у ворот. Только мечом тех препятствий не одолеешь. Но случись нам погибнуть на этом пути — Огнехлад будет надежно схоронен на долгие века, ибо туда не заглянет ни человек, ни сварт. Лишь я один в целом свете знаю дорогу.

— Но как же так? — воскликнула Сьюзен.— Ведь наверху полно выходов!

— Только не здесь,— отозвался Фенодири.— Мы в западной части рудника, отсюда есть лишь один выход. Но люди, вгрызаясь в земные недра, докопались до самых сокровенных глубин — до тайных, заброшенных копей моего народа: тех, что на много столетий древнее Хранилища. От них уцелели только верхние галереи, и даже гномы страшатся туда заходить. Последним там побывал мой отец; он посвятил в тайну и меня. До сих пор лишь в дурных снах я повторял его путь, но похоже, настал и мой черед.

— Перестань,— пробасил Дюраторр.— Не по вкусу мне все это!

Они двигались вперед, не отдыхая и почти не разговаривая: у ребят не было сил, Дюраторр был не в духе.

— Отсюда,— сообщил Фенодири,— уже недалеко до... а!

На стене замерцал красноватый отблеск. Источник света оставался за углом, но гномы сразу все поняли.

— Что будем делать, родич? — горячо зашептал Дюраторр.— Побежим прочь, как призраки, или задумем их нечистый огонь?

— Мы уже почти у цели: поздно возвращаться! — мрачно процедил Фенодири.

— Отлично! Тогда вот что: дети остаются здесь, ты спрячься вон в той нише, меч наголо и жди моего сигнала. Я встану за тем валуном. А ты, Дева Чудесного Камня, стой смирно и не страшись. Ни один сварт тебя не коснется — слово Дюраторра!

И он растаял в темноте.

Алый свет приближался, на стене появились тени — тонконогие, большеголовые и большерукие,— и вот из-за поворота показались сварты.

Их было десять: все белые, с приплюснутыми носами. В руках они держали факелы, зажженные от драконьего огня. На поясе у каждого висел грубо обтесанный каменный молот или топор с бороздкой посере-

дине, чтобы не соскакивало топорщице, сплетенное из прутьев и обмотанное для прочности ремнями из крысиной кожи.

Колин и Сьюзен невольно прижались друг к другу; фонарь задрожал у Колина в руке. Сварты замерли на мгновение, испустили дружный вздох — и медленно двинулись к ним.

Ребята знали, что Дюраторр совсем рядом, и все же им стоило большого труда не броситься бежать.

Сварты приближались: вот уже последний миновал Фенодири. В одной руке поднятый факел, другая готова вцепиться в жертву. Колин светил им прямо в глаза, но они лишь моргали да хищно скалились. Дети отступили на шаг, сварты ринулись вперед — и в тот же миг из своего укрытия выступил Дюраторр с мечом в руках. Он отвесил свартам учтивый поклон и обратился к ним на их собственном наречье.

— Привет вам, о пожиратели поганок. Вот так славная встреча!

Сварты отшатнулись назад, шипя от страха, точно гигантские ящерицы. Но те, что стояли позади, перепугались меньше остальных.

— Глядите! — завопили они.— Это он, тот, кого приказано убить! Человечьи отродья нам ни к чему, а за его голову правители обещали награду!

— Нет! Нет! — завизжал другой сварт.— Глядите, вон та самая девчонка, и Камень снова у нее!

— Камень! Камень! Камень!

— Колдуны одурачили нас!

— Или она его украла!

— Хватайте их! А Камень заберем себе!

Алчность понемногу взяла верх над трусостью, и глаза их загорелись желтым и зеленым огнем.

— Хо! — вскричал Дюраторр.— Выходит, и свартам знакома отвага? Воистину нынче день чудес. Сюда, удалцы! Пусть мой меч испытает вашу твердость!

— Мы идем! Мы идем!

И они всей оравой кинулись на гнома.

— Гондемар! — прогремел его клич, и, обеими руками занеся над головой Дирнуин, он одним ударом прикончил двух свартов. Они рухнули наземь и рассыпались в прах.— Гондемар!

Сталь чиркнула о камень, взметнулись искры, но свартов уже осталось шестеро. Четыре факела догорали на песке. Шестеро на одного: слишком мало, трофеей не стоит риска! И сварты обратились в бегство. Дюраторр облокотился на меч.

— Что-то, братец, они от Дирнуина нос воротят. Может, Вдовый Плач придется им по нутру?

Из засады вышел Фенодири. Сварты остолбенели.

— Прихвостень белого мага!

— Откуда он взялся?

— Это ловушка!

Один из свартов бросился было назад, к Дюраторру, но струсил и вернулся к своим товарищам. А тем приходилось туго: Фенодири молча, угрюмо рубил мечом направо и налево. Он не был прирожденным воином и не упивался битвой, как Дюраторр. Эти твари встали у него на пути: от них нужно было избавиться, только и всего.

Бой приближался к концу. Кольчуга Фенодири звенела под градом ударов, круглый шлем скатился под ноги, но вскоре все затихло. Гномы перевели дух. На полу между ними осталась груда факелов и каменных топоров.

— Однако Вдовый Плач недаром получил свое имя,— усмехнулся Дюраторр.— В этот раз ты обогнал меня на двух свартов, еще один — и будет поровну. Надо мне поднажать!

— Оставь это, братец. Нам бы поскорей добраться туда, где они нас не достанут.

Колин нагнулся и поднял каменный молот. Тяжелый, но держать удобно.

— Прихватим парочку? Вдруг пригодятся.

— Там, куда мы идем, эта тяжесть тебя погубит,— сказал Фенодири.— Да и на что нам всякая грязь!

— Дюраторр,— спросила Сьюзен, когда они снова тронулись в путь,— а куда деваются мертвые сварты?

— Обращаются в прах, госпожа моя,— в пыль и прах. Их плоть не выносит прикосновения стали: жаль, что не все пособники Настронда такие же хлипкие!

— Вот оно, первое испытание,— объявил Фенодири.— Пока ничего страшного, главное — не терять головы.

Они стояли под потолком глубокой пещеры: здесь коридор обрывался в пустоту. Следующий проход был на другой стороне; перебраться туда можно было лишь по узенькому, неровному и вдобавок покато му карнизу вдоль боковой стены.

— Там есть за что ухватиться,— сказал Фенодири.— Дайте-ка мне светильник, чтоб руки были свободны, я посвечу вам с той стороны.

Казалось, это и впрямь нетрудно. Фенодири скользил по стене бочком, точно краб, но быстро и уверенно. Несколько секунд — и он уже на той стороне.

— Теперь ты, Сьюзен. Если пальцы устанут — как раз на полдороге в стену вделан железный штырь. Можешь за него подержаться.

В самом деле, не так уж трудно. Жаль только, фонарь освещает то руки, то ноги, а не всё сразу. И кто бы подумал, что можно так обрадоваться какой-то железной палке! Сьюзен уцепилась за штырь — и словно выбралась на островок безопасности. Так не хотелось отпускать его... Она пошарила по стене, отыскивая следующий выступ, и начала уже переносить ногу, как вдруг что-то грохнулось о стену рядом с ее головой и брызнувшие осколки камня обожгли ей щеку. Секунду

или две, леденея от ужаса, она висела на одной руке, но луч фонарика не дрогнул и спокойный голос Фенодири помог ей прийти в себя.

— Руку направо, Сьюзен. Еще, еще... вот так. Теперь подтягивай ноги, еще чуть-чуть... хорошо... не спеши и ничего не бойся.

Колин видел, как в луче света промелькнул и врезался в стену каменный топор. И в тот же миг Дюраторр обнажил свой меч.

— Переходи как можно быстрее,— прошептал он в ухо Колину.— Меня не дожидайся, я этого троллениша сейчас проучу.

И он с оглушительным криком спрыгнул вниз, в пустоту. Белый плащ как-то странно раздулся у него за спиной.

— Ты готов? — окликнул Колина Фенодири.

Сьюзен уже стояла на той стороне.

— Я-то готов, но как же Дюраторр?

— О нем не тревожься, он нас догонит.

И правда, не успел Колин перебраться на другую сторону, как сзади послышался голос Дюраторра:

— Теперь тебе за мной не угнаться, братец. На моем счету еще трое. Они услышали снизу, что мы идем, и погасили огонь. Им не пришлось долго мучиться.

Он тяжело дышал — то ли от спешки, то ли от гнева: впервые в жизни его застали врасплох.

— Но как это у вас получается? — воскликнул Колин.— Ведь тут высоко, вы разве не расшиблись?

Дюраторр запрокинул голову и расхохотался:

— О да, я сильно пострадал!

Он протянул к свету правый кулак: на костяшке мизинца темнела ссадина.

— Полно тебе насмешничать,— улыбнулся Фенодири.— Они здесь новички, и многое им еще неизвестно.

Они отправились дальше. Теперь Фенодири шел не спеша; наконец он заговорил, тоже медленно и серьезно:

— Слушайте хорошенько. Мы уходим. Убей мы хоть тысячу свартов, здесь нас ожидает верная гибель, и волшебный Камень достанется врагу. Может быть, нам и так суждено погибнуть: недаром во мне поселился страх, какого я прежде не ведал. Но если вам вдруг почудится, будто я обезумел и действую безрассудно, доверьтесь мне и знайте: другого выхода нет.

Нам предстоит пройти через верхние галереи Древних Копей в другую часть рудника, где есть выход наружу. Проходы там узкие, тесные, и с тех пор, как их прорыли, земля не раз еще ворочалась во сне. Дорога, что ведома мне со слов отца, может оказаться разрушенной, и тогда мы погибли. Но это наша единственная надежда, и, стало быть, нужно идти. А вон и порог: переступив его, мы сделаем привал.

Коридор привел их в очередную пещеру. Слева от них и напротив были обычные каменные стены, слоистые и шершавые. Но правая стена была почему-то гладко отшлифована и вонзалась вертикально в пол, точно серая лопата. Только на месте пола зияла еще одна шахта, вроде кратера с наклонными стенками и отверстием на глубине двадцати футов, уводившим куда-то вбок. Вот на этот провал и указывал Фенодири.

Глава тринадцатая

КУДА НЕ ЗАГЛЯДЫВАЮТ СВАРТЫ

Дюраторр что-то пробормотал и, подобрав с полу тяжелый камень, кинул его в шахту. Камень соскользнул по гладкой стене и скрылся в отверстии. Он еще долго громыхал по наклонному проходу, потом наступила тишина. Один Фенодири все еще прислушивался,

и не зря: через несколько секунд до них донесся последний глухой удар.

— Мы что, *туда полезем?* — прошептала Сьюзен.

— Да, и немедленно, пока мужество нам не изменило. Послушай, братец, а не поможет ли тут Вальхам?

— Увы! На чужих плечах он теряет силу. Я бы сам вас перенес, но Вальхам ведь рассчитан на эльфа, он и меня-то поднимает с трудом.

— Я так и думал. Тогда постой покуда на страже, чтобы сварты не скатили нам вслед парочку валунов.

— Можешь на меня положиться.

— Ну что ж, пора. Колин, Сьюзен — шаг в шаг за мной, и не спешить. Все будет в порядке.

Фенодири начал спускаться, растопырив ноги и вжавшись спиной в угол между покатыми стенками кратера. Вниз, грохоча, покатались камешки, но только самые крупные с еле слышным стуком падали на дно.

— Спускайтесь оба, здесь места хватит! — Фенодири был уже возле отверстия. — Сначала Колин!

Колин сполз по наклонной стенке и остановился в шаге от Фенодири.

— Хорошо, — сказал гном. — Сьюзен!

— Что?

— Остановись на таком же расстоянии от Колина, как он от меня. Незачем нам тесниться.

— Ладно.

На голову и плечи Колина градом посыпались камешки. Деваться было некуда; но вот и Сьюзен уже внизу.

— Загвоздка вот в чем, — сообщил Фенодири, когда грохот утих. — Эта шахта изогнута, как колено, а мы — в самом сгибе. И спускаться нужно по дальней стене. Склон довольно крутой, но футах в пяти под нами я вижу выступ. Если прыгнуть вперед и ухватиться за него руками — считайте, что дело сделано.

— Особенно если промахнуться! — вставила Сьюзен.

— У страха глаза велики. И чем дольше тянешь, тем страшнее.

И Фенодири прыгнул. Он вцепился пальцами в каменный карниз, распластался на круто скошенной стене и долго лежал неподвижно. Ребята подумали было, что он без сознания, но скоро сами убедились, что от такого падения можно оказаться в беспамятстве.

— Выступ вполне надежный,— прохрипел наконец Фенодири, подняв голову и через силу улыбаясь. Он отодвинулся в угол и покрепче уперся спиной и ногами.— Бросайте мне светильник.

— А вдруг вы не поймаете? — испугался Колин.

— Поймаю.

Колин выпустил фонарь, и гном подхватил его обеими руками.

— Теперь прыгай: ты не промахнешься!

«А если промахнусь?» — подумал Колин. «Надежный выступ» словно взмыл ему навстречу, внизу промелькнула бездонная мгла — и сильнейший удар о камень чуть не вышиб из него дух. Искры посыпались из глаз, в грудь никак не набирался воздух, но ладонь Фенодири легла ему на поясницу, и он понял, что крепко держится за карниз — так, что даже пальцы онемели. Следующей была Сьюзен...

Всем троиц нужно было отдышаться. Колин устроился возле Фенодири, а Сьюзен вскарабкалась на карниз и жалела только, что нельзя освободить руку и растереть ноющие ребра. От сотрясения у нее все кости как будто расшатались.

— Больше поворотов пока не видно,— сказал Фенодири.— Но это не значит, что спуск безопасен.

Проход сужался книзу, как воронка, и следующие тридцать футов дались им довольно легко. Фенодири освещал дорогу, чтобы руки у ребят были свободны, но

сначала они никак не могли приспособиться. Когда луч фонарика падал сверху, собственные тени заслоняли им путь и приходилось шарить по стене вслепую. Когда же фонарь был снизу, он светил им прямо в глаза, но зато Фенодири шел первым и помогал им нащупать ногами нужные выступы. Так и двигались.

Вскоре они достигли горлышка воронки. Здесь шахта плавно расширялась, как четырехгранная бутылка, и спускаться нужно было по совершенно ровной поверхности.

— Только не туда! — ужаснулся Колин. — Там же гладко, как на льду!

— Люди всегда были слепы, — вздохнул Фенодири. — Там есть и трещины, и выступы. Неужто вы их не различаете?

Дети заглянули в шахту и дружно замотали головами.

— Ну, так придется вам поверить мне на слово. Но сперва передохнем: дальше будет негде. — Он запрокинул голову и позвал:

— Эгей, братец! Как там у тебя — все ли тихо?

— О да, только холод здесь невообразимый! Один плащ меня и спасает. Сварты приближаются, но чересчур медленно: боюсь, мы с ними разминемся.

— Готовы? — повернулся Фенодири к ребятам.

— Лучше не тянуть, — пробормотала Сьюзен.

— Верно. Колин, ты хорошо закрепился: пойдешь после Сьюзен. Но сначала я разведая дорогу.

Фенодири соскользнул в шахту и повис на руках, нащупывая ногами опору. Найдя ее, он провел ладонью вниз по стене, ища, за что ухватиться... Спуск начался. Стена и впрямь оказалась не такой уж гладкой, просто многие трещины и углубления были забиты песком.

Через несколько минут — а может, и часов — из черной пустоты послышался шорох, и Колин включил фонарь. Над краем провала показалось серое от усталости лицо Фенодири.

— Все... в порядке... почти... Нам... надо спешить.

Колин протянул ему фонарик, и Фенодири, спустившись немного ниже, помог Сьюзен нащупать первую опору. Скоро все стихло, и Колин остался один.

Сьюзен и Фенодири двигались быстро: опоры были ненадежные, цепляться можно лишь кончиками пальцев и носками башмаков и останавливаться опасно. Но и слишком разгоняться нельзя, иначе не сумеешь вовремя затормозить. Несколько раз Сьюзен чуть было не сорвалась, и только с помощью Фенодири ей удалось замедлить спуск.

Колину оставалось лишь ерзать на месте, чтоб не затекали ноги, да глазеть сверху на фигурку сестры в зыбком прямоугольнике света. Зрение проделывало с ним странные фокусы. Самой шахты он не видел, но этот силуэт, плывущий в непроглядной тьме, казалось, не удалялся, а лишь уменьшался в размерах, становясь только ярче и четче, словно портрет на камее. Колин уставился на него как зачарованный, позабыв про холод и неудобную позу.

Светящийся прямоугольник сжался уже до размеров спичечного коробка, и Колину стало любопытно, есть ли вообще у этой шахты конец, как вдруг фонарь погас и снизу донесся голос Фенодири. Слов было не разобрать, мешало гулкое эхо, но мальчик догадался, что Сьюзен уже внизу и гном возвращается за ним.

— Уф! — пропыхтел Фенодири, снова включая свет.— Что-то мне эта шахта... порядком... наскучила. Дюраторр!

— Ау!

— Когда мы все... спустимся... я тебя позову! Как там... сварты?

— Эти прошли мимо. Сюда идут ещё.

Сьюзен отдыхала на широком уступе у подножья скалы. Здесь шахта снова изгибалась наподобие водосточной трубы, и Фенодири сказал, что до дна уже недалеко.

Она пошевелила онемевшими, скрюченными пальцами на руках и ногах. Сначала было не так уж трудно, стоило лишь успокоиться и взять нужный темп, но последние пятьдесят футов спуск шел по отвесной стене, пальцы не выдерживали, и Фенодири трижды спас ее от падения.

Наверху снова зазвучал голос Фенодири. Сьюзен подняла голову: так и есть, Колин лежит животом на остром краю, где наклонная часть стены граничит с отвесной. У него теперь тоже синяки останутся. А уж как Фенодири спускается в третий раз, да еще с фонарем в руке — вообще непонятно! Вот он ставит ногу Колина к себе на плечо и помогает ему нащарить следующий выступ...

— Держись, Колин, осталось каких-то двадцать футов! Левую руку передвинь к правому колену. Так, другую тоже. Ухватился? Повисай на руках. Теперь закрепляй левую ногу. Правую руку отпускай...

Еще минута — и Колин стоял внизу.

— Мы пока не добрались до дна,— напомнил гном.— Ступайте за мной.

Они прошли вдоль каменного карниза, который спускался под уклон и заканчивался крутым и гладким скатом, напоминавшим ледяную горку. Держаться там было не за что.

— Что же нам делать? — растерялась Сьюзен.

— Съезжать! — пояснил Фенодири.— Не пугайтесь, тут невысоко, и на дне песок.

И он первый уселся на горку и оттолкнулся руками. Раздался шорох, потом тишина и глухой удар.

— Всё... в порядке! — крикнул Фенодири и посветил снизу фонариком.

— Ладно,— сказала Сьюзен,— только я... ой!

Скат оказался таким скользким, что она опрокинулась на спину, закрутилась, прижав коленки к животу, и в таком беспомощном виде тяжело плюхнулась к ногам Фенодири. У Колина получилось ничуть не лучше, но это было слабое утешение. Гном не солгал: внизу был песок, только мокрый — а значит, и твердый.

Пока ребята лежали и охали, Фенодири приставил ладони ко рту и громко позвал:

— Дю-ра-трор!

В ответ раздался знакомый голос, искаженный эхом.

— Здесь мы отдохнем,— объявил Фенодири,— но недолго, ибо Древние Копи должны быть пройдены до захода солнца — если мы не хотим задержаться там до утра.

— Ну нет,— пробасил Дюраторр,— тогда уж лучше не отдыхать!

Он стоял на вершине «горки» и смотрел на них сверху вниз.

— Но вы же...

— Но как это вы...

— Я просто упал,— рассмеялся Дюраторр,— вот так!

И он прыгнул вниз, к ребятам и Фенодири. Белый плащ взметнулся у него за плечами, и вот он уже стоит на песке — ни дать ни взять с крылечка соскочил.

Со дна шахты можно было пройти в низенький полузатопленный грот с песчаным островком посередине. Там они и расположились: немного подмокшие, зато без риска получить от свартов камнем по голове.

Колин и Сьюзен разделили оставшиеся припасы на четверых. И за едой гномы наконец рассказали им

свою историю: как они оказались в подземелье и как подросли на выручку к Сьюзен.

А дело было так. Дюраторр и Фенодири проходили мимо Башни, когда на площадку опустился Ветерок и доложил, что Гримнир покинул Черное озеро и отправился к Селине Плейс. Гномы подумали: где Гримнир, там Огнехлад, и другого случая не будет. Каделлин в это время бродил по холмам неподалеку от крепости Рагнарок, надеясь разведать, дошло ли уже до врага известие о Камне... Словом, гномы решили идти на приступ вдвоем. Фенодири вооружился, и они поспешили к дому над обрывом.

Ветерок поджидал их в соседнем саду: так было условлено. От него-то они и узнали, что в доме дети. В нижней комнате, сказал он, творится какое-то темное дело; собаки спущены, Гримнир с Морриганой наверху.

— Спрячься поблизости от входа,— сказал Дюраторр.— Сокол покажет мне дорогу, и мы с Дирнуином потревожим этих лиходеев. Как только услышишь, что им уже не до Камня, ступай в нижнюю комнату, разыщи Огнехлад — ибо он должен быть там! — и скорее в Хранилище; сам я, коли смогу, поспешу туда же.

Ветерок и Дюраторр взлетели к окнам верхнего этажа. Да-да! Ребята уже и сами догадались: белый плащ из орлиных перьев обладал чудесной силой. То было изделие древних мастеров — и дар великой дружбы.

Фенодири выждал, сколько нужно, и побежал к дому. Как ни странно, входная дверь была открыта. В комнате с занавешенными окнами оказалось пусто, и он сунулся было в кухню, как вдруг оттуда выскочил разгоряченный Дюраторр. Вся его физиономия сияла дикой радостью. Подхватив Фенодири, он втолкнул его в гардеробную, ввалился туда же сам и захлопнул

дверь. В тот же миг из кухни, спотыкаясь, выбежал Гримнир, а за ним — Селина Плейс. Они бросились в зашторенную комнату: пусто!

— Это гном забрал его! — взвизгнула Морригана, и оба ринулись в туман.

— Разве Камень у тебя? — прошептал Фенодири.

— Нет, но он в хороших руках.

Они вышли из гардеробной. Туман рассеялся; не-
вдалеке раздавался надрывный собачий лай.

— Я не смог прикончить лиходеев: их колдовство сильнее моего меча. Но все же,— Дюраторр усмехнулся,— мы с Дирнуином изрядно их потрепали. Я направлялся к тебе, но по дороге заметил кое-что интересное. Там есть чулан или кладовая, в которую рвался пес Морриганы. Дверь захлопнулась у него перед носом, а закрыла ее, братец, маленькая белая ручка, на которой сверкал Огнехлад! Я зарубил собаку; остальное ты видел сам.

Фенодири бросился в кухню.

— Выходите, дети! Сьюзен! Колин! О вашем подвиге будут...

Он дернул дверь и растерянно уставился в темную шахту, со дна которой быстро поднимался деревянный квадрат.

— И мы уж было совсем отчаялись,— закончил Дюраторр,— когда счастливый случай привел нас к вам на подмогу.

— Если б мы только знали! — воскликнула Сьюзен.

— Если бы да кабы,— вздохнул Фенодири,— мы бы давно уже были в Хранилище.

Потом ребята рассказали о своих приключениях. Когда они дошли до шахты с переброшенной доской, гномы изумленно переглянулись.

— Клянусь шерстью Лунного пса! — взревел Дюраторр.— И вы что же, повернули назад?

— Мы сначала пошли дальше,— объяснил Колин,— но там оказалось озеро.

Дюраторр схватился за голову и застонал.

— Жаль, что вы не знали,— снова вздохнул Фенодири,— там воды по колено, а дальше прямой путь к воротам: и полумили не будет!

Больше говорить было не о чем. Ребята сидели съевшись, и в головы им приходили одинаково невеселые мысли. Занесло же их к черту на кулички, в какую-то шахту! Они отвоевали волшебный Камень, но ничего хорошего из этого не вышло, а главные неприятности еще впереди, и чем все кончится, даже подумать страшно...

— Пора идти,— сказал Фенодири.

Ребята включили фонарь, огляделись по сторонам и с запоздалым ужасом поняли, что из этой пещеры *нет* никакого выхода. То есть отсюда вели два подземных коридора, но в обоих под самым потолком плескалась зеленоватая вода.

— Фенодири! Как мы отсюда выберемся?

— В самом деле, братец, я что-то не вижу никакого способа...

Фенодири кивнул на один из проходов: тот, что поуже.

— Разве я не говорил, что путь предстоит нелегкий? Колин, обертка от вашей еды не промокает?

— Кажется, нет. Но, Фено...

— Тогда заверни в нее фонарь. И ложись на меня.

— А можно и мне такую обертку, чтобы укрыть мой плащ Вальхам? — спросил Дюраторр у Сьюзен.

Он расстегнул пряжку, потуже скатал свой крылатый плащ и засунул его в пакет из-под бутербродов. Сьюзен уложила пакет в рюкзак, который сразу сделался невесомым.

— Гасите свет,— сказал Фенодири.— И — смелей!

Глава четырнадцатая

ДРЕВНИЕ КОПИ

От ледяной воды у всех перехватило дыхание. Даже Дюраторр, закаленный воин, не удержался и вскрикнул.

Дно быстро уходило из-под ног: скоро пришлось пуститься вплавь, а потом Фенодири остановился и велел им ждать. Сам он набрал полную грудь воздуха и исчез, подняв настоящую бурю.

— Куда это он? — спросила Сьюзен.

— Не знаю,— пробулькал Дюраторр,— только вода там доходит до потолка.

Фенодири вынырнул минуты через две, и прошло еще некоторое время, прежде чем он отдышался и заговорил:

— Придется немного проплыть под водой, а дальше уже можно дышать. Но потолок там низкий, и еще долго надо будет плыть на спине.

И он опять нырнул, всколыхнув стоячую воду.

— Я, пожалуй, подожду минутку,— сказала Сьюзен, стараясь не показать, как ей страшно. Пусть Колин с Дюраторром думают, что зубы у нее стучат от холода.— Ну вот, кажется, пора.

— Ей дано великое мужество,— сказал Дюраторр.— Она лучше нас всех скрывает свой страх.

— А вы тоже боитесь? — удивился Колин.

— Смертельно. Я вступил бы в неравный бой с кем угодно, вооруженный лишь мечом и смекалкой, но не в этом подлинная отвага. Преодолеть страх — вот истинное мужество, и в битве я не ведаю страха. Но *этот* враг не обладает ни злобой, ни коварством, ни даже плотью: его нельзя уничтожить или перехитрить. Ему все равно, победим мы или погибнем; одним своим существованием он бросает нам вызов, принуждая

сражаться против самих себя. И вот мне страшно, и мужество меня покидает.

— Правда? — спросил Колин, уже не чувствуя себя таким одиноким.— Ну... мне, наверное, пора.

— Удачи тебе! — отозвался Дюраторр.

Колин старался проплыть как можно дальше, не выдыхая, но холод сдавливал грудь и долго продержаться не удалось. Он всплыл, надеясь глотнуть воздуха, но уперся затылком в потолок. Сердце бешено заколотилось, голова, казалось, вот-вот лопнет, и он из последних сил рванулся вперед. А ну, еще разок... То же самое! Что случилось? Где воздух? Фенодири сказал... ах, да! Лечь на спину, скорей! Рюкзак оттянул плечи, он чуть не перевернулся вниз головой. Побарахтавшись, он ощутил губами поверхность воды и выпустил наконец из легких разрывавший их воздух. И тут же, нахлебавшись, погрузился на дно. Он яростно оттолкнулся ногами, треснулся об потолок и, окончательно придя в себя, закачался на спине, глотая воздух пополам с водой.

Потолок и вправду был низкий: чтобы дышать ртом, приходилось расплющивать нос о каменный свод. Так что передвигаться было еще и больно. Но, одолев расстояние в двадцать шагов, Колин с облегчением обнаружил, что просвет между камнем и водой увеличивается. Скоро он смог перевернуться и поплыл на животе, а потом и зашагал по дну. Но где же остальные?

— Эге-гей! Сюю!

— Я здесь!

Под ногами зачавкала грязь — и вот уже рука Фенодири обхватила его за плечи.

— Ох... дайте сесть!

Вскоре к ним присоединился Дюраторр: он едва дышал.

— Брат мой Куцый Нос,— простонал он,— не раз я бывал на волосок от гибели, но никогда еще смерть не

подступала так близко и не казалась мне столь ужасной!

Колин развернул и включил фонарь — к счастью, он не пострадал, — и ребята огляделись. Они лежали вповалку на отмели из красной глины, мягкой и очень липкой. Впереди был проход, но не сводчатый, как в западной части рудника, а прямоугольный и всего по пояс высотой. Зато какие краски! Стены из темно-алого сланца, потолок ярко-зеленый, цвета медной руды. Даже жалко, что этой красоты никто никогда не увидит.

Идти было тяжело. Гномам еще ничего, а у Колина и Сьюзен очень скоро заболели спины. Да еще эта глина под ногами! Проходы петляли, поворачивали и каждую минуту разветвлялись. Пещеры попадались редко и небольшие: с обычную комнату. Повсюду хлюпала вода, все шахты на их пути оказались затоплены, и через них нужно было перебираться вплавь.

Так они прошли примерно полмили. Коридоры становились все ниже и тесней: теперь даже гномам приходилось двигаться ползком. Все чаще встречались завалы, на первый взгляд совершенно непреодолимые. Ребята только диву давались, как это им удавалось протискиваться сквозь щели, в которые не пробрался бы и котенок. Оказывается, где проходит голова и хотя бы одна рука, в конце концов пролезет и остальное.

Кое-где каменные стены были словно прикрыты цветной блестящей тканью. Это вездесущая вода, размывая медную жилу, украсила камень разводами нежнейших оттенков: от бледно-бирюзового до иссиня-зеленого.

Все тесней, все извилистей делались проходы. Сьюзен особенно невзлюбила повороты зигзагом: хочешь не хочешь, изгибайся как червяк! Ей вспомнилась картинка из книжки: Алиса в доме у Белого Кролика. Одна рука торчит из окна, нога застряла в камине...

— Только потолок здесь еще ниже! — ворчала она.

Наконец Фенодири завел их в маленькую круглую пещерку. Там можно было даже стоять, хоть и сгорбившись, и они встали в кружок, плечом к плечу, точно дольки апельсина. Все-таки это был отдых.

— Мы одолели большую часть пути,— объявил Фенодири,— но главные опасности впереди. Под ногами у Дюратрора начинается проход, который выведет нас на волю.

— Что-о? — не выдержала Сьюзен.— Да это же просто... кроличья нора!

— Будь это даже игольное ушко, сквозь него придется пройти. Но не отчаивайтесь, не мы первые вступаем на этот путь — хотя, вероятно, мы последние. Мой отец прошел Древние Копи целых семь раз, а он был весьма внушительный гном.

Теперь нужно приготовиться. Запоминайте все, что я вам скажу: дальше

до самого конца разговаривать будет нельзя — и ошибаться тоже.

...Колин и Сьюзен послушно сняли рюкзаки — в такой тесноте это было нелегко — и прикрепили их за одну лямку к лодыжке. Плащ Дюраторра лежал в рюкзаке у Сьюзен, бутылку из-под лимонада Колин выбросил и по совету Фенодири убрал в рюкзак свой фонарь: руки, сказал гном, понадобятся ему куда больше глаз.

Он и Дюраторра убедил снять с перевязи меч.

— Толкай его перед собою: тогда ни Дирнуин, ни сын Гондемара не пропадут.

И он отстегнул свой собственный меч и просунул его в дыру.

Дюраторр стоял один посреди векового безмолвия. Он поднял брошенную Колином бутылку и аккуратно водрузил ее в центре пещеры. Криво усмехнувшись, он шагнул к отверстию. Еще миг — и в пещере остался лишь этот памятник отчаянному упорству.

Даже просто втиснуться в эту нору было нечеловечески трудно. Вход был волнообразный: вниз и сразу же вверх, и этот неудобный изгиб нужно было повторить всем телом. Проход, и без того тесный, был чуть не доверху забит песком — ни вздохнуть, ни пошевелиться. Ребята лежали ничком, повернув головы набок. Продвигаться можно было, только цепляясь пальцами рук и отталкиваясь пальцами ног. Коленки не сгибались, а стоило упереться локтями — и руки застревали, беспомощно прижатые к земле.

Узкий лаз нигде не разветвлялся, тела затыкали его как пробки, и только передний мог более-менее свободно дышать. Ребятам было невыносимо жарко, в рот

и в нос, в уши и под одежду набивался шершавый, колкий песок.

Колин все чаще делал передышки. Подумать только! На сотни футов вверх, на много миль вниз — одна сплошная каменная толща. И сам он посередке, втиснутый в узенькую щель.

— Прямо живое ископаемое! А вдруг я тут застряну? То-то археологи рты поразевают!

Фенодири тем временем решал задачку потрудней. Он дополз до поворота: здесь проход резко уходил вниз и назад, под острым углом, как шпилька. Гном безуспешно пытался протолкнуть вперед себя меч. Вдовий Плач не желал сгибаться, к тому же силы Фенодири были на исходе. Меч наконец отправился вниз, но его владельцу пришлось сначала передохнуть.

Сюзен ощупью добралась до поворота и застыла в недоумении. Невероятно! Но где же тогда Фенодири? Может, на деле это легче, чем с виду? Сегодня так уже бывало. Да и деваться все равно некуда. Она прижала подбородок к груди и, постепенно складываясь пополам, перекувырнулась и съехала вниз. Не очень-то приятно скрести каблуками по потолку, но вот уже все позади.

Колин был на какой-то дюйм выше сестры, и это его чуть не погубило. Ноги его застряли под потолком, голова и плечи были уже за поворотом, в икры впиался острый камень — он даже взвыл от боли — и ни взад, ни вперед!

Дюраторр сразу все понял.

— Ты меня слышишь?! — рявкнул он, обращаясь к Колиновым лодыжкам.

— Да-а,— еле слышно донеслось снизу.

— Попробуй — повернуться — на бок! А потом — на живот! Я — подтолкну — твои — ноги! Ты — готов?

— Да!

Ноги судорожно задергались, и в них чуть не запутался меч Дюратрора: хорошо хоть, он был в ножнах. Колин изо всех сил старался перевернуться. Это было совершенно невозможно, но отчаяние придало ему гибкости. Когда же он оказался на животе, колени его согнулись, повторяя изгиб коридора, и гному ничего не стоило пропихнуть его вперед. Зато теперь Колину было лучше всех: остальным приходилось ползти на спине.

Фенодири рывками продвигался вперед: осталось совсем немного, они уже миновали последнее препятствие, о котором предупреждал отец... Меч он по-прежнему толкал перед собой и пришел в неописуемый ужас, когда впереди послышался плеск. Он пошарил руками за головой: так и есть! Крутой спуск, проход затоплен до потолка. При отце такого не было — видно, много воды утекло с тех пор.

Но долго ли придется ползти под водой? Минуту? Вечность? И хватит ли воздуха в груди? Он и так уже задыхается от страха! Отступать все равно некуда, и быстрая смерть лучше медленной, но сколько же нужно мужества, чтобы вот так с головой нырнуть в неизвестность...

Сьюзен, Колин и Дюратрор — все по очереди пережили этот страшный момент выбора, когда, в сущности, выбора нет. Но стоило наконец решиться и ринуться навстречу опасности, как все уже было позади. Вода скопилась в небольшом углублении, через пару секунд снова можно было дышать. Вынырнув, они плакали или смеялись, только смех все равно походил на плач.

Скоро проход начал расширяться: как удобно, оказывается, ползти на четвереньках! Ребята волокли за собой намокшие рюкзаки и громко, возбужденно рассказывали друг другу, как тяжело им пришлось.

— В конце концов,— заключил Фенодири,— Древние Копи обошлись с нами не так уж скверно: я ожидал худшего. Дальше нам ничего не грозит, если только будем начеку.

Теперь надо было спешить. Через час наверху стемнеет, а им вовсе не улыбалось провести ночь в мокрой одежде на куче глины.

Сьюзен взглянула через плечо Фенодири: впереди виднелось какое-то серое пятно. Она выключила фонарь.

— Эй, Сью! Что за шутки?

— Смотри, там свет!

Это и впрямь был дневной свет. Они дошли до конца прохода и очутились на дне глубокой шахты. Мокрые, поблескивающие стены уходили отвесно вверх, и там, далеко-далеко, голубел квадратик неба.

— Мы ведь туда не полезем? — забеспокоился Колин.

— Ну нет! — рассмеялся Фенодири.— *Этого* я от вас пока не требую. Есть способ и попроще.

Он разворошил ногами кучу мусора на полу.

— Где-то здесь... ага, нашел!

Под грудой слежавшихся, полусгнивших веток оказалась круглая дыра.

— Вот он, выход из Древних Копей, больше уж нам сюда не попасть.

Это было как бы продолжение шахты, только вдвое уже и не отвесное, а наклонное. Стенки из твердой глины: гладкие, без трещин.

— Не спуск, а одно удовольствие,— заявил Фенодири, усевшись на край и лукаво поглядывая на Сьюзен. Потом он оттолкнулся и исчез. Далеко внизу послышался громкий всплеск и его жизнерадостный голос.

Сьюзен осторожно спустила ноги в дыру, но край обломился у нее под рукой, и она пулей понеслась во мрак. Глина была скользкая, спуск стремительный, а

внизу — жидкая грязь, в которую она и приземлилась, увязнув по пояс.

— Ох!

— Пошарь рукой слева,— сказал Фенодири.— Там есть каменный выступ. Ухватись за него и подтягивайся, вот так. Теперь в проход: скоро мы будем на месте.

В проходе было по грудь воды, ноги вязли в липкой глине, зато они шли во весь рост и совсем недолго. В конце оказалась еще одна шахта. Она состояла из нескольких ярусов, и взбираться было легко, словно по гигантской лестнице, только на самом верху крутой подъем, да и то с выступами. Дальше — короткий коридор и круглая пещера, здесь уже было совсем светло. Они вскарабкались по приставленному к стенке бревну и оказались на дне ущелья. Над головой было небо, в легкие хлынул свежий, сухой, холодный воздух.

Выбраться из ущелья было минутным делом. Обгоняя друг друга, дети и гномы ринулись вверх по неровной стене: прочь из каменного плена, из постылой мертвой тишины, к жизни, к свету и простору! И вот уже ветер касается щек, и зеленая трава под ногами.

Глава пятнадцатая ПЕСНЯ РЕЧНОГО КАРЛА

Невдалеке от ущелья вилась дорога — та самая, что в старину проложили эльфы. И только ступив на нее, гномы наконец успокоились. Теперь, сказал Дюраторр, они скрыты от вражьих глаз.

Вид у всех четверых был на редкость живописный. Сплошь облепленные красной глиной, в желтых полосах приставшего песка, с алыми разводами — точь-в-точь индейцы в боевой раскраске. Но не все ли равно! Они шагали, взявшись за руки, предвкушая отдых в Хранилище, который казался тем слаще, чем сильнее

ныли измученные тела. После мертвых каменных пещер эта тихая прелесть меркнувшего дня, этот запах смолистых сосен — все было как в сказке.

— Я как будто сплю,— вздохнула Сьюзен,— и вижу чудный сон, и даже музыку слышу...

— Я тоже слышу,— встрепнулся Колин.— Похоже на арфу. Что бы это значило?

— Это и есть арфа,— улыбнулся Фенодири.— Вон, видишь, на Золотом Камне сидит речной карл и играет.

Впереди был перекресток, а чуть правей торчал обычный валун без всякой позолоты: просто глыба серого песчаника, только прямоугольная, кем-то грубо обтесанная — неизвестно когда и зачем.

На камне, перебирая струны маленькой арфы, сидел удивительный юноша. Росту в нем было меньше трех футов — ребятам по пояс, кожа отливала жемчужным блеском, волнистые зеленоватые волосы струились по спине. А из-под пальцев, точно вода по камешкам, журчала печальная мелодия.

Настанет лето среди зимы,
И соберется гроза.
Ворон взлетит на каменный крест,
Досыта крови напьется.
Меж девятью и тринадцатью
Черное лихо придет,
Волк быстроногий нагрянет с востока
В лес на вершине холма.
Без перекладки каменный крест
Кровью орла обагрится.

— Ты что это распеваешь древние пророчества? — окликнул его Дюратор.— Или настало время им сбыться?

— Кто знает? Я всего лишь пою о лете посреди зимы. А вы держите путь в Хранилище?

Руки его все время перебирали серебряные струны, и голос-колокольчик как будто пел. Он ни разу не взглянул ни на ребят, ни на гномов, лишь изредка, подняв глаза от арфы, смотрел куда-то вдаль.

— Так и есть,— подтвердил Фенодири,— и мы несем туда Камень из ожерелья Брисингов!

— Я рад,— пропел речной карл.— Но в Хранилище вы не попадете.

— Как так не попадем?

— У Холивеллского входа сидит Безликий, а Многоликая караулит у ворот. К ним отовсюду стекается нежить: сварты выйдут после заката, к ночи соберутся все остальные. Птицы попрятались, в небе одни соглядатаи Морриганы. Меньше часа осталось до темноты: спешите укрыться на ночь.

— Оба наших меча — навеки к твоим услугам! — воскликнул Дюратор.— Ты не просто спас нам жизнь.

Юноша учтиво наклонил голову:

— Мой народ всегда рад помочь. Удачи вам!

И он спрыгнул по ту сторону камня; больше они его не видели.

— Как я мог об этом не подумать! — помрачнел Фенодири.— Любой глупец бы догадался, куда они пойдут. Непростительное для гнома легкомыслие!

— Что ты, братец,— возразил Дюратор.— Да без твоей мудрой головы всем бы нам конец! Однако где искать пристанища?

— Ума не приложу.

— А до фермы,— спросил Колин,— мы не успеем добраться?

— Отличная мысль! — Фенодири хлопнул в ладоши.— Колдунам пока неизвестно, что вы с нами заодно. Им об этом донесут сварты, но сварты могут запоздать, если все еще разыскивают нас по всему руднику. Мы доберемся до фермы, хотя кто знает, надежное ли это укрытие в такую ночь.

— А с Камнем что делать? — спросил Дюраторр.

— Мы должны найти Каделлина. Только у него в руках Камень будет в сохранности и мощь его послужит нам защитой.

— Ну, так давайте его сюда! Я его мигом доставлю Каделлину, вы и до фермы добрести не успеете!

— Взгляни-ка вон туда, видишь? — Фенодири махнул рукой в сторону равнины.

— Эка невидаль, грачи собираются в стаю. Они пролетают здесь каждый вечер — торопятся по домам.

— Ты разве не слышал, что сказал речной карл? Все птицы попрятались. Это не грачи, братец, они разорвут тебя на куски! Им отлично известно, где Каделлин и как он нам нужен.

— Так что же делать?

— Пешком, украдкой идти к нему навстречу.

Колин посмотрел вдаль, на темнеющие предгорья.

— Но как мы его там найдем? И как тут можно двигаться украдкой — кругом одни пустоши!

— Мы будем идти при свете дня, когда вражьи глаза слабеют. А на открытой местности им будет трудно застать нас врасплох. С Каделлином у меня назначена встреча на вершине Шатлингслоу — Челночной горы, на рассвете, в четвертый день, считая от нынешнего. Боюсь, что раньше нам его не найти. Лишь бы самим продержаться, чтобы нас до тех пор не настигла нежить!

Они торопились изо всех сил, стараясь, правда, никому не попасться на глаза. В этот час проселки были пустынные, разве что проедет на велосипеде работник с фермы. И каждый раз гномы заставляли их прятаться: нежить, говорил Дюраторр, принимает разные обличья.

Уже показались первые звезды, когда они, шагая через Корчевье, увидели сверху приземистую фигуру Гаутера, обходившего вместе с Прохвостом скотный двор.

Одинокие вечерние звуки — скрип дверей, звяканье цепочки, стук подбитых башмаков — далеко разносились в прозрачном воздухе.

Гаутер направился было к дому, и тут во двор ввалилась усталая компания.

— А-а, нагулялись! — Он оглядел ребят и покачал головой.— И где ж это вас носило? Похоже, ни одного болота не пропустили. Эй, а куда вы дели велосипеды?!

— Это долгая история, фермер Моссоx,— вмешался Фенодири,— и слушать ее лучше под крышей.

— Что-о? — Гаутер уставился на гнома.— Погодика... я тебя знаю! Ты тот самый малый, что приходил сюда летом и грозился. Ну, с тобой-то я найду о чем потолковать! Ты у меня узнаешь, как впутывать детишек в истории!

Он надвинулся на Фенодири, собираясь его сграбастать, но Вдовий Плач молнией вылетел из ножен и в широкую грудь Гаутера уперлось смертоносное острие.

— Да, я тот самый малый, и многие беды стряслись оттого, что летом ты меня не послушал!

Гном перевел дух и продолжал уже спокойнее:

— Я не желаю вам зла, фермер Моссоx, напротив, я прошу вас о помощи — но сейчас каждый миг под открытым небом грозит нам гибелью. Войдемте в дом, запрем двери, а там уж во всем разберемся.

— Гаутер, ему можно верить!

— Нужно верить! — закричала Сьюзен.— Он спас нам жизнь, и не один раз.

— И здесь правда опасно!

— Мы вам все объясним!

Гаутер взглянул на их умоляющие лица, потом на обнаженный клинок у своей груди.

— Так и быть,— процедил он,— можете войти. Но с этой штукой я тебя и на порог не пушу! И уж при-

дется вам разъяснить все толком, чтоб и мне было понятно.

Фенодири вложил меч в ножны и улыбнулся:

— Вам будет *интересно*, фермер Моссок.

— Ну и дела! Сколько живу, о таком не слыхивал! А ты что скажешь, Бесс?

Бесс в это время гладила наспех выстиранную тунику Фенодири. Она ткнула утюгом в сторону гномов, которые сидели на корточках у огня, завернувшись в одеяла.

— Вот тебе и бабушкины сказки! Тут и в летающих свиней поверишь! Не по вкусу мне все это, вот что я вам скажу.

— И вам, стало быть, надо в пятницу поутру доставить Невестин Камушек на Шатлингслоу? Так за чем

же дело стало? Переждете покуда здесь, а поближе к сроку сядете в Мэкзфилде на автобус, а там только на горку подняться — и встречайтесь себе со своим волшебником!

— Мы не можем так рисковать,— сказал Фенодири.— Это было бы слишком опасно. Мы пойдем пешком.

— Дело хозяйское,— хмыкнула Бесс.

— Когда мы выходим? — спросила Сьюзен.

— Завтра на рассвете. Нам нельзя подолгу задерживаться на одном месте.

— *Мы?* — переспросила Бесс.— Ну уж нет! Сами лезьте на рожон, коли вам охота, а ребяташек оставьте в покое.

— Но, Бесс...

— Никаких «но»! Кабы ваша матушка знала... У нее и так забот хватает. Вы и нынче-то чудом живы остались, и нате вам, опять туда же!

— Госпожа Моссок,— обратился к ней Дюраторр,— Дева Чудесного Камня и ее брат, несомненно, еще дети, но у них сердца настоящих воинов и они заслуживают участия в нашем походе.

— Мало ли кто чего заслуживает! А ну как они назад не вернутся — что мы скажем их родителям? Мы ведь, знаете, за них отвечаем!

— Если Колин и Сьюзен не пройдут этот путь до конца под охраной верных друзей,— вмешался Фенодири,— едва ли им доведется увидеть своих родных. Они заступили дорогу злу: ведьмы и сварты этого не прощают. Просто безумие оставлять их здесь без защиты!

— Ну да, если все, что вы тут наговорили,— правда,— пробормотал Гаутер,— это меняет дело... Но как ни крути, а спросят все-таки с нас.

Он поднялся и выбил трубку о каминную решетку.

— Я иду с вами.

Натянув просушенную одежду, гномы вновь завернулись в одеяла и сказали, что поспят часок-другой, но в случае чего пусть их сразу же разбудят. Перед этим, опять же по настоянию гномов, все постели перетаскили в кухню: в такую ночь, заявили они, лучше не расходиться и иметь под рукой запас еды и топлива.

В девять часов вечера Дюраторр проснулся и вышел поглядеть, что делается снаружи.

Он неслышно прошелся по усадьбе и поднялся по склону на верхний край Корчевья. Северо-восточный ветерок, который дул уже несколько дней, окреп и превратился в сильный северный ветер. В ясном небе вставала полная луна, и лишь далеко на севере громоздились тучи. Дюраторр осмотрелся, понюхал воздух и мрачно сдвинул брови.

— Что, крепчает ветерок? — спросил Гаутер, когда гном вернулся в кухню.

— Да, и недобрый это ветер.

Колин и Сьюзен давно уже спали крепким сном, а часам к одиннадцати и Гаутер с Бесс задремали в своих креслах.

Ближе к полуночи Прохвост встрепенулся и зарычал. Что-то глухо рокотало у него в груди, перекатывалось в горле и выходило наружу хриплым, злобным рыком. Пасть его была оскалена, шерсть на загривке дыбом. Дюраторр и Фенодири молча обнажили мечи и встали по обе стороны двери. Пес залаял, Гаутер утихомирил его и отправил под стол, но он и там беспокойно ворчал и повизгивал. Все замерли, прислушиваясь, но кругом было тихо.

— Может, лиса пробежала, — шепнул Гаутер.

Фенодири покачал головой:

— Что-то приближается: я чувствую.

— Моссок! — раздался голос у самой двери. — Моссок, ты здесь?

— Это старуха Плейс, — прошептал Дюраторр.

— Да, я здесь. Что вам нужно?

— Ты знаешь, зачем мы пришли. Отдай нам детей, гномов и Камень — и мы тебя не тронем.

— А что, если я пошлю вас куда подальше?

— Не валяй дурака, Моссок. Если через минуту не откроешь дверь, мы ее сломаем, и тогда горе тебе и твоему дому! Мы сровняем его с землей, и сто лет на этой земле ничего не вырастет. Поторопись, Моссок, не заставляй нас ждать!

— Не бойтесь, она лжет! — громко сказал Фенодир.— Никто из них не может переступить порог и войти в дом незванным. Это древнее и очень прочное заклятье, им его не превозмочь.

— А-а, вон оно что! Вы слышали, миссис Плейс? Ну так я еще повторю на всякий случай: *вас сюда не звали!*

Помолчав с минуту, Морригана заговорила вновь, теперь уже тихим, зловещим голосом:

— Мы так и думали, что это будет непросто. Но пусть даже мы не можем войти в дом, не воображайте, будто вы в безопасности. Где бы вы ни были, что бы ни делали — спасенья нет, ибо мы призывали на помощь тех, для кого все заклятья — пустой звук, и завтра к ночи они будут здесь. Вы слышали, гномы? Мэри уже зашевелились. Скоро они проснутся!

Глава шестнадцатая РЭДНОРСКИЙ ЛЕС

На дальнем краю Корчевья собралась нежить. Колдуны и ведьмы глядели на карабкавшуюся вверх Морригану. Гримнир устроился чуть поодаль. С другой стороны холма, в старом песчаном карьере, ждали команды сварт-альфары.

— Они все там,— сообщила Морригана.— Сейчас их не выманишь, но утром придется им уходить, пока в дом не заявились мары. Мы возьмем их по дороге, только нужно к рассвету поднять Лютовой.

Змеюн здесь? Хорошо. Пусть сварты пока остаются на местах, они могут понадобится.

Часовые расставлены, каждый знает свою задачу. Теперь — за дело; Гримнир отправится с нами.

Дюраторр и Фенодири, сменяясь, дежурили всю ночь. В шесть утра они разбудили остальных, к семи все были готовы. Занимался день; на дворе было морозно.

Колин, Сьюзен и Гаутер взяли запасную одежду, провизию на всех и брезент для подстилки. Фенодири смастерил себе плащ из старого одеяла.

Они уже надевали рюкзаки, когда в дверь негромко постучали.

— Кто там? — спросил Гаутер.

— Это я, хозяин. Что у вас стряслось?

— Обожди минутку, Сэм, сейчас открою.

Гномы скрылись в соседней комнате, Гаутер отодвинул засов и отпер дверь.

— Ну вот! Входи, парень, я только тебя и ждал.

— А я гляжу, окна занавешены, коровник закрыт — ну, думаю, что-то стряслось.

— Да так, ничего страшного, просто я уезжаю... э-э... по срочному делу... и детишки со мной. До субботы обернемся. Ты один-то справишься? Хочешь, попрошу Джона Картера тебе подсобить?

— Сам управлюсь, не беспокойтесь.

Сэм Харлбатт и виду не подал, что удивлен.

— Побегу-ка я, пожалуй, доить, а то ведь Дик Торникрофт со своим фургоном будет здесь через полчаса.

В голосе работника Гаутеру слышалось осуждение. Утренняя дойка была его обязанностью, а Сэму обычно доставалась вечерняя. Коров нужно было подоить еще час назад, но не мог же он объяснить парню, что Фенодири не выпускал его за порог, пока было темно.

— Э-э, Сэм... коли не поспеешь до приезда Дика, попроси его заехать на обратном пути.

— Так и сделаю, мистер Моссокс.

— И... вот что, Сэм!

— Да, хозяин?

— Как покончишь с дойкой, запряги Принца и отведи Бесс в Большой Тиднок. Она там погостит у сестры, пока нас не будет. Пес поедет с ней.

— Как скажете, хозяин,— с истинно чеширской невозмутимостью отозвался Сэм.

Они подождали, пока Сэм уйдет в коровник, и тихонько выскользнули за калитку.

— Куда теперь? — спросил Гаутер.

— Давайте-ка сперва обогнем этот холм,— предложил Дюраторр.— Там может быть кое-что интересное.

Тропинка привела их на ту сторону холма, к заброшенному карьере за Корчевьем. Гаутер только в затылке почесал, когда Дюраторр первым скатился на дно оврага.

— Яма как яма, песок как песок. Этак мы далеко не уйдем!

— Терпение,— отозвался гном.— Я только хотел... ага, так и есть! Ночью здесь побывали сварты — но и только. Теперь поднимаемся наверх!

Он забегал по верхнему краю Корчевья, принохиваясь, точно гончая, взявшая след.

— Здесь тоже побывала нежить. Ничего особенного, могло быть хуже... только не нравятся мне вон те облака. Я их видел при свете луны, и с тех пор они не

сдвинулись с места, а уж северный ветер давно бы пригнал их сюда. Что скажешь, братец?

— Гм,— сказал Фенодири.— Ты думаешь, это Лютовей?

— Похоже на то. Они играют наверняка! Мары нужны, чтобы выманить нас из дома. Днем за нами будут следить, а ближе к ночи, вдалеке от жилья, напустят Лютовей и возьмут нас голыми руками.

— Погодите-ка,— вмешался Гаутер.— Что за штука этот Лютовей? И вы еще не объяснили, кто такие...

— Знаю,— перебил его Фенодири,— но есть вещи, которых лучше не объяснять. Когда нам встретятся мары, тогда и будем пугаться, а может, нам повезет и мы их не встретим. Чем меньше знаешь, тем легче на душе.

— Вот спасибо, сразу полегчало!

Гном усмехнулся и учтиво наклонил голову.

— Тебе бы только важничать! — разозлился Гаутер. Человек прямой и открытый, он любил во всем ясность и не выносил недомолвок. К этому примешивалось обычное для сельского жителя недоверие к чужакам — да еще *таким* чужакам!

— Я не хотел вас обидеть,— ответил гном.— Я только прошу вас довериться нам и не спорить. Вы оказались в нашем мире, и без нас вам не вернуться в свой собственный — пусть даже он лежит у ваших ног.

Гаутер поглядел вниз на свою усадьбу, потом опять на гнома — и замолчал.

— Ладно,— сказал он наконец.— Ваша правда, я погорячился. Прошу прощения.

— Не беда,— отвечал Фенодири.

— Эй, глядите! — вмешался Колин, которому не терпелось перевести разговор на другую тему.— Не одни мы так рано встали, вон у дома мистера Картера двое туристов.

На тропе под ними, облокотясь на изгородь и уткнувшись в карту, стояли мужчина и женщина. Оба с рюкзаками, в лыжных штанах и куртках, на ногах — горные ботинки.

— А вон там, на Клинтон-Хилл, тоже парочка,— заметила Сьюзен.

На соседнем пригорке, позади них и чуть выше, любовались окрестностями еще двое.

— Может, сбор какой или слет,— предположил Гаутер.

— Ха! В самую точку! — ухмыльнулся Дюраторп. — Собирище ведьм и колдунов, вот что у них происходит — или я не сын своего отца!

— Что? — удивился Колин.— Так это и есть *нежить*?

— Очень может быть,— кивнул Фенодири.— Они смешиваются с людьми, и отличить их можно лишь по особым признакам, да и то не всегда. Вот почему придется избегать людных мест: они для нас еще опасней, чем лесная глушь.

Гаутер покачал головой и ткнул палкой (он прихватил с собой посох из ясеня) в сторону «туристов».

— Это нам от них, что ли, прятаться? А где же метлы, остроконечные шляпы и всякое такое?

...Широкие, точно спины китов, отроги Пеннинских гор к югу распадаются на отдельные горки. К ним вплотную примыкают вересковые пустоши Стаффордшира. А с Чеширской равнины лучше всего видны две горы. Одна зовется Босли-Клауд — Угрюмая: у нее и вправду мрачный вид. Отвесная с севера, пологая с

юга, она как-то на глазах меняет очертания, особенно если глядеть с извилистой дороги.

Другая горка — Шатлингслоу, Челночная — напоминает немного сплюснутый колпак со срезанной верхушкой. И на этой узкой, плоской вершине ровно через три дня и восемь миль пути Огнехлад попадет наконец в надежные руки — если только им удастся уйти от погони.

— Да, чуть не забыл,— спохватился Гаутер,— а что мы будем делать до самой пятницы? Тут от силы полдня ходу.

— Тс-с! — остановил его Фенодири.— Здесь повсюду уши. Им и так почти все известно: они лишь не знают, когда и где назначена встреча. Нужно сбить их со следа и где-нибудь переждать оставшееся время: тогда, быть может, мы достигнем цели. От гончих лучше всего защищают деревья и проточная вода. Для начала попробуем углубиться в лес вокруг озера Рэднор. Пройдем его насквозь, попетляем хорошенько — и, глядишь, они нас потеряют.

— А потом опять найдут,— проворчал Дюратор.— От *этих* глаз не так-то легко укрыться.

В небе над их головами кружила стая каких-то расстрепанных птиц. Другие такие же стайки парили над равниной в строгом порядке — так, что каждая миля все время просматривалась с высоты. Птицы кружили молча, в зловещей тишине. Туристы продолжали изучать карту и любоваться видом.

Фенодири повел их назад, к перекрестку, где старая Мэкклзфилдская дорога расходилась налево, к усадьбе Моссоков, и направо, к Нижнему Олдерли. Они свернули направо и зашагали вдоль покатого склона Клинтон-Хилл. Внизу тянулись поля и темнел Рэднорский лес.

— Эге,— сказал Гаутер,— видать, Тома Хеншоу эти птички допекли еще почище нашего. Ишь, сколько пугал понаставил!

— Так и есть,— прищурился Дюраторр.— А не растолкуете ли вы мне, фермер Моссок, для чего на пастбищах нужны пугала?

И правда: на каждом поле, на каждом лугу торчала растопыренная фигура в лохмотьях. Даже там, где паслись коровы!

— Бедный старина Том, да он никак спятил? У него, помню, еще до Рождества начались какие-то припадки...

— Прибавьте-ка шагу,— оборвал его Фенодири,— не то наши попутчики замерзнут.

Ребята оглянулись и обнаружили, что двое туристов — те, что разглядывали карту,— не спеша идут за ними следом, рассеянно сбивая палками засохшие головки репейника. Стайка из тринадцати птиц подлетела поближе и вновь закружилась над головами.

— Это что, *ненастоящие* пугала? — спросил Колин у Фенодири, оглядываясь по сторонам.

— Настоящие... И все до одного — шпионы.

Дорога подходила вплотную к Рэднорскому лесу и огибала его. Теперь они шагали вдоль опушки: их отделяла от леса лишь невысокая каменная ограда.

Не доходя до поворота, Фенодири скомандовал:

— Как только они потеряют нас из виду — прячемся в лесу. Внимание... все через забор!

Они дружно перемахнули через ограду и, не обращая внимания на колючки, помчались вслед за Фенодири в самую чащу. В небе встревоженно загалдели птицы, но Дюраторр — он, как обычно, замыкал шеренгу — успел нырнуть в заросли прежде, чем на дороге показались «туристы».

Как только они вошли под сень высоких буков, колючий кустарник поредел и двигаться стало легче. Они прибавили ходу, петляя среди стволов и разросшихся рододендронов. Птицы покружили над лесом, спусти-

лись ниже и засновали среди ветвей, деловито покрикивая, будто сообщая важные сведения.

Фенодири замедлил шаг.

— Торопиться незачем,— вздохнул он.— Напрасно я надеялся найти здесь укрытие. В прежние времена этот лес не жаловал нечисти: я думал, не так-то просто им будет решиться...

Конец фразы потонул в пронзительных воплях. Беглецы инстинктивно встали спина к спине, гномы схватились за мечи. Со всех сторон, кувыркаясь, на землю шлепались птицы. Этот дождь из дохлых ворон продолжался секунд десять; потом все стихло.

Гаутер протянул было руку к ближайшему вороху черных перьев, но Дюраторр остановил его:

— Не троньте! Они и мертвые источают зло.

Он перевернул ворону концом меча. Глубоко под сердцем торчала маленькая стрела с белым оперением: при виде ее Дюраторр побелел как полотно.

— Лиос-альфары,— прошептал он.— Лиос-альфары!

Дрожа, он убрал меч в ножны и запрокинул голову к небу:

— Эндил! Атлендор! Это я, Дюраторр, добро пожаловать домой!

— Успокойся,— сказал Фенодири.— Их здесь нет.

— Они здесь! — взревел Дюраторр.— Говорю тебе, братец Бурдюк, нам теперь до самой пятницы нечего бояться! Лиос-альфары вернулись в наши края — значит, все будет в порядке. Привет тебе, Атлендор! Эрмид! Граннос!

Он метался и звал, выкликая все новые имена, но в ответ доносилось лишь эхо да шумел в древесных кронах северный ветер.

— Трурин! Скандар!

Фенодири с грустью покачал головой:

— Идем отсюда. Вот уже двести лет, как лиос-альфары покинули Рэднор. Они не вернуться. Идем, пока на твой зов не откликнулась нежить!

Дюраторр нехотя побрел к остальным. Вид у него был растерянный.

— Это лиос-альфары, больше некому. Отчего же они не узнают меня?!

Фенодири присел на корточки и задумчиво поглядел на стрелу.

— Уж не знаю, кто ее пустил,— вмешался Гаутер,— но росточка он был совсем маленького. Коли лук стреле под стать, а в стреле-то восемнадцать дюймов,— так что ж это за лучники такие?

— Эльфы света, лиос-альфары,— сказал Фенодири.— Это их стрелы. И все же, я думаю, их самих здесь нет. Должно быть, нас выручили речные карлы.

— Речные карлы? — возмутился Дюраторр.— Да где это слыхано, чтобы водяной народец брался за оружие! Говорю вам, это лиос-альфары.

— Эй, гляньте-ка! — воскликнул Гаутер, задирая голову.

Меж ветвей скользило какое-то белое пятнышко. Даже Гаутер не заметил, откуда оно взялось. Пятнышко медленно снижалось, красиво покачиваясь в воздухе, и наконец легко опустилось к ногам Дюраторра. Белое орлиное перо!

Дюраторр схватил перо и замахал им перед носом Фенодири.

— Видел? — закричал он.— Это знак! Перо из эльфийского плаща! Ну, что ты теперь скажешь?

Фенодири молча посмотрел на перо, потом поднял взгляд на Дюраторра.

— Да,— сказал он наконец,— это лиос-альфары.

Вскоре они зашагали дальше. Теперь Фенодири подгонял их: нужно было наверстать упущенное время. Эльфы — если это и впрямь были эльфы — больше

никак не давали о себе знать, Дюраторр понемногу успокоился и снова был начеку.

— И все же это тяжело,— признался он Колину вечером того же дня, когда они спасались от смертельного холода под одним плащом,— тяжелей всего, обретя дружбу эльфов, оказаться с ними в разлуке. Если же кто-то стал тебе ближе, чем брат, роднее, чем вся родня... такая потеря невыносима! Когда Атлендор увел свой народ на север, я решил отказаться от отцовского трона и следовать за ним. Но он не взял меня! «Ты должен остаться,— сказал он,— тебе предстоит совершить великий подвиг». Лиос-альфары умеют заглядывать в будущее... Мы простились у Золотого Камня. Он подарил мне Вальхам, я же отдал ему Тарнхельм, бесценное сокровище моего народа. Я обменял шлем-невидимку на дар полета, и Гондемар, отец мой, в гневе изгнал меня прочь. Много лет я скитался в одиночестве — разлученный с эльфами, отвергнутый собственным народом,— и не сжался надо мной Каделлин, не открой он мне двери Хранилища, меня ожидал бы весьма плачевный конец.

Но все это было сказано позже, а пока что ребятам и Гаутеру оставалось лишь теряться в загадках: кто же все-таки перебил ворон и отчего Дюраторр вдруг словно обезумел.

Впрочем, задумываться было некогда. Идти приходилось по неровной, едва заметной тропинке, скользкой от смерзшейся палой листвы. Ветви высоких — выше головы — рододендронов то и дело преграждали им путь. Вдруг Фенодири поднял руку. Все замерли, прислушиваясь.

— Кто-то идет! Быстро в кусты!

Раздвинув глянцевые вечнозеленые листья, они нырнули в самую гущу зарослей.

— Не двигаться! — прошипел Фенодири.— Он уже близко!

Прохожий был одет в темное. В пестром лесном сумраке разглядеть его было трудно, до них доносилось лишь тяжелое дыхание. Поравнявшись с ними, он остановился. Обоим ребятам и Гаутеру казалось, что сердца у них бьются слишком громко. Гномы незаметно переглянулись.

— Уф... Чтоб ей провалиться, этой Плейс! — пробурчал незнакомец и уселся на поваленное дерево, лежавшее поперек тропы.

Теперь они увидели его лицо: это был мистер Ходжкинс, местный бизнесмен.

Каждый день, кроме выходных, от восьми до девяти утра его можно было встретить на станции Олдерли, в толпе таких же мистеров ходжкинсов: в руке портфель, под мышкой газета и аккуратно сложенный зонтик. Но сегодня вместо крахмального во-

ротничка и строгого городского костюма на нем была куртка с капюшоном, а под ней — свитер с высоким воротом. Лысеющую макушку прикрывал берет, на тощей шее висели темные очки, а на тесемке, продетой в рукава, болтались кожаные перчатки. По бледному, измученному лицу пожилого бизнесмена ручьями струился пот. Он привалился спиной к вывороченным корням дерева, достал платок и начал промокать лоб.

Пять пар глаз воззрились на него с немой мольбою. Никто из путешественников не успел устроиться в кустах поудобней: все застыли в неловких позах, рискуя потерять равновесие. Шевельнешься, заденешь ветку — и задрожат, заплещут наружные листья. Они будто угодили в ловушку для воров, с нарочно привешенными трещотками и бубенчиками.

К счастью, Джеймс Генри Ходжкинс был не из тех, кто тратит время попусту. Слегка охладившись, он поднялся и потопал дальше, кряхтя и проклиная неуклюжий рюкзак, который натирал ему плечи и все время цеплялся за кусты.

— Ну и ну,— покачал головой Гаутер.— Старина Ходжкинс, мой постоянный покупатель вот уже десять лет! Кто бы мог подумать...

— Я даже дышать перестала! — воскликнула Сюзен.

— А я и сейчас не дышу,— прохрипел Колин.— Меня ветка тянет за воротник. Можно нам уже двигаться, Фенодири?

— Можно... если получится,— отозвался гном.

Он зацепился коленом за толстую ветку и теперь безуспешно пытался высвободить ногу. С каждой попыткой ветка вздергивалась все выше, угрожая перевернуть его вверх ногами. Вид у гнома был пресмешной — колено выше уха,— только смеяться было некому: у остальных дело шло ничуть не лучше.

Кусты были старые, и за глянцем зеленых листиков скрывались тугие переплетения столетних ветвей. На узловатых, корявых сучьях росли гибкие длинные побеги, цепкие и вьющиеся как проволока. Засохшие ветки обламывались под рукой, превращаясь в острые кинжалы. От истлевшей коры поднималась мельчайшая черная пыль, горькая на вкус, разъедавшая глаза и горло.

— Это... все равно что... ходить... по драному... пружинному матрасу! — пропыхтела Сьюзен.

— Хуже! — откликнулся Колин.

Идти по земле было невозможно: ноги тотчас попадали в капкан. Приходилось наступать на нижние, толстые сучья, и тут они уже ничего не могли поделать: кусты сами выбирали за них, куда им двигаться. Ветки то прогибались под ногами, то резко выстреливали вверх, норовя прихватить кого-нибудь с собой. Даже Гаутер, несмотря на свой солидный вес, шатаясь как пьяный, хватался за что попало и только хуже запутывался. При этом они почему-то взбিরались все выше и скоро очутились в двух или трех футах от земли.

Они уже не разбирали, куда идут, и лишь с беспокойством поглядывали вниз, где вместо земли все чаще проблескивала вода. Сперва попадались замерзшие лужицы, потом лужи побольше, потом целые разливы... и, наконец, одно сплошное мелководье с позвякивающими пластинками льда. Кусты немного поредели, и Фенодири, поспешно вскарабкавшись наверх, продрался сквозь крону и выглянул наружу.

Перед ними лежало озеро Рэднор. Рододендроновые заросли крепко вцепились корнями в прибрежную топь, образуя пышный зеленый мыс. А на самом его краю из листвы торчали пять чумазных, красных физиономий — точно пять тропических цветков.

— Может, я и привередничаю,— заявил Гаутер,— но купаться мне нынче неохота. Да и этот бег в мешках надоел до смерти. Что будем делать, командир?

— Ох, не знаю, дружище, что-то я совсем одурел,— помотал головой Дюраторр.

— Придется возвращаться,— сказал Фенодири.— Здесь попросторней, братец: давай-ка попробуем вытащить мечи и прорубиться обратно к тропе.

После долгих усилий Дирнуин и Вдовый Плач были извлечены из ножен, и гномы, рискуя свалиться в воду, освободили руки для первого взмаха. Вскоре дело пошло на лад. Засохшие ветки, упругие щупальца побегов так и сыпались наземь под ударами острых клинков. Оставалось лишь подныривать под толстые сучья или перешагивать их, что было вовсе не трудно. Одно плохо: тянувшаяся за ними просека наверняка была заметна с воздуха...

— Теперь — бегом,— скомандовал Фенодири, когда, усталые, потные, исцарапанные, они выбрались на тропу.— Нежить уже пронюхала, где мы!

Они еще долго петляли по лесной чаще, прежде чем Фенодири позволил всем передохнуть.

— А куда мы вообще-то идем? — поинтересовался Колин.

— Пока никуда,— ответил Фенодири.— Есть у меня на примете одно укрытие, только не скажу где: нас могут подслушать.

— Тс-с,— прошептал Дюраторр,— братец, ты слышишь?

Все затихли, прислушиваясь. Вдали раздавались звонкие, ритмичные удары стали о дерево: топор!

Гаутер облегченно вздохнул.

— Знаю я, кто это,— сказал он.— Гарри Уордль из Паркхауса. Он свой, мы с ним с детства приятели. Ко-

ли здесь кто и проходил, Гарри их наверняка приметил. Пошли спросим.

— Хм,— отозвался Дюратор.— Лучше обойдем его стороной, сейчас ни одному человеку нельзя доверять.

— Да мы же с Гарри вместе ходили в школу! Он славный малый.

— Может, и так,— согласился Фенодири.— Тогда он и впрямь будет нам полезен. Ступайте, поговорите с ним, а мы с Дюратором понаблюдаем. Если он и лазутчик, мы не дадим ему поднять тревогу.

Они остановились на краю вырубки. Дровосек работал спиной к ним: это был высокий, жилистый мужчина средних лет с коротко остриженным седым затылком.

— Здорово, Гарри,— окликнул его Гаутер.

Гарри Уордль обернулся к ним и расплылся в улыбке:

— Здорово, Гаутер! Ты что тут делаешь?

— Да вот решил прогуляться, показать ребятишкам наши места.

— Тебе хорошо: сам себе хозяин, захотел — бери выходной. А как дела на ферме?

— Ничего, помаленьку — сам понимаешь, зима.

— А как там Бесс?

— Лучше некуда. Что, много нынче работы?

— Хватает. Еще пара стволов, не считая этого; но я как раз собирался перекусить. Не хотите подкрепиться?

Он мотнул головой в сторону пенька, на котором красовалась фляжка и сверток с бутербродами.

— Нет, спасибо, Гарри, мы уж пойдем.

— Ну, как знаете. Далеко собрались-то?

— Да так, пока не надоест. И много тут нынче ходит народу?

— Ни души, вы первые.

— Если что — ты нас не видел.

Гарри понимающе ухмыльнулся:

— Само собой, в глаза не видел. Что, жареного фазана захотелось? Так поищите во-он там, возле лога, только я вам ничего не говорил.

Гаутер лукаво подмигнул:

— Будь здоров, Гарри.

— Будь здоров, старина.

Они помахали ему и скрылись за деревьями; вскоре на вырубке вновь застучал топор.

— Ну,— сказал Гаутер,— что я говорил?

— Он не колдун,— покачал головой Фенодири,— и все-таки я ему не верю. Лучше было бы ему не показываться.

— Тише! — снова насторожился Дюраторр.— Слышите?

— Я ничего не слышу,— сказал Колин.

— Я тоже,— отозвался Гаутер.

— В том-то и дело! — вскричал Фенодири.— Почему он больше не стучит?

— Что? Как это? — заволновался Гаутер.— Эй, стойте! Куда вы?

Но гномы уже бежали к вырубке, на ходу выхватывая мечи.

На поляне было пусто. Гарри Уордль, его топор, фляжка и завтрак — все исчезло.

— Но... но как же... — забормотал Гаутер, багровея как свекла.— Не может быть... нет, только не Гарри! Он просто надумал сбегать домой — что-нибудь позабыл, наверное!

— Тогда бы он пробежал мимо нас,— отрезал Фенодири.— Ведь мы же идем в сторону Паркхауса, верно?

— Верно... — Вид у Гаутера был ошеломленный.

Дюраторр, успевший осмотреть тропу на другой стороне вырубки, вернулся и молча покачал головой.

— Что ж,— вздохнул Фенодири.— Как это у вас говорится, фермер Моссок? *Кто бы мог подумать!*

— Мы не должны действовать опрометчиво,— сказал Фенодири.— Паника будет лишь на руку нашим врагам.

— Это верно,— закивал Гаутер,— только пошли скорей! Я и так чуть не спятил, а тут еще топтаться на месте, пока к тебе подбирается всякая дрянь...

— Но сначала нужно выбрать, куда идти,— возразил Фенодири.— Бежать наугад, вслепую — опасней всего! Время у нас и впрямь на вес золота, и все же мы вполне можем немного посоветоваться. Да и ваш Гарри не сразу доберется до своих хозяев.

— А что, если... они ведь знают, в какую сторону мы идем, правда? — заговорил Колин.— И этот Гарри думает, что мы ничего не поняли. А мы возьмем да и повернем обратно!

— Недурной маневр,— подхватил Дюраторр.— Гончие побегут на юг, а зайцы повернут на север.

— Пожалуй... нет,— покачал головой Фенодири.— Это хороший план, но риск чересчур велик. Все-таки их главные силы сосредоточены позади нас. Они пойдут через лес широким полукольцом. Можно попробовать отсидеться где-нибудь в чаще; но что, если нас обнаружат? Помощи ждать неоткуда, мечом не размахнуться — уж какие там мары, они нас и так возьмут! Но даже если мы проберемся сквозь кольцо незамеченными, на север идти опасно. Там сплошные селения: слишкомлюдно. А к югу отсюда местность пустынна, да и южный край леса недалеко. Поспешим туда, и если мы оставим позади Рэднор прежде, чем нежить поднимет тревогу, им долго придется гадать, где мы вышли из леса и куда направились потом.

Так и порешили и, не теряя времени, тронулись в путь. Шли быстро, но с оглядкой, и оба меча были наготове.

Дюраторп озабоченно посматривал на небо. Потом он начал приниматься.

— Что, братец, уже скоро? — спросил Фенодири.

— Остался час или два, не больше.

— Недаром тот колдун так закутался,— повернувшись к ребятам и Гаутеру, пояснил Фенодири.— Со-мнений больше нет: они призвали на помощь Римту-ра, ледяного исполина. Нас вот-вот настигнет его ды-хание — великая стужа, Лютовой. Постараемся это вы-держать.

Его отрывистая речь и встревоженный вид сказали ребятам больше, чем слова. Смуглое, как лесной орех, лицо его побледнело, и даже Гаутер не запросил никаких объяснений.

Обойдя стороной Паркхаус со всеми пристройками, они остановились на самом краю поредевшего леса. Справа, на некотором расстоянии от них, тянулась ка-менная ограда; за ней проходила Конглтонская дорога. По эту сторону ограды темнела полоса деревьев, но, чтобы до нее добраться, нужно было пересечь откры-тое пространство, где деревья встречались лишь изред-ка. В небе кружила стайка птиц. Людей не было видно, только ветер шумел не смолкая да с дороги порой до-носился рокот машин.

— Куда теперь лежит наш путь? — спросил Дюраторп.

— Больно уж тут всё голо,— проворчал Гаутер.— А дальше будет Монашья пустошь, там еще хуже. Пого-дите-ка, дайте оглядеться... давненько я тут не бывал. Хоть бы эти чертовы птицы сделали передышку!

Он задумчиво поглядел по сторонам.

— Вот кабы добраться до тех деревьев, что вдоль дороги... да, пожалуй, что лучше и не придумать. Вон

он, лесок-то, сворачивает к Думвилловым посадкам, а оттуда по краю пустоши — к ручью Бэг-Брук. А там — коли уж очень повезет — рукой подать и до Кейпторна, где охотничий заповедник. Самая-то загвоздка — вот эти две сотни шагов. Разве что прятаться почаще да поглядывать за птицами — авось и добежим...

Так они и сделали. Выбрали момент, когда птицы отлетели подальше, и понеслись короткими перебежками, петляя от дерева к дереву, да с такой скоростью, что Гаутер только диву давался: он уже лет тридцать так не бегал. Но они успели! Они ворвались в придорожный лесок прежде, чем в небе вновь закружил воздушный патруль.

Полоска деревьев тянулась вдоль дороги, а потом сворачивала под прямым углом и бежала через поля. Это и были Думвилловы посадки: узкая, в несколько футов шириной, рощица отлично прикрывала путников сверху. Еще полмили — и она повернула к югу и взобралась на пологий холм: отсюда все окрестности были как на ладони.

— Ну что ж, по крайней мере, лесов тут достаточно,— заметила Сьюзен.

— Но тебе не раз еще захочется, чтоб они росли погуще и потесней,— засмеялся Фенодири.— Вот в прежние времена задача наша была бы куда проще: тогда кругом были настоящие леса!

— Интересно,— пробормотал Гаутер,— кто это там на Ратниковой горке?

Все повернули головы. В миле от них, у перекрестка дорог на Монашьей пустоши, зеленел невысокий травяной холм. Очертаниями он походил на Шатлингслоу — или на могильный курган. От него так и веяло древностью и тайной: он казался старше и мудрее, чем окрестные поля. Может, это оттого, что на плоской вершине кургана шумели сосны. Они склонялись друг к дружке, словно делились секретами. А между сосен

чернел силуэт всадника. Разглядеть его было невозможно — слишком далеко, но ребята были почти уверены, что на нем плащ и шляпа. Он сидел на коне совершенно неподвижно.

— Я... нет, я его не знаю,— промолвил наконец Дюратрор.— Но вид его пробуждает во мне смутные воспоминания. А ты что скажешь, братец?

Фенодири покачал головой:

— Может, это он — тот, кого я знал когда-то,— а может, и нет. Странно было бы встретить его здесь. Скорее всего, это какой-нибудь колдун сторожит перекресток.

Но гномы еще некоторое время пребывали в задумчивости.

Рошица спускалась в низину, где Мэкзфилдская дорога пересекала ручей Бэг-Брук. И тут уж Фенодири пришлось глядеть в оба. Одним глазом высматривая птиц, другим наблюдая за автомобилями, он благополучно переправил всю компанию через шоссе и завел их под арку моста. На это ушло добрых десять минут, зато гномы наконец облегченно вздохнули и впервые после случая с Гарри Уордлем вложили мечи в ножны.

— Теперь я допускаю, что затея наша не безнадежна,— сухо сказал Фенодири.— Мы вовремя покинули Рэднор, и нежить, как видно, потеряла след.

— Это верно,— проворчал Гаутер,— но не хотите же вы на радостях продержать нас тут до вечера? Удобное местечко, ничего не скажешь, и запах подходящий!

— Мы сейчас же отправимся дальше,— сказал Фенодири.— Вот какой у меня план. К северу от Челночной горы тянется Мэкзфилдский бор. Прежде там были голые холмы, но люди засадили их елями и пихтами. Знакомы вам эти места?

— Еще бы,— скривился Гаутер.— Это возле водохранилища. Елка за елкой, миля за милей — стоят

ровнехонько, будто на параде. Не лес, а так, одна видимость.

— Совершенно точно: деревья там словно пленники в темнице. Но растут они густо и отлично укроют нас от соглядатаев. А в пятницу на рассвете мы пересечем последнюю пустошь — там не больше мили — и взбежим на Шатлингслоу.

— Только и всего? — удивился Гаутер.

— До этих елок нужно еще добраться,— буркнул Дюраторр.

Фенодири рассчитывал пройти еще несколько миль на юг, а затем повернуть к востоку, продвигаясь, где только возможно, под защитой деревьев, а на открытом пространстве держась возле речек и ручьев. Это был не самый удобный, но, бесспорно, самый разумный путь. В пойме любой речушки растут ива, ольха и бузина, не говоря уж о камышах и тростниках. Да и обрывистый берег мог послужить укрытием от внезапно налетевших птиц. К тому же проточная вода отбивает нюх у собак: ведь Морригана могла пустить по следу двух своих уцелевших ищеек.

Всё это объяснил им Фенодири, и план его был принят с полным единодушием. Теперь наступила самая трудная часть путешествия: медленное, изматывающее, однообразное движение вперед. Нужно было держаться всем вместе и в то же время думать и действовать самостоятельно. Каждый должен был заранее присмотреть себе укрытие, вовремя спрятаться при появлении птиц и, как только опасность минует, — не мешкая двигаться дальше. Скользкие откосы, безжалостные колючки, грязь, песок, вода и лед... пройти хотя бы милю за час — о большем они и мечтать не смели.

Ручей бежал на юго-запад, и вскоре они оказались в опасной близости от Конглтонской дороги. Переходить ее под мостом никому не хотелось; и тут, очень кста-

ти, у Бэг-Брука обнаружился приток, впадавший в него слева наискосок и примыкавший почти вплотную. Пойти вдоль притока было почти то же самое, что повернуть назад, но это был такой прямой и удобный путь, что никто не пожалел о потраченном времени. И едва они зашли за поворот, возле Думвилловых посадок показались первые «туристы».

В низине вдоль притока росли невысокие кусты и попадались целые заросли засохшего папоротника. По сравнению с голым полем и это было неплохо, но впереди высилась роща лиственниц и всем уже не терпелось разогнуться.

— Клянусь вожжами Фримлы! — воскликнул Дюратор, когда они вступили наконец под высокие своды леса.— Хорошо пройтись во весь рост, не пригибаясь, как презренные трусы!

— Я только надеюсь, что эти птицы — глухие тетери,— пошутила Сьюзен.

Земля под деревьями была густо усыпана сухими сучками и прутиками, и, когда по ним шагали пять пар ног, треск стоял, как на лесном пожаре.

Лиственницы кончились, потянулся кустарник, а дальше — еловый лесок, из тех, что презирал Гаутер: деревья, посаженные людьми, стояли здесь как на параде. Но это были густые, рослые ели, ветки у них начинались довольно высоко и не хлестали по лицу, проходы между рядами были широкие, под ногами бесшумно пружинила хвоя — словом, идти вдоль этой живой колоннады было одно удовольствие. Здесь и в полдень царил полумрак, зеленая крыша не пропускала солнца, и впервые за весь день беглецы свободно вздохнули.

— Вот благодать-то, а? — потянулся Гаутер.— И никто не смотрит в спину!

— И солнцу сюда не добраться,— подхватил Колин,— а то знай себе высвечивает нас, как прожектор.

— Да тут почти совсем темно,— сказала Сьюзен.— У меня глаза никак не привыкнут.

— Может, мне и почудилось,— отозвался Гаутер,— но похоже, на дворе потемнело.

— Так и есть,— пробормотал Фенодири.

Лес расступался вокруг небольшого пригорка; отсюда все было отлично видно.

Куда подевались чистое небо и сверкающее солнце? Воздух пожелтел и почернел от сплошных разбухших туч, переползавших от горизонта к горизонту, словно стадо рассерженных, застрявших на суше тюленей. Громадные, неуклюжие, они задевали верхушки деревьев, но все же скользили вперед, ворча и жалуясь, под хриплые окрики своего пастуха — свирепого северного ветра.

— Это только первые ласточки,— сообщил Дюратор.— Что будем делать: останемся здесь, в укрытии, или пойдем вперед?

— Вперед,— сказал Фенодири,— пока еще можно идти.

Они прошли по тропинке через заповедник, мимо подернутых ряской прудов, и остановились возле доски, перекинутой через межевую канаву. Дальше началось открытое пространство: ни деревца, ни кустика, до ближайшего леса — добрых четверть мили.

— Ничего не попишешь,— философски заметил Гаутер.— Что теперь? Подождем до ночи?

Фенодири помотал головой:

— Ночью двигаться опасно: в случае чего помощи ждать неоткуда. Сейчас начнется буря и сгонит с неба всю нечисть. Тогда мы попробуем добраться до леса.

Им не пришлось долго ждать. Едва Фенодири договорил, в воздухе закружились первые хлопья снега. Еще мгновение — и от всего огромного мира остался лишь пятачок в три шага шириной, с пляшущими се-

рыми стенами и потолком, снизу доверху наполненный ледяной пылью.

— Теперь мы невидимки! — перекрывая вой ветра, прокричал Фенодири.— Воспользуемся случаем: вперед!

Как только они шагнули на открытое место, на них всей тяжестью обрушилась буря. Детей и гномов разметало по земле, Гаутер с трудом удержался на ногах. Они ощупью отыскивали друг друга, сплелись руками — Гаутер посередине, вместо якоря,— и ветер подхватил их и рывками поволок прямо к лесу.

Они очутились на краю неглубокой лощины: здесь росли дубки, по дну бежал ручей. Ветер подержал их на весу, точно пять бумажных кукол, выпустил и понесся дальше. Там, куда они скатились, из земли торчали вывороченные «с мясом» корни упавшего дерева. За ними можно было кое-как укрыться от метели.

— От добра добра не ищут,— сказал Фенодири.— Да и буря не даст нам двигаться дальше, так что давайте устраиваться здесь.

Сначала их убежище казалось им вполне сносным: ведь сюда почти не попадал снег. Но воздух обжигал холодом, и в ямке под корнями было слишком тесно: сидеть приходилось по очереди. Дыхание замерзло у них на губах, ресницы обледенели.

Ребята натянули на себя всю запасную одежду, и гномы разделили с ними свои плащи. Хуже всех было Гаутеру: ему пришлось засунуть ноги в рюкзак, а сверху завернуться в холодный, влажный, противно пахнущий брезент. Вот тогда-то Дюраторр и поведал Колину о лиос-альфах и своем друге Атлендоре.

— Но куда они подевались и зачем вообще ушли отсюда? — спросил мальчик, когда Дюраторр окончил свой рассказ.

— Лиос-альфары,— отвечал Дюратор,— это эльфы света, они питаются воздухом и росой. Красота для них — это жизнь, а грязь и уродство — смерть. Когда люди предали землю и солнце и отравили воздух дымом фабричных труб, лиос-альфары начали задыхаться. Безобразные кирпичные строения, каменные плиты... все это иссушало их сердца. Они должны были уйти отсюда — или умереть. Где люди, там шум и копоть: им оставалось искать пристанища в пустынных, диких местах. Одни бежали в горы Синадона, другие — на остров Эриу в Западном море, третьи — к южному побережью Динсела. Но большинство отправилось с Атлендором на север, в далекий Прайден, и поселилось там на высоких холмах. Теперь, как видно, кто-то из них вернулся в наши края. Мне неизвестно, зачем они пришли и почему скрываются от меня. Знаю лишь одно: это добрый знак.

Во второй половине дня ветер утих. Ненадежное укрытие больше не защищало от снега, который падал теперь отвесно, бесшумно и беспрестанно, так что замерзшим путникам казалось, будто они поднимаются в открытом лифте сквозь густую, недвижную завесу из белых бус. Время и пространство перестали существовать, лишь порой налетевший ветер на миг отдергивал завесу, нарушая дремотное оцепенение.

Ближе к вечеру Фенодири наконец решился. С тех пор как улегся вихрь, он все время раздумывал: двигаться им дальше или ждать. Двигаться было рискованно: они вполне могли заблудиться, да еще в опасной близости от Кряжа. Но с другой стороны, теперь ему стало ясно, что ночь под открытым небом им не пережить. Уже обволакивала их обманным теплом та смертельная сонливость, что бывает у замерзающих. Снегопад завораживал, сопротивляться не

хотелось... Гаутера и Колина несколько раз приходилось будить.

— Надо идти,— сказал Фенодири.— Нам необходима крыша над головой, иначе к утру она уже не понадобится. Я собираюсь поискать вдоль ручья. Чем меньше следов мы оставим на снегу, тем безопаснее; но все же одному идти неразумно. Фермер Моссок, не составите ли мне компанию?

— С удовольствием,— отозвался Гаутер.— Мне это место уже во как надоело!

И они скрылись за снежной пеленой.

Гаутер и Фенодири прошли с четверть мили вниз по ручью и вышли на проселок немного левее Конглтонской дороги.

— Эй! — сказал Гаутер.— Я знаю, где мы. Вон там, впереди,— Ридсмир, Камышовое озеро, а вокруг него лес: всё больше рододендроны, да мы уж себе что-нибудь смастерим. Лучшего места сейчас и не сыскать.

— Оно может оказаться даже лучше, чем вы думаете, друг мой! — воскликнул Фенодири, и глаза его заблестели.— А я-то и забыл про Ридсмир!

Они повернули назад. Все это время Гаутер старался идти шаг в шаг за гномом, накрывая его следы отпечатками своих башмаков. Теперь они снова наступали на собственные следы, и результат поставил бы в тупик любого следопыта.

Снегу на ровном месте было уже по колено; кое-где намело высокие сугробы.

— Озеро Ридсмир...— бормотал на ходу Фенодири.— Если больше ничего не подвернется, нарежем веток для шалаша. Только нужно спешить, солнце уже село, и значит... О-о!!!

— В чем де...

— Ш-ш! Смотрите!

Проложенную ими дорожку пересекал чей-то след. Никогда в жизни Гаутер не видел таких следов! По снегу тянулась прямая, гладкая борозда в два шага шириной, посредине ее виднелись четкие отпечатки босых ступней. Заостренный большой палец торчал отдельно, вместо остальных четырех — сплошной широкий клин. Отпечатки шли ровной цепочкой: от одного до другого — три человеческих шага.

— Бежим! — выдохнул Фенодири.— Только бы не опоздать!

Меч он оставил в ножнах.

— Мне от этого снега только пить хочется,— пожаловалась Сьюзен.— Я бы сейчас выпила целый бидон молока.

— Ох, помолчи,— простонал Колин.— Бидон — это мне на один глоток!

Вода в ручье была слишком холодная: от нее лишь немело горло и ныли зубы. А во рту оставался сухой, сладковатый привкус изнурения.

Они почти не разговаривали — не было сил — и двигались, только если сводило ноги.

Минут через двадцать после ухода Гаутера и Фенодири у Сьюзен онемели ноги и руки, и она встала, чтобы немного размяться. Потопав и похлопав, она собралась было снова скрючиться в ямке, как вдруг до нее донесся негромкий шорох: словно кто-то брел по глубокому снегу. Она привстала на цыпочки и выглянула из лощины: пора бы им уже возвращаться... И в этот миг порыв ветра откинул снежную завесу и Сьюзен, будто в кошмарном сне, успела разглядеть и запомнить промелькнувшее в десяти шагах от нее существо.

Очертаниями оно напоминало женщину, только громадную, в три мужских роста, несуразно сложен-

ную и притом зеленого цвета. Вытянутый корпус, массивные ноги с широченными выпуклыми бедрами, слишком короткие руки, мускулистые в плечах, но сужающиеся книзу и с крохотными недоразвитыми кистями. Голова маленькая, узкая, почти сливающаяся с шеей. Волос не было, рот едва обозначен, нос приплюснутый, глаза — две темные кляксы. Одето оно было в длинный, до земли, балахон, облепивший тело, как мокрая рубаха. Балахон был того же цвета и, казалось, из того же вещества, что и плоть, тускло поблескивавшая в сумерках. Безобразная малахитовая статуя... которую кто-то оживил.

У Сьюзен чуть не вырвался крик, но шершавая ладонь зажала ей рот, и Дюраторр толкнул ее в снег.

— Лежи тихо!

Несколько секунд она ощущала лишь биение собственного сердца и дрожь земли под удаляющимися тяжелыми шагами.

— Вы... ее видели? — спросила она шепотом.

— Видел. Надо быстрее разыскать моего родича: в другой раз нам так не повезет.

— Что случилось? — окликнул их снизу Колин, но в это время по склону скатился Фенодири, а за ним — запыхавшийся Гаутер.

— Мара!

— Она только что прошла мимо,— сказал Дюраторр.— Нас не заметила: сейчас еще слишком светло.

— наших следов она тоже не разглядела. Идемте скорей: мы нашли укрытие.

— Тогда вперед!

И они торопливо зашагали вдоль ручья.

— Ну что, фермер Моссок, удовлетворено ли ваше любопытство? — спросил Фенодири после того, как Сьюзен закончила свой сбивчивый рассказ.

— Да уж... дальше некуда. И что ж это за твари такие?

— Тролли, верней, троллицы. Из камня вышли они и в камень обратятся, если их настигнет солнечный свет. Но по ночам они всемогущи и неуязвимы. Спасти нас может только смекалка, ибо, на наше счастье, мозг у мары столь же скуден, сколь велика ее сила.

Едва он договорил, как сзади послышался крик, высокий и жалобный, точно возглас ночной птицы, леденящий и беспощадный, как грохот горного обвала.

— Бежим! Она учуяла наш след!

Они уже пересекли тропу, проложенную Гаутером и Фенодири, и углубились в заросли, когда мара вскрикнула снова, на этот раз совсем близко.

— Не разбегаться,— рявкнул Гаутер,— не то пропадем!

Продираться впятером сквозь чащу было не так-то легко. Снег больше не падал; в лесу почти стемнело.

И опять этот крик! Только теперь он донесся спереди, и это было не эхо, а *перекличка*.

— Стойте,— приказал Дюраторр.

Еще один возглас послышался справа, а вслед за ним — треск ломающихся кустов. Выбора не было: в отчаянии беглецы метнулись влево. Голоса продолжали перекликаться.

Дюраторр бежал впереди, расчищая дорогу для Сьюзен. Наткнувшись на сплошную стену кустарника, он заслонил глаза локтями и ринулся напролом. Сьюзен бросилась было за ним, но тут раздался всплеск и сдавленный вопль.

— Что случилось?

— Где это мы?

— В чем дело?

— Куда он провалился?

Сьюзен просунула голову в образовавшуюся брешь. Перед ней темнело бескрайнее зеркало воды.

Берега тонули во мраке. Дюраторр, по пояс в воде, пытался выкарабкаться на сушу. Остальные сгрудились позади.

— Камышовое! И как это я проворонил? — охнул Гаутер.

— Все назад! — пропыхтел Дюраторр.

— Да там же те твари!

— Деваться некуда, — сказал Фенодири, — и времени почти не осталось. Мы еще можем прорваться сквозь цепь. Если успеем.

Колин молча повернулся и побежал обратно, остальные за ним.

— Колин, стой! Пропусти меня вперед, — окликнул его Фенодири.

— Ладно, сейчас... эй, что это?!

— Колин!!!

— Стойте! — завопил Колин. — Здесь тоже вода!

— Что-о? Не может этого быть! А ну-ка погодите...

Гаутер бросился налево, прямо в заросли. Секунд через десять он выбрался оттуда и молча побежал направо. Возвращался он уже не спеша.

— Хотите верьте, хотите нет, — сказал он со вздохом, — но мы на острове.

Глава восемнадцатая АНГАРАД ЗЛАТОРУКАЯ

— И островок-то невелик, — добавил Гаутер.

— Но ведь... нет, не может быть! — воскликнула Сьюзен.

— Знаю, что не может, а вот поди ж ты — кругом вода.

— Глупости! — решительно вмешался Колин.

— Да уж, глупее некуда.

— Ведь мы же...

Но тут послышался смех, и ребята обернулись. Гномы сидели на снегу, привалившись к дереву, и откровенно потешались над их недоумением.

— Это и в самом деле остров,— пояснил Дюратор.— И клянусь священным клинком, я и не чаял, что нынешний день завершится столь успешно.

— Тихо! — приказал Фенодири.— На всякий случай пригнитесь пониже.

По берегу, шагах в пятидесяти от них, метались три растерянные мары. Они жалобно вскрикивали, принимались и подвывали, с корнем выдирали кусты и гнули деревья, пытаясь отыскать упущенный след.

Гаутер поглубже вжался в снег: его отовсюду видно, сейчас эти твари сообразят, что к чему, дошлепают до острова, и тогда...

Утрамбовав вокруг себя все заросли, три нелепые фигуры застыли на берегу, повернувшись лицом к воде.

«Конец,— подумала Сьюзен.— В одежде мне далеко не уплыть».

Но мары стояли неподвижно, сливаясь с подступающей темнотой. Наконец они повернулись и исчезли в лесу. Снова зазвучали, удаляясь, их заунывные голоса, а затем все стихло.

Гаутер поднялся, стряхивая с одежды снег.

— Ну и тупицы! — заговорил Колин.— Как это они нас не нашли? Следы-то небось ведут прямо в воду, тут и слепой бы догадался.

— Чтобы догадаться, нужно иметь разум,— усмехнулся Фенодири.— Они шли по следу, след оборвался у озера. На озере ничего не слышно, следов на воде не видно, значит, там никого нет. На большее у мар не хватает соображения. Так и будут теперь бродить до рассвета, и горе тому, кто выйдет из дому в такую ночь.

— Да, но они же знали, что мы где-то близко,— возразила Сьюзен.— Почему бы им не поискать на острове?

— Положим, они этого не знали: они ведь нас никогда не видели. Они видели только наши следы, которые вдруг пропали. Ведь марам доступно лишь то, что видят их глаза, а от глаз наш остров, как я понимаю, скрыт.

— Скрыт, говорите? — сощурился Гаутер.— Ну спасибо, утешили. Может, все-таки объясните, как мы сюда попали, не замочивши ног, а заодно и как мы отсюда выберемся?!

— Не сомневайтесь, мы просто уйдем на рассвете,— сказал Фенодири.— А до тех пор хорошенько выспимся и отдохнем. Это остров Ангарад Златорукой, Владычицы Озера. Во всей Логрии два плавучих острова: это один из них. Он причалил к берегу, и Владычица указала нам путь к спасению. Нынче ночью мы можем спать спокойно: сама Ангарад оберегает нас от зла.

— Вот радость-то,— проворчал Гаутер. Снег попал ему за воротник, и вообще он до смерти устал.— Ну и где она, эта хозяйка озера? Кругом один снег да деревья, вот вам и теплая постель!

— Она здесь, и мы под ее защитой, хоть сами ее не видим. Теперь поедим немного — и спать.

Ломоть сухого хлеба с куском сыра и горсть снега на закуску — вот и весь ужин. Ребята только червячка заморили, но провизию нужно было беречь. Колин впервые понял, что такое солдатский паек на марше. Теперь он с тоской вспоминал о шоколаде, бездумно проглоченном по пути.

Замерзшая, голодная, с пересохшим горлом, Сьюзен свернулась под деревом на тощей подстилке. Впереди была мучительная ночь: уж какой тут сон, дотянуть бы до утра...

Но она уснула очень быстро. По телу разлилась теплая истома, рассудок напомнил ей, что надо сопротивляться, но она не могла. «Вот так и замерзают на смерть. Ну что ж... и пускай... зато я согрелась... первый раз... за много, много лет...» Снег превратился в перину из лебяжьего пуха. Рядом ворочались и кричали Колин и Гаутер, но она была уже далеко... Сьюзен крепко спала.

Ей снился странный сон. В основном это были отголоски дневных впечатлений, обрывочных, ускользающих и смутных, словно отражение на речной зыби. Но время от времени образы, голоса и события вдруг складывались в единую четкую картину, яркую и осязаемую, будто наяву. А потом картина снова распадалась на отдельные цветные мазки, которые мелькали, кружились и перемешивались, чтобы затем сложиться в новый отчетливый узор.

Вот что привиделось Сьюзен в эту ночь.

Она сидела скрестив ноги на траве под деревьями вместе с Колином, Гаутером и гномами. Перед ними на золотых блюдах громоздились яства и плоды, всевозможные приправы и свежие зеленые листья салата. Камышовое озеро сверкало летней голубизной. Вокруг острова плавали и резвились речные карлы. А между Сьюзен и Колином в длинном белом платье сидела сама Ангарад Златорукая. Высокая и стройная, волосы цвета червонного золота заплетены в длинные косы, на лбу золотой обруч, а голос — как музыка.

Она уже знала все их приключения, и ей тоже было о чем порассказать. На западе, поведала им Ангарад, лиос-альфаров становится меньше с каждым годом. И лишь в далеком Прайдене они еще многочисленны и сильны. Прослышав, что Огнехлад захвачен Гримниром, повелитель эльфов Атлендор, сын Нафа, тотчас

поспешил на юг. По дороге он захворал дымовой болезнью, и Ангарад выхаживала его на острове, пока он не поправился. Но тут от Золотого Камня прибыл речной карл с добрыми вестями об Огнехладе, а поскольку в Прайдене Атлендора ждали важные дела, он решил возвратиться не откладывая. Нынче утром он отправился в путь, торопясь убраться подальше от зараженного воздуха, и задержался лишь над Рэднорским лесом, чтобы перестрелять соглядатаев Морриганы.

Сон продолжался, полный света и смеха, и речные карлы принесли Фенодири и детям чудесные плащи. Они были сотканы из волос муспеллей — огнебородых великанов — и подбиты белой кудрявой шерстью сатиров. Для Гаутера сшили вместе целых четыре таких плаща.

— А ты,— повернулась Владычица к Сьюзен,— ты, кому грозит самая большая опасность, возьми в подарок мой браслет. Пусть он хранит тебя в пути и останется с тобой взамен другого, который придется отдать Каделлину. Береги его: он обладает многими достоинствами.

Она сняла со своей руки ободок светлого металла и застегнула его на левом запястье Сьюзен.

— Да пребудут Спящие в покое.

— Спасибо... спасибо вам.

Щедрость Владычицы Озера глубоко растрогала Сьюзен. Она было даже смутилась, но у Ангарад была такая теплая улыбка...

Видение задрожало, расплылось, и лишь золотые глаза Ангарад, полные солнечного света, ярко сияли среди разноцветных пятен.

— Спасибо,— повторила Сьюзен.

Солнечные глаза померкли.

— Спасибо!

Собственный голос гулко прозвучал у нее в ушах. Пестрый калейдоскоп сновидений сменился серой пе-

ленной пробуждающегося сознания. Сьюзен знала, что вот-вот проснется, а вместе с нею проснутся голод и холод, усталость и страх. В отчаянии она попыталась прорваться обратно в сон — в ту, другую явь,— но серая пелена не пускала.

Постепенно к ней возвращалось окружающее. Воздух вонзился в легкие ледяным кинжалом, на щеку опустилась снежинка. Сьюзен застонала и уткнулась лицом в сгиб локтя. И тут же резко подняла голову и с усилием открыла глаза. Сон еще обволакивал ее, мир казался нечетким, и лишь спустя несколько секунд она убедилась, что ощущение ее не обмануло.

Она была укутана в плащ из красновато-бронзовой шерсти с пушистой белой подкладкой.

Что-то непривычно холодило ей левое запястье. Она выпростала руку из-под плаща и поднесла к лицу. Серебряный браслет!

Остальные тоже проснулись. Колин и Гаутер с вытаращенными глазами ощупывали свои плащи. В ясном морозном небе блестела ущербная луна.

— Но это же был сон!

— ...и речные карлы...

— Быть того не может!

— А ты видела?..

— Я тоже!

— И лето, лето...

— А угощение!

— Ты есть хочешь?

— Нет!

— На снегу-то никаких следов, только наши, что с вечера натоптали.

— Но плащи...

— А это, по-вашему, откуда? — спросила Сьюзен.

— О, это драгоценный подарок! — отозвался Дюратор.

Все обернулись. За возбужденной болтовней они совсем позабыли о гномах.

— А-а, с добрым утречком! — приветствовал их Гаутер. — Хорошо хоть вы-то знаете, что тут происходит. Ведьмы, оборотни, зеленые чудища — это еще куда ни шло... я уж почти привык, а тут на тебе, новое дело! То ли спишь, то ли нет, самому не разобрать. А ну как и вы мне только снитесь?

— Сон и волшебство, — сказал Фенодири, — иногда трудно различить. Разве людям прежде не казалось, что сновиденья сродни колдовским чарам? А Владычица Озера — искусная чародейка. Она знала, что без ее помощи нам не пережить эту ночь. А теперь, в плащах из великаньего волоса, мы можем не страшиться Лютовоя: пусть хоть все ледяные исполины явятся сюда! Но всего дороже — вот *этот* дар Ангарад.

Он показал на браслет. Вещь была древняя, старинной работы. На внешней стороне — тонкая насечка, прорисованная черной эмалью. Кое-где эмаль выкрошилась. Половину ободка занимал простой узор из листьев, а по бокам — два узких прямоугольника, разлинованных ромбиками; внутри каждого ромбика — четыре крапинки. На другой половине — еще два решетчатых прямоугольника, а между ними странные угловатые буквы, Сьюзен таких никогда не видела.

— А почему он такой ценный?

— Это мне неизвестно. Но Ангарад не стала бы носить его просто так, для красоты.

— Но она могла бы мне объяснить, для чего он нужен.

— Вероятно, она полагала, что лучше тебе этого не знать — до поры до времени. Внезапное могущество опасно: даже в добрых руках оно может обернуться злом. Носи его не снимая, береги, как берегла бы Камень, и он не оставит тебя в беде. И пусть он всегда напоминает тебе о той, что дала нам уют и защиту,— нам, чья гибель сняла бы камень с ее души!

— Как это? — удивился Колин.— Что-то я не понимаю! Разве она не за нас?

— Да, но знайте: Ангарад Златорукая — жена отважного полководца, и муж ее с другими воинами покоится в Хранилище. Всего неделя прошла с их свадьбы, когда король призвал своих лучших рыцарей сойти в подземелье и погрузиться в магический сон. Семь дней блаженства — и долгие годы разлуки! Теперь вам ясно, сколь велико ее благородство? Она спасла нас и обогрела, насытила и облегчила нам путь, а между тем, если мы достигнем цели, Ангарад Златорукая не увидит своего супруга еще много, много сотен лет.

Глава девятнадцатая

СТРАННИК

Солнце уже встало, но марам свет его был не страшен. Они полулежали на полу под гигантской львиной головой в пещере Большого Совета. Клыкач и Змеюн со своими свартами были тут же, и не меньше полусотни колдунов и ведьм выстроилось вдоль стен. В углу темнела куча тряпья, каких-то палок и рваных башмаков. Куча шевелилась и подергивалась. На макушке льва стояли Гримнир и Морригана. Над чашей с драконьей кровью разливался багровый свет. Чашу держал на коленях все тот же сморщенный пегий сварт, сидевший на своем обычном месте перед самой львиной пастью. Морригана обращалась к собравшимся на всеобщем языке.

— ...и целый отряд наших сестер истребляют эльфы, а ты ничего не замечаешь! Моссок с детьми пересекает Рэднор из конца в конец, и опять ты ничего не видишь! Они просто прошли мимо тебя! По твоей нерадливости, братец Горлохват, все мы можем нынче оказаться на дне Рагнарока.

— Но их там не было! — завопил Джеймс Генри Ходжкинс. — Если б они проходили мимо, я бы заметил!

— Ты прозевал их, братец. Еще одна оплошность — и пойдешь на корм свартам.

И кстати о Рагнароке: будем говорить прямо. Настронду пока неизвестно, что мы затеяли, но рано или поздно он об этом услышит. И тогда нам всем конец, если только мы до тех пор не сумеем завладеть Камнем. Если кто-то из вас не верит в успех и замышляет спасти свою шкуру ценой предательства, знайте: граница перекрыта, перебежчики будут уничтожены.

Теперь о наших планах. Мы полагаем, что Моссок и дети уже мертвы. Все жилища и другие постройки

были под наблюдением: вероятно, они заночевали в лесу. Гномы крепче людей, но и они едва ли способны выжить в такой мороз под открытым небом; стало быть, мы ожидаем добрых вестей. Поиск должен продолжаться, пока талисман не будет у нас в руках. Если его перехватили эльфы, всем нам придется нелегко.

День будет ясный: тут мы бессильны, свежие тучи придут только к вечеру. Зато теперь их хватит надолго, так что мары и сварты смогут охотиться даже днем. Снегопад нам больше не нужен, он только скроет следы.

Сейчас колдуны и ведьмы, а также распугаи сменят часовых на постах. Передайте им наши распоряжения и помните: наблюдателям сверху все видно, трусы и предатели далеко не уйдут!

Куча тряпья развалилась, и вереница нелепых фигур, тощих и оборванных, будто ожившие огородные пугала, ковыляя, потянулась к выходу из пещеры.

— Нам опасны не столько шпионы Настронда, сколько его знаменитое чутье,— сказала Морригана Гримниру, закрывая за собой дверь кухонного чулана.— За последний месяц он не раз пытался проникнуть в наши мысли. Он может напасть в любую минуту! А на свартов полагаться нельзя, пока мы не внушаем им должного страха. На следующем собрании надо будет «разоблачить» парочку предателей: это лучший способ припугнуть остальных.

Как только небо на востоке посветлело, плавающий остров мягко причалил к противоположному берегу озера — там, где в него впадал обмелевший ручей.

Безлюдная местность, выбеленная снегом, казалась унылой и неоглядной, как пустыня. Укрыться было не-

где, на снегу оставались четкие следы, в застывшем стеклянном воздухе даже приглушенные голоса звучали громко и отчетливо.

Дюраторр предложил идти прямо по ручью, держась поближе к обрывистому берегу. Остальные нехотя согласились. И опять потянулась дорога: шаг за шагом, всё как вчера, только ноги ниже колен совсем заledenели. Зато волшебные плащи не цеплялись ни за какие колючки, а если вывернуть их подкладкой наружу и надеть капюшон, превращались в отличные маскировочные костюмы.

Минут через десять после восхода над головой закружились первые птицы.

Ничего интересного пока не происходило. Они благополучно миновали с полдюжины огородных чучел; да еще четверо «туристов» так и не догадались, что были в двух шагах от цели и на волосок от смерти. Пять пар ног упорно шлепали вверх по течению, пять пар глаз напряженно оглядывались по сторонам.

К полудню они одолели чуть больше мили. Наконец Гаутер остановился.

— Тут вот такая штука,— заговорил он.— Ручей забирает к северу, того гляди приведет нас в Хенбери, а там и до дому рукой подать. Чем тащиться назад, свернем-ка мы лучше во-он туда, где Пайторн — Сорочий бор, а рядом Торникрофтовы пруды. Там есть одна речушка: по ней и придем куда надо. Что скажете?

Однако, чтобы туда попасть, нужно было пройти краем поля, пересечь проселок, миновать сторожку при въезде в поместье Торникрофт и еще шагов двести пятьдесят пробежать по парку.

До проселка им удалось добраться незамеченными. Но сторожка и голый парк... это, пожалуй, будет трудней вчерашнего! Они затаились в придорожных кустах, не решаясь двигаться дальше.

— Ничего не выйдет,— мрачно сказал Дюраторр, щурясь от снежного блеска.— А отсиживаться здесь дотемна — чистое безумие.

— А почему обязательно туда? — спросил Колин.— Других дорог, что ли, нет?

— Как не быть,— отозвался Гаутер,— да только нам они не годятся. На север нельзя, попадем обратно в Олдерли, а коли взять южней да в обход — придется идти через Госворт: место гиблое, туда и в добрые-то времена соваться не стоит. Нет уж, по мне, так лучше Пайторна не сыскать: и к воде поближе, и от нечистой силы подальше.

— Ладно, ваша взяла,— согласился Фенодири после недолгих пререканий.— Но как же все-таки туда добраться?

— Придется рискнуть,— сказал Гаутер.— А хоть бы кто и попался навстречу — им до нас небось и дела нет. Про птиц-то я не забыл, но на дороге уже порядком натоптано, следов не разобрать, да и в парке тоже. Коли шагать с оглядкой, чуть что — хлоп на снег, руки-ноги под плащ — глядишь, все и обойдется. Я пойду вперед, в случае чего подам вам знак. А вы обождите минут двадцать и ступайте по главной аллее напрямик до господского дома. Увидите две тропинки — только бы их до нас утоптали! — берите правей и придете в лес. Там и встретимся.

— Фермер Моссок,— воскликнул Фенодири,— да вы настоящий полководец! Ваша смекалка скорей приведет нас к цели, чем мои неповоротливые мозги.

— Скажете тоже! — хмыкнул Гаутер.— Просто я не люблю сидеть без дела.

Он взглянул на небо — путь свободен,— перешел дорогу и скрылся за воротами парка.

Через двадцать минут за ним последовали Дюраторр и Сьюзен, а еще через десять — Колин и Фенодири.

— Сторожка еще ничего,— отдышавшись, проговорила Сьюзен,— но когда пришлось идти мимо дома, прямо под окнами... я чуть не упала со страху!

— А мы вообще два раза плюхались в снег,— отозвался Колин.— Видел бы кто, подумал бы, что мы психи!

— Да и мне было малость не по себе,— признался Гаутер.— Как по-вашему, все в порядке?

— Похоже, птицы нас не заметили,— сказал Фендири.— И в доме как будто никого не было. А ты что скажешь, братец?

— Я никого не видел и ничего не слышал. Кажется, обошлось.

Но не знали они, что старый болтун Джимми Траффорд, низенький, неприметный человек, по четвергам уходил с работы пораньше. В половине третьего он уже уселся в излюбленном уголке трактира и без труда завладел вниманием четырех своих знакомцев.

— Ну и холодина же на дворе! — начал он, потирая руки.— Лет, кажись, одиннадцать назад тоже об эту пору подмораживало, но уж не так, как нынче! Да в такую погоду и свихнуться недолго — кое-кто уже и свихнулся, я сам видел, двух часов еще не прошло. Да вы послушайте! Обхожу это я напоследок дом, проверяю печи, не надо ли где угля в ящик подложить, у меня ведь с обеда выходной... Смотрю, в одной комнате огонь совсем потух, ну я и нагнулся поворошить. А как стал разгибаться, глянул в окно, и что же я там вижу? Нипочем не отгадаете! Два вот такусеньких человечка топают по тропе к Сорочьему бору. Пальтишки на них белые, аж до пят, капюшоны до носа, а сами всё озираются, по сторонам так и зыркают, только что не задом идут. У того, что поменьше,— борода, желтая, что твоя солома. Говорю же, своими глазами видел!

Встряхнул я головой, думал, примерещилось, иду в другую комнату. Там огонь горит хорошо, кусок-другой я подбросил в ящик, прохожу опять же мимо окна, а эти-то снова тут! Который поменьше — с бородой, только борода теперь черная!

И назад-то они оглядываются, и по сторонам озираются... да вдруг как шлепнутся носом вниз и руки-ноги под себя поджимают, ну вылитые черепахи! Их на снегу-то почти и не видно. Чтоб мне провалиться, если вру! Полежали минуточку-другую, встали зачем-то спина к спине — и бочком, бочком по дорожке. И вдруг опять — хлоп наземь, а я гляжу и глазам своим не верю. Добрались они, стало быть, до опушки, пригнулись пониже — и бегом, только пятки засверкали. Говорю вам, это у них от холода, если так пойдет — мы все тут спатим... Эй, Фред, ты куда? Что это с тобой — захворал, что ли?

Хлопнула входная дверь.

— Чего это он сорвался с места? Эй, парни, гляньте-ка на Фреда: ишь как чешет по улице, будто на нем штаны горят!

— Я ж говорю, это все проклятая погода.

Сорочий бор на самом деле совсем невелик. Большую часть его занимает узкий перешеек между двумя озерами в имении Торникрофт. Здесь поджидал их Гаутер, и здесь же они решили передохнуть хотя бы час перед тем, как двигаться дальше.

— Сторожить будем по очереди,— сказал Фенодори.— Мы с Дюратрором ночью, а днем, на привалах,— вы. Согласны?

Все завернулись в плащи и позабыли про холод. Даже промокшие, ледяные ноги быстро согрелись, и усталые путники погрузились в сон.

Колин вызвался де-
журить первым. Он си-
дел на пне и смотрел
вокруг, впервые заме-
чая красоту морозного
дня. Воздух был непо-
движен, солнце сверка-
ло, но не грело, и на
каждой ветке, на каж-
дом тонком прутике
лежал невесомый слой
серебристого снега.
Сорочий бор оделся в
кружева! Утром по озе-
ру Ридсмир плавали
льдины, но здесь, на
пруду, блестела сплош-
ная гладь синевато-
стального льда.

Посредине замерз-
шего пруда был ост-
ров. Деревья на нем
росли так густо, что
земли не было видно:
казалось, они тянутся
прямо из воды. И по-
чему-то Колину стало
мерещиться, будто там,
за деревьями, что-то
есть. Особенно если
смотреть не прямо на
остров, а отвести глаза
немного в сторону...
Сначала он не был
уверен, потом не мог
разобрать, что же это

такое, и вдруг, как на загадочной картинке, сквозь путаницу ветвей проступил четкий контур. Колин разинул рот. Старинная башня! Полуразрушенная, квадратная, со всех сторон окруженная такими зарослями, что, будь у Колина чуть поменьше свободного времени и хоть какое-нибудь занятие, он ни за что бы ее не разглядел.

Интересно, подумал он, тихо посмеиваясь, а как другие? Разгадают головоломку сразу или нет? И продолжал наблюдать.

Скоро он понял, что башня действует ему на нервы. Она как будто уставилась на него черными провалами бойниц. Колин пробовал поворачиваться к ней спиной, но так было еще хуже. Ерунда, уговаривал он себя, никого там нету, просто игра воображения, у старых башен всегда зловещий вид. Но к острову все же пришлось повернуться лицом.

Тогда он попробовал водить глазами слева направо, от одного берега до другого, старательно огибая опасное место. Но остров так и притягивал взгляд! Воображение у него всюду разыгралось. Он живо представлял себе, как поднимет глаза и увидит... что-то он там увидит? Он уже почти не сомневался, что это «что-то» существует на самом деле. Теперь оставалось только одно. Колин вздохнул поглубже, тряхнул головой — и в упор поглядел на башню.

Он так заорал от испуга, что гномы мгновенно вскочили на ноги. Там, на краешке острова, откуда-то взялся всадник, одетый в черное. До него было шагов сорок, не больше. Он сидел на черном коне и смотрел на Колина.

— Что случилось? — не понял спросонья Фенодири.

Колин ткнул пальцем в сторону острова. Всадник тронул коня и шагом направился к ним. Конь осторожно ступал по льду; все молчали.

Незнакомец был высок, худощав и с головы до ног закутан в длинный плащ. Черные сапоги с серебряными шпорами доходили ему до колен, на голове чернела широкополая шляпа. Черные с зеленым отливом, цвета воронова крыла, волнистые волосы падали ему на плечи, обрамляя узкое загорелое лицо. В ушах поблескивали золотые серьги, а глаза светились холодным синим огнем, как негасимое пламя внутри Огнехлада.

Подъехав ближе, он осадил коня:

— Я искал вас.

Голос низкий, глубокий, но с какой-то знакомой мягкой напевностью: не то шотландской, не то ирландской, а может, валлийской. У Гаутера и детей отлегло от сердца.

— Привет тебе, Странник,— сказал Фенодири.— Вчера мы видели тебя издалека и сами себе не поверили. Не хочешь ли зайти под деревья? Нас преследует Морригана со всей своей сворой: у них повсюду шпионы.

Незнакомец поглядел на небо:

— Я так и подумал, что это не просто птицы.

Он спешил и завел коня поглубже в лес.

Фенодири торопливо пересказал все их злоключения. Тот, кого называли Странником, слушал не прерывая.

— И стало быть, в пятницу на рассвете мы должны взойти на Шатлингслоу, куда прибудет Каделлин Сребровласый. Иначе наш мир окажется на краю гибели. Согласен ты отправиться с нами и помочь?

Синие глаза смотрели мимо них. Наконец Странник заговорил:

— Я не могу остаться с вами. На севере беспокойно: там собирается гроза еще хуже этой. Лиос-альфарам не справиться в одиночку. Меня послали за помощью к их друзьям и сородичам. Много месяцев

провел я в пути, побывал на западе, на юге, в неприступных горах Синадона и должен еще до исхода недели вернуться в Прайден с ответом.

Я задержался в этих краях, чтобы просить о помощи. Но Хранилище было закрыто, кругом одна нежить. Буря застигла меня на пути к Ангарад Златорукой. В сумерках закричали мары, и я поспешил укрыться на этом острове. До него пришлось добираться вплавь — я промерз и опасался уснуть, пока солнце не встало.

Вечером я отправляюсь в путь — долг призывает меня на север. Но до тех пор я в вашем распоряжении. Я оставляю вас в Мэкзфилдском лесу, когда стемнеет. Что вы на это скажете?

— О, тогда мы будем почти у цели,— вздохнул Фенодири.— Но увы! Мы не можем идти напрямик: днем за нами наблюдают с неба, по ночам охотятся мары. Ради благородного дела нам приходится ползти на брюхе!

— Но теперь вы поедете верхом,— рассмеялся Странник.— Да-да, я не шучу!

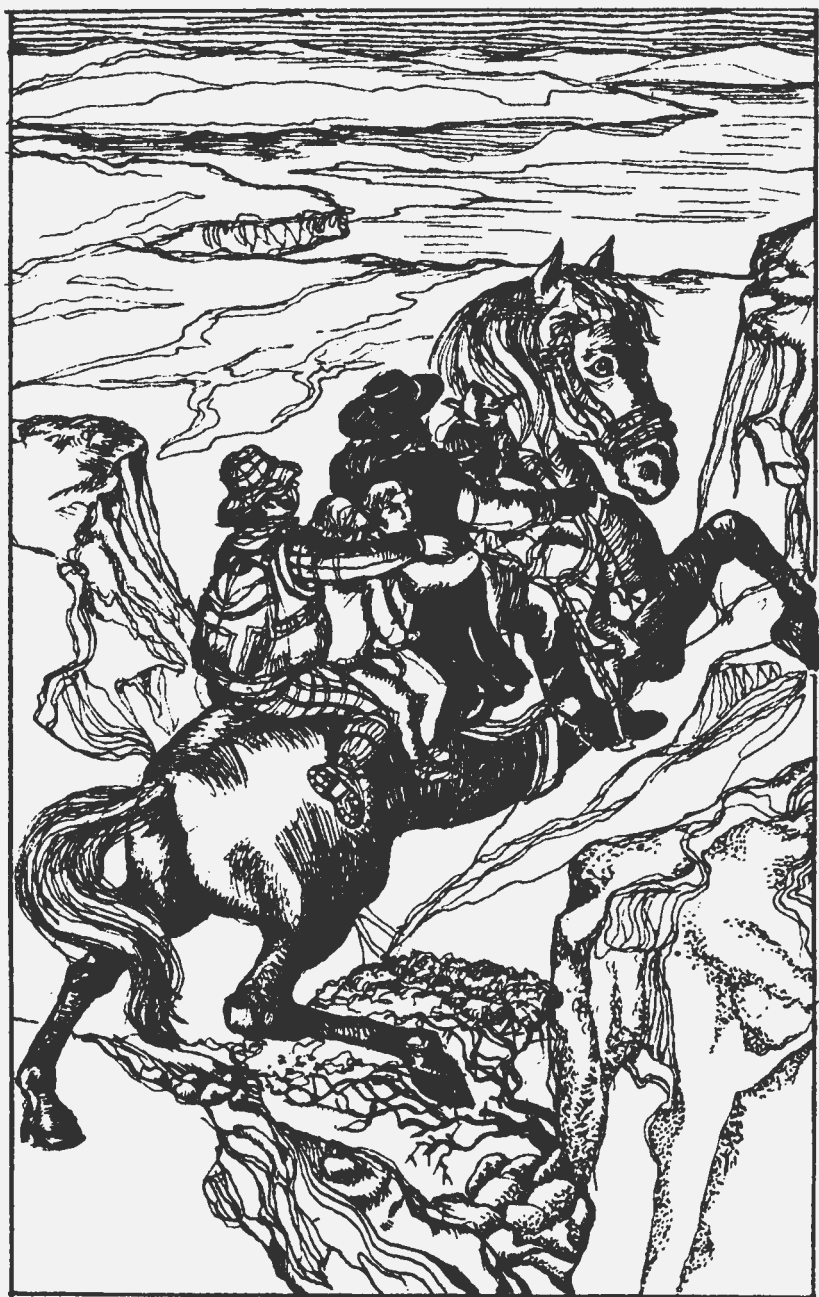
— Ой, смотрите! — У Сьюзен даже голос сел от испуга.

За разговором они не заметили бесшумно подкравшегося тумана. Он обступал их клубящейся белой стеной: вот уже дальний край озера затянулся молочной дымкой.

— Гримнир! — процедил Дюраторр.

— Пф! — отмахнулся Странник.— Ничего подобного. Сядьте и не страшитесь. Ясное небо, снег, мороз, каких-то два часа до темноты — самое время для славного, густого тумана, чтоб залепить глаза всякой нечисти и облегчить нам путь. Я только этого и ждал. А теперь — на коня!

Туман окружил их плотным облаком.

— Эй, постойте-ка,— вмешался Гаутер.— Прежде чем взгромоздиться вшестером на одну конягу, хотел бы я знать, куда мы поскачем в этукую муть? Я и ног-то своих не вижу!

— Не тревожьтесь, дружище. Мои глаза вашим не чета, да и конь мой не здешней породы, он не запнется. Ну, живей, не век же нам тут препираться! Залезайте, уместимся.

И они уместились. Впереди, тесно прижавшись друг к дружке,— Дюраторр и Фенодири, затем Странник, позади него — Колин и Сьюзен, а уж за ними Гаутер: он обхватил руками обоих ребят и крепко вцепился в одежду Странника.

Гаутер был уверен, что не продержится и минуты, если, конечно, лошадь сдвинется с места. Но всадник лишь тронул повод — и они понеслись как вихрь. Конь бежал на диво нетряским, плавным галопом: кочки, изгороди, канавы так и летели из-под копыт. Снег заглушал все звуки, вокруг был непроглядный туман. Только ветер свистел в ушах да мороз леденил и жег посиневшие руки и лица.

Поля и пастбища остались позади, местность пошла дикая, неровная, но конь ни разу не споткнулся. Внизу мелькали глубокие рвы, с обеих сторон зловеще темнели какие-то шербатые стены: точь-в-точь развалины древней крепости. Казалось, они мчатся сквозь время назад, в эпоху варваров, хоть это и было всего лишь Даново болото с брикетами торфа, сложенными в штабеля.

Ров за рвом перескакивал дивный конь, и каждый ров — лишнее препятствие для нечисти, вздумай она пуститься в погоню. Кто-кто, а Странник умел запутывать след! Наконец они достигли предгорий и очутились на пустынной дороге среди холмов.

— Вот и бор.

Странник повернул коня: прыжок — и они уже под деревьями. Широкая тропа вела вверх по склону, меж ровными рядами елей. Теперь они ехали шагом.

— Я не буду останавливаться, чтобы не прерывался след. Прыгайте на ходу. Своих следов не прячьте, спешите укрыться в чаще. Позже здесь появятся лисы: не троньте их.

— А ты как же? — спросил Фенодири.— Не дело это — разъезжать в одиночку после заката.

— Пусть попробуют за мной погоняться! Я помчусь мимо Ясной горки, мимо Кошачьего Зуба и Ветреных Скал и увижу, как солнце встает над трехглавой вершиной Эйлдона. Нежить туда не сунется.

Они распрощались со Странником и друг за дружкой попадали в снег.

— Здесь вы будете в безопасности,— крикнул он, обернувшись,— только делайте, как я сказал! И передайте Каделлину, что я желаю ему удачи!

Дюраторр последним спрыгнул с коня; пока он поднимался на ноги, силуэт всадника с воздетой в прощальном приветствии рукой незаметно растаял в тумане.

— Лучше все-таки не оставлять следов,— проворчал Колин.

— Тут ничего не поделаешь,— сказал Фенодири.— И по-моему, Странник знает, что говорит. Наше дело — спрятаться получше, так что — вперед! Ветки не задевайте, не то стряхнете снег.

Деревья росли довольно густо, нижние ветви свисали почти до земли. Детям и гномам пришлось ползти на четвереньках, а уж Гаутеру — на животе. Они двигались вниз и в сторону от тропы.

Наконец Фенодири остановился:

— Вот, кажется, подходящее место. В трех шагах ничего не видно, даже и без тумана. Устраивайтесь поудобнее: здесь мы пробудем, пока не настанет время отправляться на встречу с Каделлином.

Две легкие тени бесшумно скользили по тропе. Увидев примятый снег и след, уходящий в чащу, они остановились и принялись. А потом вдруг начали кувыркаться и кататься по склону: две лисички-сестрички, резвящиеся в зимнем бору. Когда на тропе не осталось ни единой вмятины от башмаков, они устремились дальше по следу, возясь и барахтаясь в пушистом снегу.

Гномы слышали их, но пока не видели и на всякий случай вытащили мечи. Но вот лисички подкатились совсем близко и уселись рядышком на снег, тяжело дыша, вывалив красные языки и прищулив глаза в проказливой ухмылке.

Так они глазели друг на друга, и Дюраторр уже собирался заговорить, но тут лисы взмахнули хвостами и умчались прочь.

— Спасибо,— тихо сказал им вслед Фенодири.

— За что? — спросил Колин.— Что они такого сделали?

— Следы наши замели,— отозвался Гаутер.— Вот уж ловко так ловко, ничего не скажешь!

— И притом лисий запах намного сильнее, чем ваш или наш,— усмехнулся Дюраторр.

Ночью, когда другие спали, он услышал, как пронесся мимо и затих за холмом собачий лай и опять улыбнулся в темноте.

Глава двадцатая ЧЕЛНОЧНАЯ ГОРА

В эту последнюю ночь они спали мало. Остаток дня прошел в бездействии; нервы у всех были напряжены до предела. Холод их не мучил, есть и пить не хоте-

лось: одной чудесной трапезы у Ангарад Златорукой хватало на много дней. Им оставалось только ждать — и думать. Еще они жевали бутерброды: не от голода, а от скуки.

Казалось, ночь никогда не кончится. Говорить было не о чем; они сидели молча, завернувшись в плащи, — пять едва различимых фигур на белом снегу.

Снег осветлил всю округу, и хоть ребята еще не научились видеть ночью, как гномы, зрение у них словно обострилось и четкие силуэты деревьев перестали сливаться в сплошную темную массу.

С каждым часом напряжение нарастало. Наконец Фенодири сказал:

— Рассвет уже близок. Вы готовы?

Они поднимались по тропе на вершину холма. На снегу по-прежнему виднелись отпечатки копыт, но их перекрывали свежие следы, оставленные собаками, свартами и кем-то еще.

Мэкзфилдский бор остался внизу, и они выбрались на плоскую, унылую возвышенность. На дальнем ее краю, в полумиле от них, в бледном предутреннем свете чернела Шатлингслоу — Челночная гора.

Они застыли на месте, не в силах вымолвить ни слова: вот она перед ними, заветная цель!

— Так близко,— пробормотал Дюраторр.— Но доберемся ли мы до вершины?

Они огляделись. На плоскогорье лежал глубокий, нетронутый снег. Ни деревца, ни кустика, только темные валуны да цепочки скал. Стоит раз шагнуть в эту белую пустыню, оставить свой след — и пути назад уже не будет. И что за безумие — идти по голому полю, у всех на виду! Они уже так привыкли прятаться, что открытое пространство внушало им страх: даже у

гномов кружилась голова и подкашивались ноги при взгляде на далекий горизонт.

Но вот Гаутер расправил плечи.

— Пошли,— сказал он сурово,— чего зря стоять.

И первым зашагал по снежной целине.

Идти было нелегко, карабкаться в гору — тоже, зато никакой нежити пока не было видно. Они лезли вверх, цепляясь руками и ногами за почти отвесный склон. Вверх и вверх! Легкие разрывались от напряжения, сердце выскакивало из груди... Еще тридцать футов — и вот она, вершина! Они добрались до нее, все-таки добрались!

Задышавшись, они повалились на плоскую макушку горы. Вокруг был воздух — и больше ничего. Когда утихли первые восторги, они отползли друг от друга и улеглись полукругом: так им были видны все окрестности, только южную сторону загораживал дальний конец гребня. Площадка была неширокая, в несколько шагов, и они могли переговариваться вполголоса.

До рассвета оставалось не больше получаса: так, по крайней мере, считал Фенодири. Все пятеро нетерпеливо всматривались в даль: не покажется ли Каделлин? Дюраторр чуть не принял за него одинокую мару, торопливо пересекавшую далекий склон. Небо заметно посветлело. На юге, на севере и на востоке теснились горы и горки; к западу простиралась равнина, затопленная отступающей тьмой.

— Не пора ли ему появиться? — спросил Колин, с тревогой глядя вниз: там, на заснеженном плоскогорье, ясно виднелась протоптанная ими тропа. Остальные посматривали туда же.

— Солнце еще не взошло,— сказал Фенодири.— Он придет.

Но он не пришел. И глупо было делать вид, что еще не рассвело. Солнце пряталось за плотной пеленой туч, но день уже наступил.

— Ну что ж,— заговорил Гаутер,— выше головы не прыгнешь. А будем здесь торчать — стрясут нас, как яблочки!

— Надо ждать до последнего,— сказал Фенодири.— Все равно теперь нам от них не скрыться.

— Удачный денек, ничего не скажешь! Пятница, да еще и тринадцатое.

— Так и есть,— отозвался Дюраторр.— *«Меж девятью и тринадцатью черное лихо придет».*

Путников охватило уныние. Их следы на снегу так и бросались в глаза! А Каделлина все не было.

Над заснеженными холмами замелькали черные пятнышки — по одному и стайками. От Кряжа, смутно темневшего вдалеке, отделилась и поплыла над равниной светлая струйка дыма. Только это был не дым.

— Вот *теперь*,— сказал Дюраторр,— если Каделлин не поторопится, он может и опоздать.

Черные пятнышки выстроились в колонну, а затем разбились на патрульные отряды. Два из них полетели в сторону гор: один, очевидно, собирался обогнуть Челночную с севера, другой — с юга. Когда «северный» отряд заскользил над плоскогорьем, путники замерли в ожидании. Всем им хотелось зажмуриться. Впрочем, ждать пришлось недолго. Вожак развернулся в воздухе, покружил над отпечатками ног, и вся стая круто спикировала вниз и полетела по следу.

— Не двигаться! — прошептал Фенодири.— В этом наше спасение.

Но увы, на таком небольшом расстоянии плащи не смогли уберечь их от острых вражеских глаз. О, какой тут поднялся шум, и гвалт, и хлопанье крыльев! Как ринулись черные твари на юг и на север, на восток и на запад — скорее, скорее подать сигнал! Одна или две остались караулить добычу: они кружили над площадкой в зловещей, пристальной тишине. Темные пятнышки, разбросанные по серому небу, разом устреми-

лись к Челночной горе. Стая за стаей слетались на зов, переключаясь пронзительными голосами. Где-то невдалеке одиноко скулили мары и раздавался надсадный лай: тот самый, что слышали дети в доме у обрыва и гномы в ночном лесу. Воздух над плоскогорьем уже почернел от птиц.

Дюраторр поднялся на ноги:

— Как по-твоему, братец, это конец?

— Может статься.

— Где же Каделлин Сребровласый?

— Откуда мне знать? Должно быть, мертв или пленен: во всяком случае, мы пропали.

— А вдруг он идет оттуда,— закричал Колин, показывая на юг,— и нам его просто не видно?

— Ах я дурень! Скорей туда — еще не все потеряно!

Птицы не дали им добежать до южной части гребня.словно черная туча обрушилась на беглецов: клювы, когти, хлещущие крылья... Хуже всех приходилось Сьюзен. Птицы облепили ее со всех сторон, мертвой хваткой вцепились в одежду и волосы и с *человеческой* силой куда-то поволокли. Но тут их настигли Дирнуин и Вдовий Плач.

Взад-вперед по гребню горы катался кричащий, каркающий клубок. Земля под ногами превратилась в черно-красное месиво, но в битву бросались все новые полчища птиц, и лишь когда четверть их была перебита, остальные наконец отступили.

Дюраторр и Фенодири тяжело дышали, опираясь на мечи. Вид у всех пятерых был ободранный, из глубоких царапин сочилась кровь.

— Еще немного — и я бы не выдержал,— прохрипел Фенодири.

— Да,— кивнул Дюраторр,— если они нападут снова, нам несдобровать.

Гаутер поудобней перехватил свой посох из ясеня, с успехом заменявший ему дубинку, и показал куда-то вдаль:

— А вон еще гости собираются. Что бы нам такое придумать, да поживей?

К Челночной горе со всех сторон стекалась нежить. Вся округа была густо усыпана бегущими фигурками, лишь на юго-западе еще виднелся просвет. Никто пока не карабкался на гору, но ее окружали со всех сторон. С востока, от Кабаньего ущелья, поднималась колонна из пятисот вооруженных свартов! Только Каделлина нигде не было видно.

— Братец, можем мы преградить им путь? — спросил Фенодири.

Дюратор покачал головой:

— Силы слишком неравны. Но мы постараемся как можно дороже продать свою жизнь. Именно так я всегда мечтал умереть!

— Вы как хотите, — сердито крикнула Сьюзен, — но Огнеклад я им так просто не отдам! Можете их дожидаться, а я пошла.

И она помчалась сломя голову вниз по склону — туда, где нежить еще не сомкнула ряды.

— Сью, вернись! — испугался Колин.

— Молодчина Сью! — воскликнул Гаутер. — Она знает, что делает. А мы-то что ж? Неужели отпустим ее одну?

И они припустили следом. Скользя и падая, увязая в снегу, не обращая внимания на ушибы, рискуя поломать ноги, они катились по склону под истошные крики птиц.

Крутой спуск остался позади, и бежать стало труднее. Глубокий снег сковывал движения, словно в кошмарном сне. Камни, пучки камыша, травянистые кочки подворачивались под ноги на каждом шагу. Птицы кружили прямо над головой, но пока не нападали.

Сьюзен неслась через Пигфордское болото. По обе стороны от нее бежали гномы с обнаженными мечами. Иногда на пути попадалась компания свартов или растопыривалось огородное пугало, но при виде сверкающих клинков все отскакивали назад и спешили смешаться с толпой у подножья горы.

По дну низины протекал ручей, которого Сьюзен впопыхах не заметила. Это стоило им промокшей одежды и нескольких драгоценных секунд. А потом был еще один подъем, отнявший у них последние силы. Задыхаясь, они карабкались вверх, но склон горы выгибался так круто, что линия горизонта — а с ней и обманчиво близкая вершина — все время отступала. Когда же они взобрались на гребень и оказалось, что это всего лишь широкий уступ, за которым опять вздымается круча, все, кроме Дюраторра, упали как подкошенные.

Дюраторр оглянулся назад. Пигфордское болото было пустынно, лишь кое-где темнели ковыляющие фигурки. Однако шум погони приближался: должно быть, нежить уже перешла ручей.

— Вперед! — рявкнул он.

Но они еще не достигли вершины, когда на краю уступа показались преследователи. Широколапые, легко скользящие по снегу сварты и неутомимо подскакивающие распугаи, как видно, обогнали остальных. А во главе — о ужас! — шагала огромная серая мара и перед ней, опустив безглазые морды и разинув багровые пасти, бежали обе Морриганины ищейки.

— Меня не ждите! — крикнул Дюраторр и обернулся лицом к погоне.

Секунду Фенодири поколебался, потом кивнул и, побелев как снег, подтолкнул остальных вперед.

Собаки приближались. Та, что бежала первой, навострила уши и перешла на шаг.

— Ха! — подал голос Дюраторр.

Зверюга остановилась.

— Ха!

Пес прыгнул, Дюраторр увернулся и пронзил его мечом снизу вверх. Зверь издох, не успев коснуться земли, но, падая, он выбил меч из рук Дюраторра — и в это время прыгнул второй. Но в схватке Дюраторр был подобен молнии, и смертоносные клыки, не достигнув горла, сомкнулись на руке, которую он вогнал по локоть в разверстую мокрую пасть. Под тяжестью пса он повалился навзничь, и пока они боролись, катаясь по земле, мимо них тяжело протопала мара.

Дюраторр вытащил из-за пояса кинжал, и со зверем было покончено. Но он уже ничем не мог помочь остальным. Мара воздвиглась над ними, как двадцатифутовая каменная башня. Фенодири отважно бросился вперед, но Вдовый Плач со звоном вылетел у него из рук — только искры посыпались от удара. Троллица невозмутимо наклонилась над Сьюзен и, ухватив ее за запястье, как куклу вздернула вверх.

Раздался душераздирающий крик, такой пронзительный, что замерли даже сварты и птицы перестали галдеть. Дюраторр закрыл лицо руками и застонал; слезы хлынули у него из глаз. Снова крик, уже не такой громкий. Сердце у Дюраторра чуть не разорвалось. Еще один слабеющий вскрик. И еще. С безумным воплем Дюраторр вскочил на ноги и потянулся было за мечом, но тут же вновь опустил на колени, совершенно ошарашенный.

Перед ним, упав с высоты, лежала на снегу обмякшая Сьюзен. А рядом застыла мара, и она уменьшалась на глазах! Она таяла, как брусок масла на горячей сковороде, оплывала, превращаясь в бесформенный ком. Раздался последний, чуть слышный стон, и больше она не шевелилась. На заснеженном склоне осталась недвижная серая глыба.

Сьюзен ничего этого не видела: она еще не пришла в себя. Первое, что бросилось ей в глаза, когда в голове перестали крутиться огненные спирали, был браслет Ангарад, смятый и покореженный каменной рукой.

— Ты не расшиблась, детка?

— Как это у тебя получилось, Сью?!

— Не знаю... У меня всё цело. Это, наверно, браслет помог, только не пойму как.

Сварты и распугаи на миг растерялись, и Дюраторр тотчас воспользовался случаем. Он повернулся к толпе и громогласно спросил:

— Видели вы, как гибнут неуязвимые? Если такова участь мары, что же станет со всеми вами? Кому жизнь дорога — поворачивайте назад, бойтесь нашего гнева!

Нечисть попятилась. Но тут подоспели колдуны и ведьмы, а их было не так легко запугать. Дюраторр лишь выиграл немного времени, пока Сьюзен собиралась с силами.

И в этот миг, уже утратив надежду, он увидел одинокого путника на вершине Шатлингслоу. Высокий, одетый в белое, он повернулся и начал спускаться с горы. Ему нужно было пройти около двух миль.

Дюраторр бросился к остальным. Они тоже видели.

— А те твари, кажись, ничего не заметили,— пробормотал Гаутер.— Как бы нам, покамест продержаться?

— По такой дороге ему идти не меньше часу,— сказал Фенодири.

Нежить между тем пререкалась со свартами: все кричали друг на друга и размахивали руками. Свартам вовсе не хотелось разделить участь мары, а колдунам — испытать на себе остроту Дирнуина. Громче всех орала Морригана, закутанная в черную мантию:

— Труссы! Лгуны! Их же только пятеро! Хватайте их, кому говорят!

Дольше медлить было нельзя.

— Вперед, — скомандовал Фенодири. — Против нее нам сейчас не устоять: поищем, где можно укрепиться.

До вершины холма оставалось от силы сто шагов. Как только они сдвинулись с места, следом хлынула нежить. Поднимаясь, они еще на что-то надеялись, но, перевалив через вершину и очутившись на узкой, глубокой, похожей на ущелье тропе, по которой с обеих сторон уже мчались колдуны, они поняли, что все кончено. И как ни странно, им стало легче. Скоро можно будет сбросить с плеч невыносимое бремя ответственности, а как — не все ли равно?..

— Бежать, пока ноги держат! — крикнул Фенодири и, подтянувшись, выбрался из ущелья. — На простор, где можно размахнуться!

Остальные тоже пустились напрямик, но не тут-то было. Распугай с длинными палками столпились у них на пути.

— В круг! — закричал Гаутер. — Колин, Сьюзен — в серединку!

И они приготовились к бою, и со всех сторон повалила на них нечистая сила.

— Не убивать! Взять их живыми! — завизжала Морригана. — Вы мне за них ответите!

Гномы и Гаутер бились молча, ожесточенно, спина к спине. Между ними съежились дети. Звериные вопли, предсмертные хрипы и взвизгиванья свартов разносились по всей округе. Стремительные клинки Дюратора и Фенодири соткали в воздухе сверкающий купол. А там, куда опускалась палица Гаутера, трескали черепа и хрустели кости. Выстоять, продержаться, пока не подоспеет волшебник, — в этом была их последняя надежда, но всякий раз на месте павшего врага вырастал следующий... и еще один, и еще один, и еще!

Минутное замешательство наступило, когда у Гаутера из рук выбили дубинку. Но он схватил в каждую

руку по кистеню, брошенному свартами, и продолжал крушить направо и налево. Глядя на него, и ребята вооружились и тоже вступили в бой.

Какое-то время перевес оставался на их стороне. Но это была последняя вспышка догорающей свечи. Всё произошло мгновенно: метко пущенный молот угодил Фенодири выше локтя, раздался страшный, сухой треск — и рука с мечом бессильно повисла. Оборона была прорвана, миг промедления грозил гибелью, и Дюраторр решился. Не прекращая работать мечом, он протянул назад свободную руку:

— Камень! Дайте мне Камень!

Ни о чем не спрашивая, Сьюзен пригнулась за спиной Гаутера, сняла браслет и застегнула его на запястье Дюраторра. Сразу дюжина рук вцепилась в нее, пытаясь оттащить назад, но было уже поздно. Дюратор-

рор взмыл в воздух, белый плащ Вальхам развернулся у него за спиной, и он полетел в сторону Шатлингслоу в последней, отчаянной попытке спасти Огнехлад.

В тот же миг на него набросились птицы, и он скрылся из виду — будто нырнул в грозовую тучу. В середине тучи молнией засверкал Дирнуин, и на землю градом посыпались черные твари. Но и белые перья, кружась, полетели вниз, и все больше их было, окрашенных алой кровью.

Сражение на земле прекратилось: все лица запрокинулись к небу. В медленно движущейся туче Дюратрора не было видно, и дождь из мертвых птиц почти перестал.

Немного ниже на склоне горы прилепился небольшой круглый пригорок с буковой рощицей на макушке. Посреди рощи виднелась проплешина, а на ней,

точно палец, указывающий в небо, торчал высокий каменный столб. Называлось это место Клелоу — Приметный бугор.

Здесь и завершилось побоище. От орущего облака отделился изорванный белый клочок, завис на секунду в воздухе над деревьями и с треском обрушился вниз.

К нему с победными воплями кинулись сварты и распугаи. Заслышав их, Дюраторр пошевелился и поднял голову. Потом он ухватился за ствол дерева и медленно, мучительно поднялся на ноги. Качаясь, ковыляя от дерева к дереву, он взбирался вверх по склону. Кольчуга на спине была разодрана пополам, от Вальхама остались лохмотья. Порой он останавливался, пошатываясь, и чуть не опрокидывался навзничь, но удерживал равновесие и, наклонившись вперед, изнемогая от ран, всей тяжестью опираясь на меч, упрямо брел к вершине.

Так он добрался до каменного столба. Прислонившись к нему спиной, он снял с себя пояс, пропустил его под мышками и крепко-накрепко пристегнулся к столбу, чтобы не упасть. Потом он ухватил Дирнуин обеими руками и стал ждать.

В десяти шагах от него, на краю поляны, замерли сварты. Они с опаской поглядывали на меч. Но затишье было недолгим.

— У него Камень! — взвизгнула подоспевшая Морригана. — Взять его!

— Гондемар! — прогремел боевой клич Дюраторра.

Откуда взялись у него силы? Неведомо, непостижимо! Но столь велика была его ярость, что никто не мог устоять перед ним, даже Клыкач, предводитель сварт-альфаров, рослый, как человек. Когда меч Дюраторра описал над ним сверкающую дугу, он отразил удар своим каменным топором. Но Дирнуин прошел сквозь камень, и голова противника покатилась с плеч.

Увы, ни один клинок не может безнаказанно рубить камень, и при следующем движении верный меч переломился пополам. Но Дюраторр продолжал наносить удары, после которых никто не вставал с земли. И нечисть вновь отступила на край поляны, чтобы собраться с силами для решающего броска...

Тело Дюраторра обмякло, рука с обломком меча бессильно свесилась вниз. Голова его упала на грудь, и вокруг воцарилась мертвая тишина.

Глава двадцать первая КРЕСТ БЕЗ ПЕРЕКЛАДИНЫ

Гримнир спешил. Страх, алчность, нетерпение гнали его вперед.

Он наблюдал за погоней с Челночной горы, пока не погибла мара и пока, взглянув на север, он не обнаружил надвигающейся опасности. Он давно уже ждал отсюда недобрых вестей, но не думал, что беда придет именно сейчас и в *таком* обличье.

Никем не замеченный, он бегом спускался по склону. Внизу виднелся Приметный бугор, где только что был обезглавлен Клыкач и сварты в ужасе отпрянули от недвижного Дюраторра. Гримнир взглянул на обломок меча в упавшей руке, на четверых пленников, которых крепко, с обеих сторон, держали колдуны, — и замер на миг, охваченный тревогой и надеждой.

Над поляной кружила крупная черная ворона. Вот она опустилась на верхушку столба и надолго застыла там, выжидая. Все молчали. Ворона опять взлетела и начала описывать круги: все ближе и ближе к поникшему у столба Дюраторру. Вот она подобралась совсем близко... и уселась у него на плече. Но воин не пошевелился — его испытания окончились.

По всей поляне пронесся приглушенный вздох. Ворона соскочила вниз, повозилась у запястья Дюраторра и снова взлетела на столб. В клюве у нее болталась цепочка, на которой поблескивал Огнехлад. Она запрокинула голову, раздула перья на шее, растопырила крылья и, переваливаясь и подпрыгивая, принялась отплясывать неуклюжую джигу. Лес огласился победными воплями.

Гримнир оглянулся через плечо. Медлить нельзя, подумал он, стоит лишь ей опустить глаза к горизонту... Он сбежал вниз и начал проталкиваться сквозь толпу. На него оборачивались колдуны и ведьмы, и по рядам их катился испуганный крик. Не появление Гримнира повергло их в трепет, но жуткое зрелище за его спиной.

Колин, Сьюзен, Гаутер и Фенодири в бессильном отчаянии наблюдали, как сражался Дюраторр. Ярость и потрясение сделали свое дело: теперь они стояли молча, опустошенные, безразличные ко всему. Они лишь слегка повернули головы, когда нежить закричала от страха. И тут с ними поравнялся Гримнир. Он запнулся на секунду и двинулся дальше.

— Убейте их! — бросил он на ходу.

Сьюзен лишь беззвучно раскрыла рот. Колин и еле живой Фенодири побелели и отшатнулись, как от удара. Впервые на чьей-либо памяти Гримнир заговорил. И голос его был голосом Каделлина.

Нежить уже разбегалась во все стороны. Державшие пленников колдуны были слишком заняты спасением собственной жизни, чтобы губить чужие. Все с ужасом глядели на небо, а в небе творилось вот что.

С севера наплывала чудовищная черная туча. Она летела низко над землей — ниже обычных серых облаков — и походила на гигантского волка. Задние лапы его скрывались за горизонтом, длинное туловище выгибалось через все небо, мощные плечи и голова с ра-

зинутой пастью уже затмили северный край долины. В глазницах полыхали желтые молнии, утробным рыком раскатывался гром. Колдуны и ведьмы бежали кто куда, ища спасения. Но когда свирепый Фенрир из Рагнарока исполняет волю хозяина, о спасении нечего и мечтать.

Гримнир был уже на бугре: расталкивая ногами зазевавшихся свартов, он прошагал сквозь буковый лесок и вышел на поляну. Ворона по-прежнему сидела на столбе, втянув голову в плечи и злобно уставясь на приближавшуюся тучу. Она мгновенно сообразила, что нужно Гримниру, взмахнула крыльями и ринулась прочь. Но Безликий одним прыжком настиг ворону — и длинные, затянутые в перчатку пальцы сомкнулись на ее когтистых лапах. Другой рукой он вырвал из

клюва цепочку с Огнехладом и, с силой швырнув комок взъерошенных перьев прямо в каменный столб, повернулся и поспешил назад.

— Гляньте-ка,— заметил Гаутер,— вон тот длинный возвращается.

Ребята и Фенодири все еще плохо понимали, что происходит, и лишь когда Гаутер крикнул: «И у него твой браслет!» — они наконец опомнились.

Нежить больше не обращала на них никакого внимания. И даже Гримнир пронесся мимо, словно их тут не было.

— За ним! — скомандовал Фенодири. — Он не должен уйти!

Кругом была толчея и неразбериха, но Гримнира трудно было потерять из виду. И они припустили вверх по склону, еще не зная толком, что будут делать, если нагонят его. Гримнир добежал до стены, огораживавшей тропу-ущелье, вскочил на нее — и замер, уставившись вниз. Потом он повернулся и побежал обратно, но, не сделав и трех шагов, споткнулся, пронзительно вскрикнул и упал ничком, растянувшись во весь рост. Из спины у него торчал обоюдоострый меч с двумя золотыми змейками на клинке, такими яркими, что больно было смотреть.

Гримнир медленно поднялся на ноги. Меч упал на землю. Он шагнул раз, другой, третий... пошатнулся и рухнул навзничь. Капюшон соскользнул назад, открыв лицо, и ребятам показалось, что они сходят с ума. Это было лицо Каделлина — искаженное болью, но такое же доброе, мудрое, благородное, обрамленное серебряной бородой, которая пряталась под зеленой зловонной сутаной Гримнира Безликого.

Сьюзен подумала, что бредит. У Колина все мысли и слова куда-то улетучились. Фенодири плакал. И тут они услышали шорох: кто-то перелезал через стену,

выбираясь из ущелья. Они подняли головы и увидели Каделлина.

Он приближался, ступая по снегу; в глазах у него стояли слезы. Для обмена приветствиями момент был неподходящий, и никто не произнес ни слова. Каделлин опустился на одно колено, и слезы потекли по его щекам.

— О Гованнон,— прошептал он,— Гованнон!

Гримнир открыл глаза.

— О брат мой! За всю свою долгую жизнь не ведал я большего горя! Неужто и впрямь ты пал от моей руки?

Гримнир приподнялся на локте и, не глядя на Каделлина, повернулся к лесу. Глаза его нетерпеливо блеснули. Там, на опушке, бестолково метались перепуганные твари — и лишь одна, похоже, знала, что делает. То была Селина Плейс, одетая в черную мантию, и она бежала прямо к ним.

Гримнир повернулся и посмотрел на брата. Оба молчали, но в этот миг безмолвные взоры преодолели пропасть, разделившую их на века.

И снова Гримнир обернулся к Морригане. Она была уже близко. Он взглянул на небо, в дымящуюся пасть Фенрира, а потом на Каделлина. Слабая улыбка тронула его губы. Он поднял стиснутый кулак, разжал его — и Камень упал в подставленную ладонь Каделлина. Гримнир откинулся назад. Он был мертв.

Каделлин, побелев как полотно, подобрал меч и вложил его в ножны. Заговорил он не сразу, сиюсь совладать со своим голосом.

— Простите, что я не смог прийти на рассвете. Я не ожидал, что повстречаюсь с марами. И этого,— он взглянул на Огнехлад, мирно лежавший на ладони,— я тоже не ожидал. Будет что порассказать, когда мы соберемся в Хранилище. Но сначала...

Он перевел взгляд на Морригану. Она остановилась шагах в десяти и посматривала на них с опаской и злобой, не понимая, что произошло. Каделлин поднял и показал ей Огнехлад.

— Убирайся в Рагнарок,— приказал он негромко.

С перекошенным от ярости лицом Морригана взвизгнула и побежала прочь. И пока она бежала, облик ее изменялся на глазах. Вся она сжалась и сгорбилась, ноги стали тощими как палки, черная мантия растопырилась по бокам... и вот уже нет никакой Селины Плейс, только большая ворона, тяжело взмахивая крыльями, поднимается в почерневшие небеса.

— Скорей,— воскликнул Каделлин,— не то мы пропали! Гаутер Моссок, встаньте впереди — вот так, я положу руку вам на плечо. Колин, Сьюзен — слева и справа, и держитесь за меня покрепче. Фенодири, садись у ног и хватайся за мой подол. А Дюраторр не с вами?

— Он здесь,— дрогнувшим голосом отвечал Фенодири.— Но он уже не с нами.

— Что ты такое говоришь?!

Фенодири молча показал на пригорок:

— Дюраторр! Быстрее — мы не можем его оставить!

— Стой! — удержал его Фенодири.— У нас нет ни секунды, а ему теперь все равно. Взгляни: Фенрир уже здесь!

Все небо на севере и востоке заполнила волчья морда. Сквозь широко разверстую пасть чернела ненасытная утроба: холмы и долины исчезали в ней целиком. Ведьмы, колдуны, сварты и распугаи в диком страхе бежали на юг, давя и топча упавших. Впереди всех удирали птицы, но пасть настигала и их.

Только одна ворона не полетела на юг. Все выше взбиралась она в непроглядное небо, все ближе к оскаленной морде... пока не превратилась в черную точку,

и даже зоркий гном не видел, удалось ли ей избежать смертоносных клыков.

Когда необъятная пасть начала заглатывать склон горы, Каделлин высоко поднял правую руку с Огнехладом. Гаутер стоял как скала, Колин и Сьюзен с обеих сторон обхватили волшебника за пояс, Фенодири здоровой рукой вцепился в подол.

Сноп яркого голубого света вырвался из сердцевины Камня, укрыв их сияющим куполом. Снаружи, как стая голодных волков, завывали ветры, но вокруг них воздух был неподвижен. Сквозь голубую дымку смутно желтели чьи-то раскосые, хищные глаза. И еще звучали там жуткие голоса и клубились невиданные тени...

За хрупкой, полупрозрачной стеной их убежища ревел и бесновался мрак, но Каделлин Сребровласый с Огнехладом в руке был спокоен и несокрушим.

И тьма наконец рассеялась, и голубое сияние померкло. Щурясь от яркого солнца, стояли они впятером — выдержавшие гнев Настронда. Кругом, как на северном полюсе, простиралась выметенная ветром, сверкающая снежная пустыня. Ни сварта, ни распугая, ни единого живого или мертвого существа... и у столба на Приметном бугре было пусто. Все дальше на юг уползала черная туча. И в сердцах была радость, и слезы лились из глаз.

И на этом кончается повесть о Камне из ожерелья Брисингов.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Алан Гарнер родился 17 октября 1934 года в Великобритании, в городе Конглтон, графство Чешир. Он получил классическое образование в манчестерской средней школе, а также в колледже Магдалены в Оксфорде. Служил в Королевской артиллерии в чине младшего лейтенанта.

Гарнер — автор около двадцати книг для детей и юношества. Испытав в начале творческого пути сильное влияние Толкина, впоследствии одаренный фантаст обнаруживает свою яркую индивидуальность. Отличительная черта его книг — гармоничное сочетание глубины мысли и познавательности с умением создать столь реальные и красочные картины, что чтение напоминает просмотр увлекательного кинофильма. Автор побуждает юного читателя на сотворчество, развивает детскую фантазию и мышление.

В 1968 году писатель был награжден медалью Библиотечной ассоциации Карнеги, а также получил премию газеты «Гардиан» за свои талантливые произведения для детей.

Оглавление

Легенда об Олдерли 5

Глава первая. Верхний Редманхей 8

Глава вторая. Кряж 13

Глава третья. Подколодная нечисть 20

Глава четвертая. Хранилище 30

Глава пятая. Беспокойная ночь 41

Глава шестая. В каменном кольце 46

Глава седьмая. Фенодири 57

Глава восьмая. Туман над Черным озером 67

Глава девятая. Дом у обрыва 74

Глава десятая. Мостик над бездной 85

Глава одиннадцатая. Дюраторр, сын Гондемара 94

Глава двенадцатая. Сварт-собрание 103

Глава тринадцатая. Куда не заглядывают сварты 112

Глава четырнадцатая. Древние Копи 122

Глава пятнадцатая. Песня речного карла 130

Глава шестнадцатая. Рэднорский лес 138

Глава семнадцатая. Мары 155

Глава восемнадцатая. Ангарад Златорукая 169

Глава девятнадцатая. Странник 177

Глава двадцатая. Челночная гора 190

Глава двадцать первая. Крест без перекладины 203

Коротко об авторе 211

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии «Замок чудес»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА*

Гарнер А.

Г 20 Камень из ожерелья Брисингов: Сказочная повесть/
Пер. с англ. М. Бородинской; Худож. А. Куманьков.— М.:
АРМАДА, 1996.— 213 с.: ил.— (Замок чудес).
ISBN 5-7632-0224-4

Повесть английского писателя Алана Гарнера посвящена необыкновенным приключениям брата и сестры Колина и Сьюзен, приехавших на лето в деревушку у подножия Пеннинских гор. Таинственные, злобные существа объединились против ребят, узнав, что у них хранится волшебный камень, таящий безграничное могущество. Многие опасности им удалось преодолеть с помощью добрых гномов и мудрого волшебника.

ББК 84.4Вл

РЕДАКЦИЯ
ДЕТСКОЙ И ЮНОШЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Замок чудес

АЛАН ГАРНЕР

КАМЕНЬ

ИЗ ОЖЕРЕЛЬЯ БРИСИНГОВ

Сказочная повесть

Ответственный редактор
Л. В. Гостева

Редактор
Ч. М. Залилова

Художественный редактор
Л. П. Копачева

Технический редактор
И. В. Слепцова

Корректоры
С. А. Артамонова, Т. С. Дмитриева

Компьютерный набор
А. И. Шаронова

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Сдано в набор 06.06.96.
Подписано в печать 15.07.96. Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсет-
ная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,00. Тираж
13 000 экз. Заказ № 3630.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства «Самарский Дом печати»
• 443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

*Какое оно, далекое прошлое?
Вот бы побывать там и увидеть все своими глазами!
Жаль, что это почти невозможно... И все же об одном из
таких удивительных путешествий стало доподлинно
известно современной писательнице*

Екатерине Корнюхиной

*О нем она и рассказала в новой
фантастической повести*

«ИСПОЛНЕНИЕ ПРЕДСКАЗАНИЙ»

Веселой компании друзей – Татке, Андрею и близнецам Косте и Виле – неслыханно повезло! С помощью магического лабиринта, сложенного из обычных спичек, они очутились в другом времени, в глухой деревушке древней страны. Всем известно, что путешествия в неизвестное таят множество неожиданностей и опасностей. Не обошлось без приключений и на этот раз. Случайно сдвинув спички, ребята нарушили спокойную жизнь в королевстве и невольно явились причиной многих бед, постигших страну. Однако отважные путешественники во времени полны решимости сразиться со злом и вернуть людям королевства мир и благополучие.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Дорогие друзья!

Вы наверняка хотите поскорее узнать о новых приключениях героев фантастических повестей

Кира Булычева

Приятная встреча с удивительной девочкой Алисой и ее друзьями вас ожидает в книге знаменитого автора

«ПРИВИДЕНИЙ НЕ БЫВАЕТ»

Эта совсем новая и еще никому не известная история произошла с Алисой Селезневой и Пашкой Гераскиным на нашей родной планете — Земле.

Через таинственный сундук — вход в другой мир — Алиса, Пашка и волк Гаврюха попадают в загадочную страну. Ее жители страдают от постоянно преследующих их привидений, оборотней и прочей нечисти, которую насылает жестокий правитель Дракула. Наши друзья полны решимости избавить людей от напасти. Преодолев множество препятствий, они наконец-то проникают во дворец и... Вот тут-то и происходит самое неожиданное.

Смелость, находчивость и упорство помогают юным героям разоблачить шайку негодяев, долгое время безнаказанно терзавших жителей целой страны.

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

Джанет и Айзек Азимов

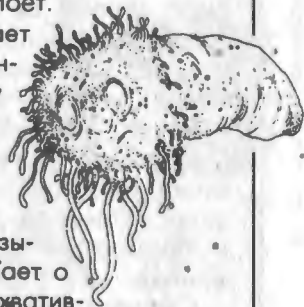
«НОРБИ И ПРОПАВШАЯ ПРИНЦЕССА»

*Дорогие ребята!**Эта книга продолжает рассказ
о фантастических приключениях робота Норби
и его друзей.*

Короля Физвелла и королеву Тизз постигла беда — пропала их дочь Ринда. Но, к счастью, на их родную планету Изз в это время попадает целая компания друзей — братья Фарго и Джефф, робот Норби, адмирал Ионо и невеста Фарго — Олбани Джонс в сопровождении необыкновенной кошки Оолы. Именно они и предпринимают попытку найти и освободить принцессу. Для этого земляне отправляются на необычную планету Мелодия. А необычна она тем, что ее жители — скользуны — общаются только мелодиями и жалят всех, кто для них не поет.

Поначалу на Мелодии землян постигает неудача — они не только не спасают принцессу, но и сами оказываются в плену у скользунов... О том, как развернулись события дальше, вы узнаете, прочитав фантастическую повесть «Норби и пропавшая принцесса».

Вторая повесть сборника, которая называется «Норби и захватчики», рассказывает о борьбе наших героев с существами, захватившими планету Дракониц. Похоже, эти захватчики объявили настоящую войну всем техническим достижениям — полностью отказываясь от цивилизации, они уничтожают все механизмы и всех роботов. И над Норби, угодившим в лапы (а точнее, в щупальца) к этим созданиям, нависает реальная угроза гибели...

ЗАМОК ЧУДЕС

Дорогие ребята!

Вы, конечно, любите животных,
и у многих из вас дома есть маленький друг –
собака или котенок, попугай или хомяк.

Все знают, как интересно наблюдать
за поведением и проделками этих прелестных
и непоседливых созданий.

А сколько удивительных и занимательных историй,
главными героями которых стали животные,
существует на белом свете!

О многих из них вам расскажут книги новой серии

Ковчег зверей

«Ковчег зверей» откроет для вас волшебный мир природы, в котором есть место всем – взрослым и детям, рыбам и рыбкам, птицам и птенцам, зверям и их детенышам. Увлекательные путешествия с «Ковчегом зверей» не только научат вас добру и состраданию всему живому, но и помогут ладить с животными, правильно понимать их, ухаживать за ними и защищать от беды.

Первые книги серии:

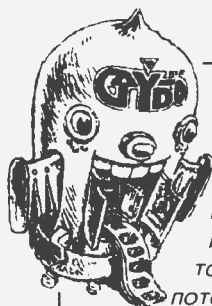
Люси Дэниелс «КОТЯТА НА КУХНЕ»

Фарли Моуэт «СОБАКА, КОТОРАЯ
НЕ ХОТЕЛА БЫТЬ
ПРОСТО СОБАКОЙ»

Арчи Бинз «БАСТЕР, КО МНЕ!»

Уважаемые родители! В новую серию войдут лучшие произведения современной художественной литературы о животных для детей 7 – 12 лет. Увлекательность содержания, красочность оформления, большое количество выразительных иллюстраций сделают чтение этих книг настоящим подарком для ребят. Многие произведения будут впервые изданы на русском языке. Первая книга выйдет в декабре 1996 года. Оформить подписку на книги серии «Ковчег зверей» вы сможете по адресу: Москва, ул. Новый Арбат, д.30, детская библиотека №23, или воспользоваться услугами службы «КНИГА – ПОЧТОЙ».

— Любители фантастики и приключений! —

Вы конечно же слышали про Алису Селезневу. С ней уже подружились миллионы девочек и мальчишек как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. И все потому, что эта веселая, отважная и находчивая девочка из будущего стала неременной и главной участницей самых невероятных и удивительных событий, рассказанных замечательным писателем-фантастом

Киром Булычевым

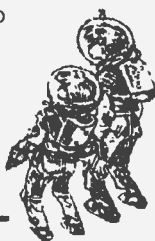
?

Но, может быть, кто-то до сих пор ничего не читал про приключения Алисы и ее друзей?

А кто-то хочет продолжить знакомство с полюбившимися героями?

В любом случае впереди у вас прекрасная возможность!

НОВЫЙ СЕРИАЛ

Приключения Алисы

это 14 книг замечательной фантастики, в состав которых войдут все, включая самые новые, не издававшиеся ранее, повести Кира Булычева о приключениях Алисы и ее друзей.

Первая книга сериала выйдет в сентябре этого года.

С этими книгами
вам не придется
скучать!

Уважаемые родители! Вы можете оформить подписку на книги сериала «Приключения Алисы» по адресу: Москва, ул. Новый Арбат, д.30, детская библиотека №23, или воспользоваться услугами службы «КНИГА – ПОЧТОЙ».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
€ **АРМАДА**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПЕРВУЮ КНИГУ СЕРИАЛА

Приключения Алисы

◆
Кир Булычев
ДЕВОЧКА ИЗ БУДУЩЕГО

«ДЕВОЧКА, С КОТОРОЙ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ»

«РЖАВЫЙ ФЕЛЬДМАРШАЛ»

«ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АЛИСЫ»

Фантастические повести

Уважаемые любители фантастики!

В книге Кира Булычева вас ждет множество увлекательных историй. Вместе с замечательной девочкой из будущего Алисой и ее друзьями вы вступите в противоборство с сумасшедшими роботами, побываете на далеких планетах, где живут необыкновенные

существа, совершите путешествие

на машине времени, а также

станете участниками многих

других невероятных

приключений

XXI века.

ОЧЕРЕДНАЯ КНИГА НОВОЙ СЕРИИ

Вольфганг и Хайке
ХОЛЬБАЙН

«ПРОРОЧЕСТВО»

Наш современник, пятнадцатилетний Атон, становится участником невероятных приключений. Внезапно жизнь юноши превращается в череду загадочных и жутковатых событий: его преследуют странные существа, он становится свидетелем того, как в музее оживает мумия. Неведомая сила уносит Атона в некий параллельный мир, населенный божествами, сфинксами и разумными животными, умеющими читать мысли. При этом юный герой не раз оказывается на волоске от гибели...

Причина происходящего долгое время остается тайной. Разгадка же кроется в событиях глубокой древности: оказывается, именно Атону суждено поставить точку в драматических событиях, разыгравшихся более трех тысяч лет назад в Древнем Египте, и разорвать чудовищное проклятие могущественного Эхнатона.

Издательство **ADMA DA**
выпустило и готовит к изданию книги следующих серий:

Издательский проект

РОССИЯ

Тысячелетняя
история Отечества
в событиях и судьбах

**ВЕЛИКИЕ
ВЛАСТИТЕЛИ**
в романах

О великих завоевателях,
полководцах,
государственных деятелях,
оставивших неповторимый след
в истории человечества

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Лучшие произведения
отечественных и зарубежных
авторов о животных

ЗАМОК ЧУДЕС

Сказочные повести и
детская фантастика

МНР
приключения

Несобычайные приключения,
увлекательная фантастика
и захватывающие детективы
для взрослых и юношества

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Произведения
отечественных и зарубежных
мастеров современной
остросюжетной фантастики

**КЛАССИКА
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
БОЕВИКА**

Всемирно известные
произведения боевой фантастики,
непресвоенных авторов жанра

**БОЕВЫЕ РОБОТЫ.
ВАТЦЕТЕСН.**

Звездные войны, боевые
машины будущего
в фантастическом суперсериале
корпорации FASA

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

Новые детективы
современных российских
писателей

**Знаменитые
сыщики**

Избранные произведения
детективной классики

УВАЖАЕМЫЕ РОДИТЕЛИ!

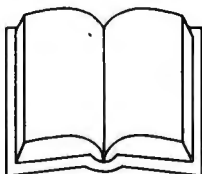
**К вашим услугам книготорговые организации,
в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА
мелким оптом и в розницу:**

МОСКВА:	"Лабиринт-К"	(095)	932-75-65
	"Москва"	(095)	229-64-83
	"Пресня"	(095)	255-10-68
	"Стожары"	(095)	952-18-81
АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул.Ахшарумова, д.2/41	
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442)	37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432)	34-95-89
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112)	45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422)	4-49-29
СМОЛЕНСК:	"Книжный центр"	(08100)	3-36-55
СОЧИ:	"Открытая книга"	ул. Парковая, д.17	
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20	
УССУРИЙСК:	магазин "Находка"	(423-41)	2-36-64

**Оптовые партии книг по ценам издательства
вам предлагают наши региональные представители:**

МОСКВА:	"Демалыс"	(095)	150-07-82
	"Колокол"	(095)	261-93-05
	"Стрела"	(095)	965-05-80
	"Тригон"	(095)	138-44-62
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812)	530-05-36
ВОРОНЕЖ:	"Амитель"	(0732)	23-00-02
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312)	36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Элпис"	(3832)	24-52-67
ОМСК:	"Сиббук"	(3812)	65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422)	44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Тандем"	(8632)	65-76-59
САМАРА:	"Реал +"	(8462)	41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512)	36-75-10

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

**125499, Москва, Кронштадтский бул.,
д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.**

Оформление подписки и продажа отдельных книг производится также по адресу:
**Москва, ул. Новый Арбат, д.30,
детская библиотека №23.**

SOD

10681567

ЗАМОК
ЧУДЕС

АЛАН ГАРНЕР

